

Н. А. ПОЛЕВОЙ

*Избранная
историческая проза*

Николай Алексеевич Полевой

Иоанн Цимисхий

Николай Алексеевич Полевой (1796–1846) — критик, теоретик романтизма, прозаик, историк, издатель журнала "Московский телеграф" (1825–1834).

Творчество писателя, журналиста, историка Н.А.Полевого (1796-1846) хорошо знакомо читателю. Настоящее издание включает исторический роман "Клятва при гробе Господнем", "Повесть о Симеоне, Суздальском князе" и византийские легенды.

Содержание

#1	0005
Иоанн Цимисхий Быль X века	0005
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	0005
ЧАСТЬ ВТОРАЯ	0187
КОММЕНТАРИИ	0361
СЛОВАРЬ УСТАРЕВШИХ И МАЛОУПОТРЕБИТЕЛЬНЫХ СЛОВ	0425

Иоанн Цимисхий Быль X века

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Nika! Nika (будь победитель)! — восклицали они, потрясая окровавленными мечами...

Прокопий. "История моего времени"

КНИГА I

...И созва Царь Константин книжники и мудрецы, сказа им виденное знамение об орле и змии. Они же порассудив, сказавша Царю: "Сие место Царьград, Седмихолмие наречется, и прославится, и возвеличится по всей вселенной паче иных градов. Но понеже станет между двух морь, биено будет волнами морскими, и поколебимо будет. А орел есть знамение благочестия, а змий знамение зловерия, и понеже змий одоле орла, являет бо ся яко зловерие одолеет благочестие..." Царь же Константин смутился о сем зело.

Древняя повесть о создании Царьград.

Величественна, таинственна, прекрасна столица Востока. Она всюду прекрасна: в Индии, под исполинскими пальмами Ганга и Баррампутера, в зыбучих песках Аравии, в розовых садах Персии, снеговых, горах Кавказа; и на торжище племен и народов, в той части Азии, где на каждом шагу видите вы отломок гробницы прошедшего, где каждый утес и пригорок отрывок из страницы давно минувшего! Сюда стекались они, народы Востока, каждый с хоругвию своей веры, с знамением своего назначения на челе. Здесь прошел в Европу пелазг, с мифами индийскими; египтянин на берега Нила, с тайною пирамид Мемфиса; маг останавливался здесь, с огненным владыкою своим, и после всех явился аравитянин с алкораном. Здесь, среди дебрей Палестины, отозвался голос истинной веры, низошло предвечное Слово на землю, туда, где невредим хранится гроб, единственный, который в день Страшного суда не отдаст никакого праха человеческого на голос трубы архангела. Кирпич Вавилона, черта писания персеполийского, черепок сосуда на берегах

Скамандра, камень в длинах Багдада, Пальмиры, Иерусалима — все говорит о судьбе народов, о переходах времен, в которых сливаются лета, и остается один символ веков — время, по слову Апокалипсиса: "протекло время, и полвремени, и еще полвремени..."

Неужели было время, когда эта Азия и эта Европа не были разделены, и житель Иды переходил к Гемусу, не думая, что переходит рубеж части света? Неужели лесом, степью и долиною застилались некогда эти волны эгейские, средиземные и эвксинские? Неужели грозные вулканы Италии говорят нам о причинах страшного переворота, когда разорвалась здесь земля; огонь и вода в кипении борьбы отодвинули на юг Африку и зажгли над нею пламенные лучи солнца, на восток — Азию и велели ей быть колыбелью человечества, на север — Европу и сохранили ее, как страницу, на которой человек должен вписать свою последнюю историю? И моря скатились тогда с севера и, оставя следы свои в Каспии к Эвксине, как змий извивистый, прокатились Босфором, раздвинулись кипящими волнами между Африкою, Азиею, Европою,

протекли между Геркулесовых Столпов, закрыли Атлантиду и влились в вечное зеркало солнца, Океан. И все утихло. Только Этна и Везувий загорелись тусклым светильником над рукописью Природы, которой мы разоб- рать не умеем. Человек пришел к Босфору и, смотря с берегов Востока на возвышенные берега Фракии, назвал их Европою.

Долго дики были эти берега, пока миф переплывал мимо них на среброрунном воле и в корабле аргонавтов, умирал в Орфее, сражался за похищенную супругу Менелая и умолкал в пещерах Самофракии, храмах Элевзина и в лесах Додона.

Тихо и спокойно, иногда бурно и порывисто, протекал Босфор, и века протекали над ним. Развился древний мир Греции и Рима и исчезал под волнами Нового мира, оставляя на поверхности его обломки искусства и законов, развалины силы своей, как семена нового образования, подобно островам Архипелага, обломкам первобытной, неведомой природы. Новые народы, новые царства теснились там и здесь, здесь и там. Горящим солнцем света вошла истинная вера.

И сюда, на берега Фракии, пришел властитель, утомленный жизнью дряхлого Рима. Здесь захотел он утвердить столицу мира. По его слову возникли мраморные стены, расцвели очаровательные сады, засветились золотые купола и крыши безмерного города; тысячи людей сошлись отовсюду, с богатствами со всех концов мира; море покрылось кораблями, и изумленные народы назвали новый город царя Константина — Царьград.

Как он величествен, как он великолепен, этот Царь-город, ставший на пределе Европы, опоясанный морями, гордо вззирающий на древнюю, тучную временами Азию! Он грозен, прекрасен и теперь, когда твердыни его уже разрушились, и угрюмый мусульманин сидит владыкой среди развалин его, не умея ответить на вопросы странника: Где здесь была Святая София? Где был Ипподром? Где были золотые чертоги греческих царей — и Халкидон, и Кизика, и Ферария, и Хризополь, очаровательные соседи Царьграда? — "Един Бог и велик Бог!" — говорит он и снова задумывается, ни о чем не думая.

Но за девять веков до нашего времени Ца-

рьград составлял диво народов; слух о нем гремел в отдаленных концах света; от стены Китая шли удивляться столице Греции. "Могли вообразить человек Царьград, если он не видал Царьграда!" — восклицали герцоги и князя Запада, видя его. "Мы на небе!" — говорили северные дикари, присутствуя при совершении молитв в соборе царьградском.

Но, увы! уже и тогда глубоко подмыты были основания Царьграда волнами разрушения; сквозь трещины в твердынях его величия зияла бездна, в которую надобно было упасть Царьграду. Православие без веры, великолепие без силы, ум без науки; слава в преданиях, бесславие в делах, гордость при удаче, низость в беде; смуты и крамолы среди царедворцев, смиренно повергавшихся перед троном, и трон, обесславленный пороком, окровавленный убийствами, потрясаемый изменою; войско, гордое именем римлян и составленное из наемных варваров; всюду разврат, хищение, своекорыстие — все за золото, все за корысть: такова была Греция, таков был Царьград в X веке.

Уже Запад был тогда отделен совершен-

но — и событиями, и жизнью, и верою. Латинский первосвященник обладал Римом и западною церковью; потомок дикого германца назывался римским императором, обитая в болотах Лютеции. Славянин и монгол, германец и турок владели обширными областями греческими, как Лаокоона змеи, обвивая своею силою царство Константина, — и не было ему спасения, не было благовестника, который возвестил бы ему спасение! Победные хоругви сынов Аравии и потомков турка веяли над гробом богочеловека и в диком величии не раз приближались к самому Царьграду. И одни ли сии мощные орды? Гордый болгар также заставлял Царьград выкупать спасение золотом; искатель опасностей варяг, в утлых ладьях, угрожал Царьграду и брал с него постыдную дань.

И не было спасения! Уже несколько веков на троне царьградском восседали владыки, перед делами которых злодейства Неронов, безумие Гелиогабалов могли показаться детскою игрою. Иногда Царьград видел на троне Константина сумасшедших изуверов, или схоластиков, которые писали наставления,

как править государством, спорили о непостижимых таинствах веры и повиновались воле дерзкого евнуха, льстеца ничтожного, управлявшего умом их, сладострастной невольницы, скифянки или армянки. И трон царьградский, казалось, стоял на месте, беспрерывно колеблемом землетрясением, — он страшно колебался, и с него беспрерывно падали без различия тираны смелые и власти-тели малодушные...

Время, когда происходили события, которые хотим мы рассказать, казалось однако же исключением из летописей Царьграда, предшествовавших сему времени и последовавших за ним. Чем же? Или это время освещено было явлением мудрых царей, смелых воителей, восстановленною славою Царьграда? Нет! Оно отличалось тем, что уже около ста лет правительствовали Царьградом императоры одного поколения. Убийством чудовища очистив дорогу к престолу, император Василий Македонянин твердо сел на нем, правил царством двадцать лет и передал державу сыну своему Льву. Премудрым называли Льва за то, что он наизусть знал все фигуры ритори-

ки, все силлогизмы и энтимемы логики. Сын его Константин назван был Порфирородным, потому что родился в багрянице царской, к изумлению всех, видевших, при восшествии на престол Константина, что уже третье поколение одного рода занимает царский престол. Но изумление еще более умножилось, когда еще два поколения продолжили на троне род счастливого Македонянина: сын Константина Роман и внуки, Василий и Константин, царствовали один за другим.

И этому дивились греки, называли благословенным род Василия за то одно, что этот род, без славы и доблести, сто лет держался на зыбком троне Царьграда.

Такова была Греция в X веке, хладнокровно привыкшая к непрерывным цареубийствам и похищениям трона, какими до Василия Македонянина ознаменовалось уже несколько веков царьградской истории.

Между тем, столетнее продолжение Македонского рода на престоле Константина Великого неужели не представило никаких позорных явлений, подобных тем, коими ознаменовались роды Копронимов, Ринотметов, Ис-

авров, Юстинидов, Ираклидов? Нет! Род Василия Македонского также изумлял явлениями безумства, хищений, превратностей судьбы. Но он удерживался на троне, хотя Греция видела, чего не видала прежде, двух, трех, четырех, пятерых императоров, теснившихся вместе на престоле Константина Великого.

Какое изменение судеб! Рим великий! Прежде одному императору твоему тесно бывало на всемирном троне, а теперь пять императоров усаживались на троне империи, носившей твое имя и едва обладавшей бедными обломками твоего бесконечного царства!

Да, пять императоров в одно время. Такая странная судьба предоставлена была Константину Порфирородному. Рожденный в багрянице и младенцем посаженный на престол, только сорока лет сделался он императором не по одному имени. Дядя его, Александр, правил во время его малолетства, назначал Константину страшную участь скопца, умер, не совершив злодейства, и опекунство перешло к матери Константина, императрице Зое. Дерзкий вельможа, Роман Лакапин, обратил

на Царьград войско, вверенное ему для защиты от врагов, объявил себя императором, оставил Константина на троне, и три сына Романовы были облечены в императорскую багряницу вместе с ним: пять императоров царствовали таким образом, если не считать еще развратной Елены, дочери Романа, супруги Порфирородного. Неблагодарные дети похитителя наскучили, наконец, разделенною властью, восстали, свергли старого отца; пустынная обитель, на одном из отдаленных островов Архипелага, приняла на весь остаток жизни несчастного честолюбца. Он печально бродил по берегу острова, когда вдали забелелись среди волн эгейских паруса императорской галеры; она пристала к берегу, и старик увидел детей своих, которым Елена назначила такую же участь, на какую они осудили своего отца. "Упрекать ли мне вас, неблагородные?" — спросил Роман. Он остановился, улыбнулся горестно и позвал детей в келью разделить с ним обыкновенный обед его: кусок хлеба и кружку воды. Отец и дети умерли, забвенные всеми, а Константин царствовал, пока Роман, юный сын его, не наску-

чил долговременную жизнь отцовскою. Яд прекратил дни Константина, и этот яд поднесен был ему рукою сыновнею! Через три года яд прекратил дни юного Романа, и этот яд поднесен был ему рукою супруги его Феофании...

Роман представлял собою странную прихоть природы: красоту телесную, какой не много видали — это был Антиной, Аполлон Бельведерский, — и безобразие душевное, редко встречаемое в такой ужасной степени. Раб страстей, невольник своего гинекея, Роман изумлял удивительною силою и ловкостью в играх Ипподрома, изумлял и развратом, и безумною роскошью! Феофания, бедная девушка, красоты необыкновенной, возведена была им на трон, в нарушение всех приличий Двора, и страшно ответила за эту почесть своему неверному супругу.

И опять четыре императора восседали на троне царьградском: Феофания правила самовластно государством; два малолетних сына ее, Василий и Константин, носили название императоров. Феофания отдала руку свою Никифору, полководцу императорских войск, и

он был облечен в императорскую багряницу.

Таково было состояние царьградского двора, когда греки считали 6477-й год от сотворения мира, или 969-й от воплощения Бога слова; индикт был 13-й, а золотое число и пасхальные знаки обещали благоденствие царю и царству, по вычетам мудрых звездозаконников.

В самом деле, если бы странник, с Запада или Севера, был сонный перенесен, прямо из своего Запада или Севера, и проснулся в стенах Царьграда, он мог бы подумать, что звездозаконники не обманулись, предвещая славу и благоденствие Царьграду.

Он не видал бы следов гибели и разрушения по всем фишам, или областям греческого царства; не видал бы шатров сарацинских и кибиток монгольских близ мраморных стен полуразрушенных городов, некогда столь великих, столь громадных; не видал бы потомков римлянина в рабском одеянии, в цепях, с колодками на шее, под бичами сурового иноверца, влекомых в отдаленные страны Азии и

Скифии, дев Пелопонеза и Архипелага в зверских объятиях поганого язычника...

Он увидел бы только обширный, безмерный город, столицу потомков Константина, роскошно и великолепно восседающий на краю Европы. С одной стороны лелеют его волны Пропонтиды, или Мраморного моря, с другой ласкаются к нему валы Эвксина, через пролив Георгия Победоносца, или Босфор Фракийский, вливаясь далеко в землю, с восточной стороны города, и образуя собой гавань Золотого Рога, или Рог изобилия. "Дайте мне то, что хранится в этом роге изобилия, и я куплю полмира", — сказал бы чужеземец, смотря на бесчисленное множество кораблей, с мехами Скифии, багряницами и паволоками Вавилона, хлебом Архипелага, золотом Азии. Двойной ряд стен окружает Царьград, и через них видны верхи пятисот церквей православных. Ужасные машины воинские на стенах и опускаемые мосты, по которым можно грянуть прямо на корабли, дерзнувшие приблизиться своевольно к Царьграду, грянуть и попалить их неугасимым греческим огнем; ров, глубокий, как дно моря, который, раздвиг-

нув плотины, можно мгновенно наполнить водою; тридцать двой железные ворота, замыкающие пространство пятидесяти верст и делающие правдоподобными басни о стенах Вавилона и стовратных Фивах; железная, тяжкая цепь, по морю перегораживающая отверстие Золотого Рога и уничтожающая все покушения неприятелей; блестящее войско по стенам, крепкая стража у Золотых ворот, сверкающих позолоченным своим верхом, и — возвышающийся среди всего этого необъятный купол соборного храма Святой Софии — таков представился бы Царьград взорам изумленного странника.

Но пусть идет он в самый Царьград, пусть увидит его обширные площади, уставленные статуями и чудесами искусства, которые веками собраны с Египта, с Италии, с Азии, с Греции, как знаки величия царьградских властителей. Пусть исчислит странник великолепные громады зданий, под сводами которых проходят целые улицы и гнездится многочисленное народонаселение, когда под сими сводами возносятся висящие сады вельмож и богачей и палаты их, убежища неги и

роскоши, как будто на земле уже недостает места строить здания для царьградских сатрапов... А торжища Царьграда, где толпятся купцы Багдада и Киева, Александрии и Марсея, слышны двадцать наречий и языков, как при столпотворении вавилонском? А эти базары, где потомок Мугаммеда сидит на своем верблюде, с мешком алмазов, потомок славянина указывает на груды соболей и куниц, и дикий готф раскладывает куски янтаря, извлеченные из недр Мурманского моря и собранные на берегах Венедских, или в лесах Боруссии! А лавки и магазины греческих и восточных купцов, сверкающие, как будто звездами, драгоценностями, когда их осветят вечером разноцветным огнем?

Но что их великолепие против великолепия святых храмов Божьих, где самоцветные камни, муссия и золото рассыпаны щедрою рукою благочестивых дателей! Он повторит восклицание: "Мы на небе!" — присутствуя в сих храмах, когда безмолвно преклоняются пред величественными иконостасами тысячи людей, растворяются царские врата алтарей, святители возносят золотые сосуды с боже-

ственными дарами, возглашая: "От всех и за вся!" — и сладкогласные хоры оглашают своды храмов звуками смиренного Кири элейсон (Господи, помилуй!).

Пусть взоры странника остановятся и на пяти исполинских чертогах императоров греческих — Влахерне, от которого в волны Золотого Рога спускаются ступени мраморных крылец; Вукалеоне, который приветствуют взорами мореходцы, приближаясь к Царьграду и удаляясь от него. Пусть подивится он рассказам тех, кто был допускаем во внутренность сих чертогов, видел их золотые триклинии и багряные гинекеи, заглядывал в их бесконечные подземелья и удивлялся обширности стен их, множеству дворов, в которых оружейные палаты, церкви, казнохранилища, торжественные врата, порфирные столпы, брызжущие прохладой водометы и цветистые сады, отдельные торжища, места для житья и собрания царедворцев и вельмож, представлялись им дворцы Вукалеонский и Влахернский волшебными жилищами, созданными волею чародея...

Но странник утомлен... Пусть остановится

он на мысе, разделяющем волны Пропонтиды от волн Георгиевских, и с террасы Вукалеона взглянет на необозримое пространство берегов Европы и Азии, сплошь усеянных загородными домами и садами императора и вельмож, монастырскими обителями, селениями, виноградниками, обширными городами, составляющими предместья — Халкидоном, Хризополем (Скутари), Галатою. Далеко из вида его уходят пленительные окрестности Царьграда, где искусство спорит с природою, величие с прелестью, как будто не зная, кто из них более обогатил семихолмную столицу Константина. Царьград, как и Рим, также был построен на семи холмах.

Наконец, если странник наш взглянется в бесчисленное народонаселение Царьграда; в бесконечное движение на его улицах, торжищах, пристанях, в его предместьях и окрестностях, в эту общественную жизнь, живую, страстную, где сила, выражаемая мужественными лицами мужчин, равняется прелести, выражаемой красотою лиц женских; если он вслушается в эту смесь веселья и набожности, звон колоколов, сливающийся с сладкоголос-

ными песнями народа, весело гуляющего по берегам и беспечно бегущего, в раззолоченных ладьях, искать прохлады и неги на берегах Азии, и опять стремящегося оттуда на берег Европы, в свой золото-мраморный Царьград; если он оглянется на вечно яхонтовое небо, откуда лучи солнца как будто любят гладкую, зеркальную поверхность Пропонтиды, и кипят пурпуром и золотом в лимонах и виноградах тучной почвы византийской — он скажет, что Царьграду определено быть столицею мира.

Видя Царьград, видя, как среди его народонаселения движутся непрерывно дружины воинов, то в золотых, то в богатых цветных одеждах, движутся и покорные, наемные варвары, умножая собою разнообразное величие войск императорских и нося на плечах стальные варяжские секиры, скифские железные бердыши; видя притом ряды сих воинов в преддвериях Влахерна и Вукалеона, кипящих движением царедворцев, гордых, великолепных, сопровождаемых многочисленною свитою, на аравийских, облитых золотом, унизанных жемчугом конях, или в блестящих ко-

лесницах; видя, наконец, как все благоговейно преклоняют головы и колена при одном имени императора — что подумает странник об этом незримом владыке, повелителе Царьграда? Не вообразит ли он его земным Богом, посланником Бога небесного, Христом — как называли императоров своих греки? Не скажет ли, что этот владыка, по величию своему, достойный преемник тех владык вечного города, которых умоляли народы о позволении воздвигать им при жизни алтари? "Победа, сила, слава и величие должны венчать его, и имени его должны трепетать отдаленные народы". — Так подумает странник.

И в самом деле, в то время, которое избрали мы для нашего повествования, властитель царьградский казался велик и славен не одним только величием и великолепием Царьграда. Победа и завоевания приветствовали Грецию на полях Сицилии и Малой Азии. Блестящие воинские подвиги открыли Никифору путь к престолу. Завоеватель Крита, еще бывши императорским воеводою, он в торжественном триумфе въезжал в Царьград, и современники его с изумлением описывали сей

триумф. "Золота, серебра, золотых монет, оде-
жаний, испещренных золотом, багряных ковров
и разных драгоценных вещей, с чрезвычай-
ным искусством сделанных, блестящих доро-
гими камнями, доспехов, шлемов, мечей,
броней, изукрашенных золотом, копий, щи-
тов и тугих луков столь великое было множе-
ство, что всякий сказал бы, что все богатство
земли неприятельской было тогда снесено на
площадь, и подобно было втекающей, так ска-
зать, в Царьград глубокой реке сокровищ" [1].
Выбор Никифора в императоры последовал
среди воинского лагеря, который поставил он
на полях Каппадокии. Облеченный в импера-
торскую порфиру, Никифор, в течение пяти-
летнего своего царствования, мало обитал в
чертогах царьградских. Повелевая многочис-
ленными воинствами, вечно в лагере, он за-
ставлял трепетать врагов Греции, и потомки
халифов ужасались, слыша, как города десят-
ками покорялись его оружию, как пали перед
ним Мопсуестия и Тарс Киликийский, 200 000
мусульман погибли в один день под мечами
греков на берегах Соруса, в то время, когда
флот египетский тщетно спешил на спасение

своих единоверцев. Но ни одно завоевание не было так славно, как завоевание Антиохии. Когда ворота Мопсуестии привезены были в Царьград и вделаны в городские стены, как памятник подвигов императора, пришла весть о взятии Антиохии — третьего города в мире, после Рима и Царьграда, по своему величию и богатству. Затем пал Алепп, место пребывания гамаданских властителей, обладавших древней Месопотамией. Три палаты, наполненные драгоценными оружиями, тысяча четыреста мулов в конюшнях и триста мешков золота и серебра в казнохранилищах достались победителям в одних только чертогах властителя алеппского. Добыча в городе была бессчетна. Недоставало лошадей и мулов вести ее. Более ста городов было, наконец, отнято из рук мусульманских. Никифор перенес оружие за волны Евфрата, уже повелевая горными хребтами Тавра и Амана. Багдад ожидал неизбежной гибели и беспощадной мести. Но важные занятия удерживали императора в Царьграде, где одним взглядом своим укротил он бунт, восставший между народом. Мужественный брат императора, Лев,

украшенный званием Куропалата, был правою рукою его в Азийских победах, когда другой брат, Эммануил, вырвал у африканских варваров древние Сиракузы, возобновляя славу побед Велизария на итальянских берегах, а дети Льва, патриций Никифор и Дука Бард, торжествовали в Эдессе и Гиерополе. Голос народа назвал императора утреннею звездою побед и гибелью сарацинов, и льстецы говорили, что гром завоеваний его потрясает своды небес и отдается во всех концах вселенной.

Между тем, суровый воитель, облеченный в багряницу Августа, казалось, не слышит льстивых восклицаний царедворцев и народа. Удаленный в тайные чертоги Вукалеона, он, мрачно и задумчиво, один ходит по золотым палатам дворца. Никто не смеет предстать пред его взорами; никто не знает: какие думы тревожат душу Никифора? Оставляя другим веселье и забавы, он не участвует в роскошных пирах царедворцев и супруги своей. Когда звуки музыки и песен потрясают своды чертогов императрицы, Никифор остается в своем царственном уединении. Видят

тайные созерцатели дела его, как нередко, повергаясь перед образом Спасителя, он облекается во власяницу и со слезами молится. Оставляя пышное ложе императорское, нередко спит он на простом красном войлоке и барсовой коже среди золотой ложницы своей, покрываясь на ночь ветхою рясою св<ятого> Михаила Малеина, дяди своего, инока, заживо прославленного благодатию чудес и умершего праведно и свято. Но о сих тайнах благочестия и смирения императорского едва ли смеют говорить шепотом, и едва дерзают прибавлять к тому, что никогда еще император не казался столь угрюм, суров и мрачен. Что тревожит его? Неужели слухи о поражении греков в Сицилии и движениях варваров на Дунае? Но может ли беспокоиться о том грозный покоритель Антиохии, Тарса и Алеппа! Или затмение солнца смутило ум его, затмение столь дивное, что звезды показались среди белого дня, и изумленный народ со страхом ждал беды и злополучия, предвещаемых сим небесным знамением? Но Никифор, крепкий верою в Бога, выше суеверных опасений. Достовернее всего было мнение тек, ко-

торые приписывали тайную скорбь императора кончине родителя его кесаря Барды, мужа маститой старости, украшенного мирными добродетелями и воинскими подвигами. Император, не осушая глаз, пешком шел за гробом его. Но ему ли, христианину, печалиться о блаженном успении родителя, когда при том сей родитель, умирая, назвал себя счастливейшим из отцов и говорил, что если сыновья его будут скорбеть об его смерти, то оскорбят его среди блаженства, которого надеется он от милосердия Божьего!

Так причина мрачности и тайного уныния императора Никифора оставалась непостижимой для самых приближенных к нему особ. Народ ничего не замечал. Никифор являлся среди народа в прежнем, недоступном величии. Взоры подданных не смели останавливаться на лице его и смиренно клонились долу. Притом, казалось, что он оживал, развесялялся, когда выезжал к своему войску, собранному на воинские игры и ученье, когда начинал с ним говорить о трудах и походах, вместе совершенных, о новых победах, каких надеется от милости Божией, от их усердия и

храбрости. Весел становился Никифор, взирая на быстрые движения воинов, совершаемых, в тяжелых доспехах, при звуке труб, при громе бубнов и кимвалов, взирая, как смело мчатся воины его на конях, метко стреляют из луков и ловко действуют копьями. Грусть его рассеивалась еще, когда вступал он в храмы Господни, которые посещал ежедневно, усердно повергаясь в молитве перед царем царей. Но тщетно звала его Феофания на великолепные пиры свои, где прежде являлся он, редко, но являлся однако ж, и ласковым приветом ободрял веселость собеседников.

Вдруг, неожиданно, глашатаи поехали по Царьграду и при звуке труб возвестили, что завтрашний день император назначает свой торжественный выезд в храм Св<ятой> Софии, прием послов, прием двора и игры Ипподрома. Весь Царьград взволновался. Только три раза со времени восшествия на престол Никифора были объявлены такие торжественные дни. Он въезжал в Царьград неоднократно победоносным триумфатором, но не любил являться народу в величии, какое лезть и рабство придумали для императоров

греческих. Народ, напротив, любил такие выезды, приученный к роскоши и великолепию прежними властителями. Тут был случай богачам показать все свое величие, своих многочисленных невольников, золотые колесницы, парчи, паволоки на балконах чертогов; вельможам и царедворцам играть важную роль в глазах народа, когда при победных триумфах только воины-победители окружали императора, а царедворцы являлись в бессильном унижении перед последним сотником. Наконец, радовались все купцы, торгаши, все содержатели постоялых домов и гостиниц — одни не успевали наготовиться дорогих тканей, одежд, ковров, украшений; у других места не доставало для множества народа, стекавшегося тысячами из окрестностей Царьграда. А сто тысяч праздных тунеядцев, мошенников, негодяев, которым нечего было есть, которые просыпаясь поутру не знали: найдут ли себе в этот день кусок хлеба или должны умереть голодной смертью? И другие сто тысяч тунеядцев, которые не знали, что делать, потому что не ведали, куда девать им время и богатство? Какое

благодеение для всех таких людей все торжественные дни, публичные зрелища и гулянья! Театров не было в Царьграде; бульваров и отдельных гуляньев тогда не знали. Роскошь и праздность укрывалась в уединения чертогов, и злые люди говорили, будто от того всегда наполнены были церкви царьградские народом, что этому народу некуда было деваться от скуки. Нередко богачи тратили огромные суммы для народных увеселений, заставляя народ петь, плясать, есть, пить, драться, и любуясь, развлекаясь таким зрелищем. Словом: весь Царьград зародовался, закипел деятельностью, зашумел при известии глашатаев. Необходимые приготовления начались с раннего утра: мели улицы, поливали их водою, украшали дома; войско двигалось в назначенные места блестящими легионами; всякий, кто занимал какое-либо место или исполнял какую-нибудь должность, спешил к своему назначению, а толпам народа, входившим в Царьград, бродившим по улицам, занимавшим места в храме Св. Софии, и в Ипподроме, и на площадях, где должен был проезжать император, не было ни числа, ни меры.

Великое стечение народное теснилось особенно у врат дворца Вукалеонского. Никого не пускали в дворцовую ограду, ибо, несмотря на обширность места, едва помещались в нем придворные, чиновники и их провожатые, их кони и колесницы. Полк Бессмертного легиона расставлен был около самого дворца; златоносные латники стояли по ступеням главного крыльца; председатель заняли ратники стальноносные.

Между тем, все золотые, мраморные и порфирные залы дворца, составлявшие прямое, длинное протяжение, до самого входа в Священную залу, где воздвигнут был трон императорский, наполнились чиновниками, военными, гражданскими, придворными, духовными. В строжайшем порядке, по чинам и местам, расставлены были все присутствовавшие; глубокое молчание наблюдал каждый, ибо слово, вслух произнесенное, почиталось оскорблением величия и святости императорского жилища, если было произнесено не по приказу императора.

Звон колоколов, огласивший весь Царьград, возвестил выход императора из внут-

ренных его чертогов. Сотни тысяч людей крестились в это мгновение, говоря! "Господь, да сохранит вхождение твое и исхождение твое".

Шествие началось множеством черных невольников с обнаженными, кривыми саблями на плечах. Затем следовали невольники белые, евнухи, пажи императорские, дружина фарганов, или чужеземных воинов. Державу и скипетр несли на подушках протоспафарий (фельдмаршал) и Великий дукс (адмирал), как будто знаменуя, что на войске и флоте основывается сила государства. Великий протовестиарий — главный начальник всех обрядов и церемоний, с серебряным жезлом в руках, следовал за ним. Четыре силентиария (повелители молчания) громогласно провозглашали: "Благословите и молчите!" — Шепотом повторило все собрание: "Осанна! благословен грядый во имя Господне!". Шепот пролетел, как порыв вихря, и замолк. Все головы преклонились; руки присутствовавших сложены были на груди.

Мы не станем описывать, кто и как сопро-

вождал императора, кроме людей упомянутых нами; как происходили разные мелкие обряды шествия; как достиг император до Священной тронной залы. Отсылаем любопытных к огромной книге, в которой Константин Порфирородный, на память потомству, в научение сыну своему, собрал и изъяснил все обряды царьградского двора, назвав свое сочинение: Σύνταγμα. Константин написал еще несколько книг: о правлении государством, о состоянии Греции. Но, кажется, ближе всех к сердцу его были "Синтагмы" его, где подробно говорит он об обрядах благоговения, указном почтении, уставах церемоний двора царьградского. Что делать! Править государством был он небольшой знаток, а знать обряды учился с самого детства, глядя на государство свое только из портиков Вукалеона и Влахерны...

Впереди императора Никифора шли два отрока, единственные потомки Македонского рода. Императоры Василий и Константин, в белых одеждах, с золотыми повязками на голове. Оба они казались одинаких лет, но уже можно было заметить разницу между двумя

братьями. Один, прозванный впоследствии Ужасом Булгаров, был суров и угрюмо смотрел на все его окружавшее, как будто спрашивая: "Найду ли среди вас таких, кто стоил бы моего правления?". Другой, дитя до старости, и тогда казался уже изнеженным, избалованным сатрапом; женоподобный, нежный, слабый по виду, он невнимательно смотрел на свои красные сандалии — знак отличия императорского, любовался блеском и пышностью двора и взором своим как будто спрашивал окружающих: "Неужели никто из вас не возьмет на себя труда править мною и вместо меня?"

Другую противоположность составляли сам император Никифор и императрица Феофания, шедшие рядом. Он, с мрачным, смуглым лицом, с нависшими бровями, из-под которых сверкали черные глаза, всегда выражавшие глубокую думу или холодное презрение — с бородою, падавшею на грудь, густою, черною. Почти шестидесятилетний старик, Никифор казался еще старее, удрученный походами, трудами, заботою государственною; седина пробивалась на его бороде и густых

черных волосах; рубец на щеке был свидетелем, что он не щадил себя в битвах; но впрочем, высокий, широкоплечий, Никифор казался Геркулесом, несмотря на свою старость, даже и в цветном, блестящем одеянии императорском, казался Геркулесом, пойманным Деянирой и одетым по ее прихоти в роскошное женское платье. Его Деянира — Феофания, была красавица, высокая, стройная, прелестная женщина. Двадцати пяти лет от роду, она казалась гораздо моложе; трудно было найти у кого-нибудь белее и нежнее лицо, пламеннее глаза, ласковее, сладострастнее взор, стройнее ручку и ножку и очаровательнее все движения. Феофания была отличная певица, танцевала, как индийская баядерка, и тайно говорили между собою, знавшие Феофанию до возведения этой красавицы на императорский престол, что не однажды служила она моделью для ваятелей и живописцев, хотя строго запрещено было законами подобное безнравственное дело. И теперь, хотя все головы были преклонены и никто из присутствовавших не смел возвести взоров своих на императора и императрицу, глаза Феофании,

казалось, искали: кого бы можно было утешить им за скуку принуждения? И в то же время гордая поступь и самый этот снисходительный взор готовы были напомнить дерзкому, который самовольно осмелился бы взглянуть на Феофанию, что он видит перед собою повелительницу миллионов, супругу императора царьградского.

Император неожиданно остановился в зале, находившейся перед самою тронною, где собраны были знатнейшие вельможи. Он обратился к одному из присутствовавших в этой зале. Казалось, что это вельможа, удостоенный такой необыкновенной милости, был до того времени чужд всем царедворцам. Он стоял в удалении от других, хотя и наряду с знатнейшими. Это был человек небольшого роста, лет сорока пяти, в полной силе мужества, что доказывали его прекрасное, выразительное лицо, его жилистые руки, широкие плечи. Русые волосы его падали кудрями по плечам и рыжая, небольшая борода оттеняла свежие румяные щеки. Богатая одежда являла знатный сан его, и когда Никифор остановился против него, преклонясь низко пред импе-

ратором, смело поднял потом этот царедворец свои быстрые голубые глаза на угрюмое лицо императора. Но Никифор не сказал ни одного слова, только изъясил рукою привет, и вошел в тронную; багряные завесы раскрылись перед ним и опустились снова, едва только императоры и императрица прошли сквозь мраморную арку, отделявшую тронный зал. Все, что предшествовало им, оставалось в разных залах, так что в тронную вступили только протоспафарий и дукс, с державою и скипетром, Великий протовестиарий, Великий доместик (первый министр), Великий куропалат, брат императорский Лез и Великий логофет (главный казначей).

Трудно было разгадать, что за чувство изображалось на лице вельможи, удостоенного приветом императорским перед тронною залю. Говорили, что при царьградском дворе изобретено было особенное искусство — улыбаться не смеясь и глядеть не смотря, и что не изучивший вполне сего искусства не должен являться ко Двору. Насмешка эта основана была на том, что царьградские греки умели прикрывать улыбкою все — гнев, печаль, зло-

бу, раскаяние, улыбались, поднося яд врагу, улыбались, рабствуя перед волею своих повелителей, улыбались, терзаемые по их приказу. Обязанность потуплять глаза и преклонять голову перед каждым, чем-либо превышавшим других, заставляла прибегать к необходимости глядеть таким образом, чтобы можно было видеть все и всюду, заметить улыбку властителя и угрожающий взгляд неприятеля, когда, казалось, глаза были потуплены в землю.

Так и вельможа, удостоенный мимолетного привета императорского, улыбнулся, оживил весельем лицо свое, как будто восторг наполнил его душу. Но кто взгляделся бы в его светлые глаза, тот заметил бы, что гнев и негодование скрытно отразились в этих глазах, заметил бы и руку, невольным, судорожным движением коснувшуюся золотокованого меча; нижняя губа рта его едва заметно задрожала. Но через мгновение все исчезло; он благоговейно поднял взоры к небу, как будто взоры его оживлялись благодарением царю небесному за неожиданную милость царя земного. Любопытно было еще видеть, как, не

двигаясь с мест своих, все умели изъяснить этому человеку свою радость, свой привет, взорами и улыбкою, выражением лиц, как все, до сей минуты отворачивавшиеся от этого человека, явно показывавшие ему свою холодность, даже свое презрение, вдруг изменились... И все произошло оттого только, что император, проходя мимо, ласково приветил его рукою, даже не сказавши ни одного слова...

Но в эту минуту загремели трубы, литавры, кимвалы, и, при пении духовного гимна, багряные завесы тронной поднялись; великолепная, освещенная утренним солнцем, тронная явилась в полном величии. На возвышенных ступенях, покрытых золотыми бархатами, видны были два драгоценных трона, и на них восседали Никифор и Феофания; с одной и другой стороны восседали на малых тронах Василий и Константин. Скипетр и держава были в руках Никифора. Его корона горела в бриллиантах, когда на Феофании и детях ее были только кованые золотые венцы. Балдахин над тронами составляло серебряное дерево, с серебряными, золотыми и из драгоцен-

ных каменьев сделанными листьями, плодами, птицами. Все это, простираясь в тысяче ветвей от древесного пня, составлявшего основание трона, сплеталось густою беседкою под самым потолком. Два золотые льва, с изумрудными глазами, видны были по обеим сторонам тронов, огромные, изумлявшие хитрым искусством ваятеля. Далее по сторонам, на золотых столпах, развешаны были трофеи, дорогие оружия; названия Тарса, Алеппо, Антиохии, Сиракуз, множества других городов напоминали победы Никифора. Из драгоценных хрустальных курильниц неслись благовония, обвивая легким дымом порфирные столпы, поддерживающие хоры, с золотыми балясами. Огромный золотой ангел парил, с трубою в руке, посредине тронной, на цепи, унизанной яхонтами. Между столпов, и к самому трону, стояли избранные стражи, из греческих и иностранных легионов, облитые золотом: тут виден был узкоглазый гунн, голубоокий фаранг, черноволосый аравитянин, красивый грек — каждый в своем народном одеянии, с серебряными акуфиями, бердышами, секирами. Благоговейно, почтительно, в

отдалении от трона, находились шесть сановников, вступивших в тронную с императором. Вид из тронной простирался на необозримое протяжение зал, наполненных чиновниками, воинами, духовенством, и оканчивался стальными бронями избранных воинов в предсении, казавшихся неподвижными статуями заколдованных богатырей. И все было погружено в глубочайшее молчание.

Умолкли трубы и литавры. Выступил чиновник и громко проговорил:

"Император Никифор, владыка Эллады, Рима, Святого моря, Эвксина и Геллеспонта, самовластитель, опекун царей Василия и Константиона, в начале всех милостей сего благополучного дня, позволяет тебе, рабу своему, восточному доместику и магистру Иоанну, называемому Цимисхий, приступить к обожанию императорского трона".

При сих словах тот вельможа, которого приветствовал император перед тронною залю, выступил тихо, медленно, вошел в тронную и преклонил колени посреди сей залы.

"Иоанн! — проговорил тогда император, — ты имел время раскаяться в своих поступках

и покорностью умягчил сердце наше. Просьбы возлюбленной супруги нашей сделались доступны нашему милосердию, и, по ее молению, мы позволяем тебе видеть наше светлое лицо. Окажи себя впредь достойным неизреченных наших милостей. Восстань!"

Цимисхий встал, преклоняя голову,

"Хотим видеть: достоин ли ты будешь вполне нашей щедроты, и, снисходя милостиво и милосердо, позволяем тебе свободно жить в твоём царьградском доме. Входить в императорские чертоги наши ты не должен без особенного призыва нашего. — Позволяем тебе говорить".

— Августейший монарх, мой владыка и повелитель! — отвечал Цимисхий смиренно и тихо. — Чем воздать за твою милость и неслыханную щедроту? Если молитвы мои могут умножить хотя единою йотою тук молений, миллионами возносимых за царя земного царю небесному, я вознесу их — за тебя, твою возлюбленную супругу и августейших детей.

"Казню и милую по воле! — произнес Никифор, взмахивая скипетром, — позволяю те-

бе остаться у моего трона на сей день".

Он указал место Цимисхию, и с низким поклоном стал Цимисхий на назначенное место.

"Мои подданные и рабы! — сказал тогда Никифор, — я созвал вас для объявления тайных мыслей моих. В наступивший день —

Хочу принять послов дерзкого государя франков и изречь им мое решение на их мольбу.

Хочу принять послов царства Мизийского и объявить им мою милость.

Хочу идти с вами для празднования увеселениями новых торжеств, какими Господь Бог всемогущий вновь благословил нашу римскую державу.

Но прежде начала увеселений, хочу благодарить Господа за прекращение наказаний, коими десница Его отягчалась на нашу богоспасаемую державу,

Возвестите волю мою!"

Гром музыки раздался с новым шумом и наполнил своды дворцовых зал.

"Молчание!" — возгласили силентиарии.

"Августейшему монарху нашему угодно

показать вам, римляне, что ничто не укрывается от его всепроницающего взора. Внимайте и дивитесь: признавая в наказаниях, ниспосылаемых на богоспасаемую державу римскую, суд Божий, милующий и карающий смертных, он не хотел оставить без внимания голоса и тех рабов, которые дерзнули сомневаться в истине истин, в том, что свет разума человеческого есть тьма перед разумом небесным. Дерзкие осмелились распространять слухи, будто естественные причины были тем бедствием, от коих скорбило сердце монарха нашего. Уже давно истреблены нечестивые ереси из православного греческого царства, и в мире и единстве православия, в начале премудрости, страхе Господнем, сосредоточилась вся мудрость римская. Но глубоко скрываются корни зла и разврата. Упомянутые дерзкие толки происходили от древней секты языческих безбожников, именуемых философами (любителями мудрости), хотя правильнее было бы именовать их филозофами (любителями мрака). Еще блаженной памяти, великий император, Юстиниан уничтожал сию опасную секту, ниспровергал ее ка-

Федры, разрушал ее проклятые академии и стыдил ее суемудрое невежество. Но в тайне сохранялись плевелы; еретические писания донныне были укрываемы во многих книгохранилищах, по невежеству, грешному любопытству, или злomu умыслу. Император повелел, и отысканы были многие книги еретические, даже найден один философ, дерзающий сохранять и рассеивать свои злокозненные толки и мудрования, волхвовать по звездам, не для блага, но для зла. Он предстанет в сие мгновение перед вами, и будет посрамлен".

Из отдаленной залы, между двумя воинами, введен был в это время в тронную седовласый старец. Он шел бодро, вид его был смелый, и прямо глядел он, как будто не знал обычая потуплять глаза перед троном императорским. Он стал в отдалении от трона и почтительно преклонился.

"Начальник истинного учения, ипат мудрых, раб наш Синезий! — сказал Никифор, и из среды других выступил и пал пред троном какой-то старик в богатой одежде. — Встань и отвечай: слышал ли ты изложение учения этого человека, который столь дерзко осмели-

вается называть себя философом и последователем Платона и каких-то других поганых язычников?"

— Если государь позволяет говорить мне, ничтожному червю, менее нежели брению ног своих — слышал.

"Что же ты скажешь?"

— Я буду отвечать словами одного из последователей философской ереси, которого имя служит в позор векам: Ан_е_гнон, _е_гнон, кат_е_гнон (Ανεγνων, εγνων, катеγνων — прочел, понял, осудил)!

Никифор улыбнулся, и улыбка так сильно пробежала по всем лицам, что в последних залах переродилась она почти в громкий смех: надобно было дать знать императору, что все разделяют его усмешку. Заметим, что кроме находившихся в тронной и в смежной с нею зале никто не мог слышать ответа на вопрос императора, и тут половина присутствовавших не могли расслушать его ясно.

"Что возразишь ты на такое обвинение?" — спросил Никифор старика философа.

— Не отвечай безумному по безумию его, — начал старик, — так сказал бы я. Но

противник мой хочет шутить, приводя слова знаменитого философа, и я буду отвечать тем, что отвечал этому философу великий святитель Василий: ανευνω, αλλ' ουκ ευωσει γαρ ευως, ουκ αυ κατευως (ты читал, но не понял, а если бы понял, то не осудил бы). Повелел спросить ты у меня, государь: могу ли я естественными причинами изъяснить страшное землетрясение, разрушившее великий город галатский, Клавдиополь. Я отдал письменное изъяснение этому человеку, которого называешь ты начальником истинного учения и который, по летам и бороде, казался бы старцем, достойным уважения. Но лета ничего не значат: и пес бывает стар; борода седая ничего не доказывает: это мох на гнилом, ветхом пне.

"Ты становишься дерзок, философ!"

— Нет, государь! Я говорю истину, а истина не бывает дерзка, и горе царю, которому глас ее покажется груб и невежлив!

"Можешь ли ты вкратце рассказать мне твое изъяснение бедствия клавдиополийского?"

— Трудно, государь... Я полагаю, утвержда-

ьясь на творениях Платона, Аристотеля и великих новейших учителей, Маркиана Ираклийского, Стефана Византийского, и на всей золотой цепи философов афинской школы, от Плутарха до Симпликия, на...

"Довольно! Сократи слово твое! Вы, правдолюбцы, привыкли суесловить от праздности; если бы воины столько же говорили, сколько говорите вы, то неприятели успели бы покорить царство, прежде нежели говорунны успели бы братья за оружие в защиту свою".

— Повинуюсь, государь! — Старик умолк, думал с минуту и начал так: — Известно, государь, что земля кругла, и висит она на воздухе так, что если бы могли мы видеть противоположных нам людей, или антиподов, то увидели бы их головою вниз, а ногами вверх в отношении к нам, хотя в отношении к ним самим, головы у них кверху, а ноги книзу...

Тут Никифор захохотал, и все громко захохотали. Неслыханное явление на торжественном выходе императора!

— Государь! Кажется, я ничего не сказал

смешного? В отношении к нам, в отношении к ним! — повторил Никифор, продолжая смеяться. — Послушай ты, старый безумец, украшающийся именем любителя мудрости! если я велю тебе срубить голову, и ты станешь уверять, что у тебя нет головы, в отношении к тебе, не имеем ли мы права уверять напротив, что в отношении к нам, голова у тебя цела, только не на том месте, где обыкновенно голова бывает?".

— Государь! это ложный силлогизм.

"Ложный! Ты смеешь сказать? Ты забыл, что я могу заставить тебя немедленно ходить как антипода! Но жук навозный недостойн моего гнева. Начальник истинного учения! повтори ему то, что вчера изъяснял ты мне об устройстве земли".

— Я следовал системе великого Козьмы Индикоплеста, великий монарх! Он ясно доказывал, что земля есть великий параллелограмм, и плавает она на водах Океана, которые подземными трубами наполняют четыре великия моря — Средиземное, Каспийское, Чермное и Индийское. За волнами Океана, окружающего землю, возвышается стена,

яхонтовая видом, со всех сторон отделяющая Океан бесконечный от бездны бездн, и сводом сходится она вверху, как чаша над нашими головами. Это наше видимое небо, испещренное звездами, по которому ходят солнце и месяц, выше коего есть невидимое небо, вечное, престол Божий, когда земля есть подножие ног его...

Тут философ засмеялся в свою очередь, и это возбудило столь сильный и внезапный, гнев Никифора, что он задрожал от досады. Уже грозное слово готово было излететь из уст его. Но глаза императора нечаянно обратились на Феофанию. Скучая величественным своим молчанием, Феофания, казалось, находила развлечение в том, что пристально смотрела на смелого, мужественного Цимисхия, и взоры ее, без слов, говорили так много, что Никифор, вовсе не знаток в шаловливых затеях Амура, понял многое. Ему показалось, что и Цимисхий... Но, нет! Ему показалось!.. Цимисхий рабски опускал глаза в землю, и сама Феофания так лукаво подметила взгляд Никифора, и глаза ее обратились к супругу с такою нежностью, что победитель Тарса и

Антиохии, не приходивший в замешательство при дожде стрел и граде камней — смешался от одного женского взора.

Это спасло бедного философа.

"Довольно, — сказал Никифор, — мы только хотели видеть позор тщетной, эллинской, поганой премудрости, мы, православные римляне, и видим этот позор. Воздадим хвалу Богу, что ереси и лжемудрования древних софистов, каковы были Платон, Пифагор — и кто еще? — Арий, Павликий и им подобные, не вредят нам более. Но слабые умы могут соблазняться. Ведай, философ лжемудрый: ты должен отречься от своих мудрований, или горе тебе, горе всем, кто тебя слушает! Об вас сказано в писании: Иудеи знамения просят, эллины премудрости ищут. Я сам люблю Святую Софию, если она дочь божия — я сам.. Но, довольно — мне не время теперь заняться вами, лжемудрыми. Иди — ты еще свободен, но помни, что если будешь призван в другой раз перед лицо мое, то, может быть, в отношении самого себя — начнешь висеть, как висят твои антиподы! Не хочу, да не погибнет кто-либо и из малых, вверенных моему попече-

нию; еще раз щажу жизнь твою и тебе подобных, но — берегись, и иди от моего взора".

Философ удалился в молчании.

"Всеавгустейший монарх, столь торжественно посрамивший лжемудрование пред вами, рабы его и подданные! — начал провозглашать оратор трона, — объявляет вам, что он намерен в скором времени обратить внимание свое на скрытую, но существующую доныне в тайне, языческую премудрость древних эллинов. До тех пор, он повелевает вам, да никто из вас не дерзнет быть ей причастен, как колдованию, чревовещанию, хиромантии, физиогномии, халдейской премудрости, кабалистике, зефиротомии и всему, чем прельщает нас царь мира сего, диавол, яко скимен окрест нас рыкающий. Будьте благочестивы и бойтесь Бога, ибо страх Господень есть начало премудрости; повинуйтесь властям, не ленитесь на молитву, храните чистоту душевную и телесную. Тогда отвратятся от вас бедствия — трусы, глады, потопы, нашествия неприятельские; исчезнут и знамена бедствий — помрачения солнца и месяца, огненные змеи, огненные столпы на небесах

и явления чудилищ и уродов на земле. Да сохранил нас Господь Бог и Спас наш Иисус Христос, заступлением пресвятыя Богоматери, силою честного и животворящего креста Господня, молитвами всех святых! — Дерзнете ли послушаться?"

Головы всех преклонились по данному знаку, как в порыве ветра преклоняются спелые колосья на ниве.

В это время уже шли по залам, прямо к тронной, послы императора Оттона и послы царя болгарского, или мизийского, как называли греки. Первые, одетые в блестящие брони, приближались смело; вторые, в богатых греческих одеждах, рабски поникнув головами. Едва вступили они в тронную, как Никифор протянул вперед руку со скипетром, и мгновенно раздался странный звук и шум. Казалось, что трон императорский ожил: листья серебряного дерева, осенявшие его, зашевелились; птицы, сидевшие на нем, двигали головами и крыльями; львы подняли гривы, зашевелили глазами и с ревом подвинулись вперед, разевая пасти, как будто хотели проглотить чужеземцев, приближавшихся к тро-

ну; ангел, паривший над головами их, затрубил громко. К этому присоединился стук оружия: фаранги и варвары, стоявшие в тронной, ударяли бердышами о звонкие щиты, и все заглушил наконец звук труб и звон тимпанов. Механизм, посредством которого производилось движение дерева и львов, был давно известен, но его редко приводили в действие, и каждый раз он производил невольный трепет в послах чужеземных, слиянный с музыкою и стуком оружия. Смущенные послы болгарские пали ниц на землю, и самые гордые германские послы преклонили колена. Все бывшие в залах дворца также пали на колени.

"Обожание ваше приемлет великий император наш, — возгласил Великий доместик, — позволяет вам власть, и се ответ его вам, послы Оттона, государя германского. Внимайте, и не дерзайте отвечать:

Государь ваш требует в супружество за сына своего дочь великого императора Константина. Этого быть не может, ибо великая кровь кесарей не может соединиться с кровью диких германцев. Так установил великий пре-

док наш, Константин Равноапостольный. Видал ли кто львицу, преданную любви волка, или орлицу супругою ворона? Вы можете идти и передать ответ сей вашему государю".

— Нет! — отвечал главный посол (их было трое), — я не передам вашего ответа моему императору; пошлите его со своим послом. Мой великий государь, император римский, король Италии и повелитель Германии, не может принять ответа ложного. В его воле отвечать как ему угодно, миром и войною, но лжи не перенесу я ему. Не только союз с сыном моего императора не унижает греческого государя, но возвышает его. Страна, принцесса которой еще недавно была выдана за варвара болгарского, повелитель который женился на дочери хазарского хана и женил сына на дочери бедного итальянского князя, должна почесть благостью небес союз с государем, коего имени трепещут Север и Юг, того, пред кем пала Франция, передавая ему венец императорский, которого благословил наместник Христа, вселенский папа и патриарх вечного города Рима...

"Умолкни! — воскликнул Великий доме-

стик, — не богохульствуй пред лицом великого императора, упоминая о лжеверном папе".

— Я не хочу беседовать с рабом твоим и обращаюсь к тебе, император греческий, — воскликнул посол...

Никифор оставался безмолвен и неподвижен, как будто истукан грозного Зевеса.

"Или не думаешь, посол дерзновенный, — возгласил domestик, — что ты подвергаешь опасности свою голову, дерзая оскорблять величие образа Божия на земле, великого государя нашего, именуя его греческим и придавая имя римского и императора своему германскому государю?"

— Если бы мы, германцы, столько же заботились об именах, сколько заботитесь вы, греки, я давно оскорбился бы тем, что ты не придаешь моему властителю титула, который завоевал он мечом и утвердил благословением великого архипастыря. Именуйте нас, как хотите...

"Варвары" — было слышно со всех сторон.

— Варвары? — сказал посол, оглянувшись с усмешкою на все стороны, — пусть тот будет варвар, кто не умеет проникать тщетной и су-

етной вашей гордости, греки, кто не знает, что закон Константина, о несочетании браком с иноземными государями, выдуман вами, хотя и вырезан на алтаре Софийской церкви, и что сей закон был тоекратно нарушен донине, хотя и называется вечным. Неужели, государь! ты отвергаешь собственную славу свою, состоящую в том, что оружием и победою достиг ты престола, и станешь верить своей родословной, будто в самом деле и ты приходишь от Цезарей, когда все помнят пастуха твоего деда, помнят, что и самые потомки рода Василиева, сидящего с тобою, суть потомки бедного рыбака македонского?

"Умолкни! — возгласил с трепетом domestik. — Августейший монарх! что повелишь ты дерзкому послу?"

— Чту в лице его права посла, — хладнокровно отвечал Никифор, — презираю его суесловие, как варвара непросвещенного, но пусть немедленно оставит он наш великий Царьград, без милостивого нашего слова, без привета и ласки...

"Пощади, августейший монарх! — восклик-

нул domestик. — Грубость варвара заслуживает прощение, дерзаю заметить тебе, заслуживает, как преступление без умысла учиненное — прости его грубости и невежеству!"

Никифор, молча, взмахнул скипетром. Посол Оттона насмешливо взглянул на все стороны. "Если я затем введен был сюда, — говорил он, — чтобы слышать, как молчит греческий император, чтоб быть оскорбленным, внимая торжественный ваш отказ, после того, как в переговорах ваших, три месяца продолжавшихся, познал я всю тщету ума вашего, о греки — иду от вас, и пусть Бог взыщет на вас те бедствия, какие могли вы отвратить соглашением вашим, пусть Бог положит на главы ваши и те бедствия, какие мщениа за гордый ответ ваш внушит он великому государю моему, императору Рима, повелителю Германии и Италии!"

Посол Оттона не поклонился никому и гордо пошел через залы, где все оставались неподвижны, не поднимая на него взоров.

Едва удалился он, Великий domestик возвестил послам болгарским, что государь позволяет им говорить.

— Царь царей земных! — возгласил посол болгарский, — преклоняю пред тобою колена, благодаря за неизреченные милости твои!

"Посол царя мизийского! — ответил ему Никифор, — ты видел как наказываем мы дерзость франка и латина, а теперь уведаешь из ответа нашего, как неизмерима глубина реки щедрот наших. Внимай: ты просил позволения купцам вашей земли на покупку драгоценных паволок, дороже 50 литр, но мы не можем позволить вам такого преимущества, ибо неприлично было бы другим народам равняться богатством одежд с народом римским.

Ты просил, от имени царя своего, чтобы послали мы ему, на защиту бедных владений его, хитреца, умеющего стрелять греческим огнем. Мы не можем сего позволить, ибо ангел, принесший к нам тайну сего изобретения, запретил нам передавать ее другим или употреблять на защиту других. Скажи ответ наш царю своему, да постигнет он великую милость нашу".

Посол болгарский низко поклонился. Великий domestик начал говорить ему: "Ты прино-

сил великому государю нашему скорбь царя твоего, повествуя, что кровожадные скифы, именующие себя россами, или руссами, и тигроподобный вождь их Сфендослав, завладели вашею землею, полонили ваши города, поработили вашего царя. Помнишь ли, посол мизийский, что было сему виною? Обращая победоносное свое оружие на окаянных агарян, непобедимый император наш повелел вашему царю Петру, да устремит он оружие на свирепые орды унков, или венгров. Царь ваш забыл все благодеяния, на него излитые, забыл, что неслыханным милосердием ему вручена была в супруги дочь тестя императора Константина, бабка ныне благополучно царствующим императорам Василию и Константину, сынов Романовых, внуков Константиновых, правнуков Львовых и праправнуков Василия, блаженной памяти великого родоначальника императорской Македонской династии. Царь ваш отрекся от исполнения воли императорской, и, презирая сам наказанием его, великий император наш послал повеление варвару Сфендославу — наказать царя вашего за его непослушание. — Патриций Кало-

кир! Император позволяет тебе предстать и повергнуться пред лицо его!".

В тронную вступил молодой человек, благородной, прекрасной наружности, в богатой одежде, и низко поклонился императору.

"Патриций Калокир! Император позволяет тебе сказать пред лицом его о своем посольстве на берега Борисфена".

— В счастливый день моей жизни, — сказал Калокир, — призван я был к императору, и слышал слова его: "Тебе, как ведающего языки скифские, посылаю на берега Борисфена, к варвару Сфендославу; скажи ему, да идет он и накажет гордыню царя мизийского!". И потек я, послушный воле царя земного, поручив себя благословению царя небесного, ибо далекий путь надлежало совершить мне. Корабль перенес меня через волны Эвксина; потек я землю печенежскою; плыл пустынною рекою Борисфеном, именуемою Днепр на варварском языке скифов, достиг Киовии, увидел русского князя Сфендослава, среди его свирепых вождей, и рек ему волю императора. Ударяя в медный щит свой, с радостью внял и пошел варвар, и я сопутствовал ему в

походе его, через леса дремучие, реки глубокие. Мы достигли широкоструйного Истра, или Дануба, и мизийская земля постигнута была мечом ангела-истребителя! Варвар Сфендослав огнем и хищением погубил силу противников, и я притек в Царьград, повергнуть пред троном монарха весть, что повеление его исполнено, и Мизия стенает, как бедная вдовица.

"Довольно, — возразил domestик. — Ты ведаешь, посол мизийский, что царь ваш Петр, сокрушенный горестию за преслушание воли императора, скончался от скорби и печали, и юный царь ваш Борис, твой государь, раб императора нашего, возвысил голос раскаяния. Ты был послом его; здесь молил ты императора спасти царя Мизии, спасти страну его, спасти единоверных нам христиан от гибели, позволить родственницам и сестрам царя вашего, бегствующим от варвара Сфендослава, укрыться в богохранимом граде Адриана. Милосердая, яко Бог, великий император, изливший фиал гнева, обратил его в сладость прощения. Он повелел тебе идти обратно и возвестить царю своему, да признает он над собой

власть императора, и император, благоволя за то, повелит варвару Сфендославову снова укрыться в своей Скифии. Ты возвратился теперь еще раз перед трон императорский; говори, что повелел тебе царь твой?"

С низким поклоном, посол болгарский начал говорить: "Великий император Византии, второго Рима, славного более древнего Западного! в лице моем, царь Мизии, Борис, сын Петра и августейшей дочери блаженного императора Романа, внук Симеона, правнук Богориса, просвещенного светом истинной веры от щедрот Великого Василия, родоначальника императоров римских, повергает себя и царство свое власти твоей, молит тебя признать его твоим данником, клянясь именем) Бога в вечном тебе послушании, дружбе и правде. Спаси его от меча варваров Скифии, пощади, возвысь победоносную десницу твою! Да будет над ним воля твоя".

— Посол мизийский! — отвечал ему сам Никифор, — иди и скажи царю твоему: отныне предаю забвению все прошедшее. Да иссохнет вражда, как иссохла кровь, пролитая в сей вражде. Объявляю мизийскую землю дру-

жественною и подвластною Римскому государству, Богом нам вверенному. Да придут родственницы и сестры царя вашего в наш великий Царьград, и да будут приветствуемы, как наши кровные. Войско римское готово на защиту Мизии, и горе варвару Сфендославу, овчинною дифферою (кожухом) одетому и сырое мясо грызущему! Ты говорил, что уже сей зверь скифский удалился от берегов Дануба — вероятно, услышав о преднамереваемой защите нашей — но дикие орды его остались на Данубе. Сколь ни варвар, но не совсем лишен он света разума, и постигает, как гибелен будет ему огонь победы нашей, если не покорится он добровольно.

— Патриций Калокир, ты ведающий путь в страну скифскую! Иди еще раз в Киовию, где обитает варвар Сфендослав; скажи ему, чтобы немедленно орды его оставили берега Дануба, или постигнет его гибель, как постигла она кровожадного отца его Ингора. Подробные повеления получишь ты от Великого доместика. Труд твой вознаградит милость наша, и если опасное препоручение — идти в — берлогу медведя — будет стоить тебе жизни, щед-

роты излиются на род твой.

Низко поклонился Калокир и вышел из тронной.

— Великий протовестиарий! исполни должные распоряжения, чтобы за матью и сестрами царя мизийского были отправлены золотые колесницы, и немедленно встречены были мизийские царевны с почестью, прилично родным нашего августейшего дома.

— А ты, посол мизийский! Сопутствуй нам нынешний день, для моления, в соборный храм Св. Софии Премудрости Божией; будь после сего свидетелем воинских игр на Ипподроме, и потом спешి к царю своему, возвести ему о наших милостях, о том, что если ослепленные безумием орды варвара Сфендослава не оставят добровольно и поспешно берегов Дануба, войско наше двинется — не сражаться, но истребить их, и следа варваров не останется в земле мизийской!

— Милость и благоволение наше всем нашим подданным, слава и хвала Богу, радость и благоденствие императорскому дому нашему!

— Великий протовестиарий! багряные за-

весы да опустятся над святилищем нашего трона; да скроется величие наше. Мы идем смиренно повергнуться перед престолом всемогущего и всесильного Господа Бога!

Гром труб и кимвалов огласил своды императорской тронной при пении торжественной песни во славу императора.

КНИГА II

Царство от язык в язык преводится ради неправды, и досаждения, и именьий лживых. Почто гордится земля и пепел? Яко в животе извергох утробу его... и Царь днесь, а утро умрет... Богат, славен, ниш — похвала их страх Господень...

Иисус Сирахов, гл. X, ст. 8, 25

Если был славен и знаменит Царьград своими зданиями и своими храмами, то ничем не был он так знаменит и славен из всех зданий и храмов, ничто так не возвещало его величия и великолепия, как соборная церковь Св. Софии Премудрости Божией. Она сделалась символом христианского храма на Во-

стоке; ее золотой купол казался щитом, охраняющим Царьград, и издали, со всех сторон, горел он звездою благодати в глазах путника, приближавшегося к Царьграду, морем и сухим путем.

Великолепный храм сей построен был императором Юстинианом, и уже три века составлял он диво света, чудо искусства, в честь которого поэты сочиняли целые поэмы и которое зодчие и мудрецы приходили изучать, как торжество могущества человеческого. Основанный на развалинах храма, несколько раз погибавшего от огня и землетрясения, храм Софии пережил империю Константина и заставил современников и потомство забыть деяния и злодейства его основателя.

После того, как погибельная достопамятная Ника, во время междоусобия Синих и Зеленых, осквернила святилище древнего Софийского храма и попала в огонь, император Юстиниан захотел увековечить имя свое построением нового храма. Славный чудодей Прокл, великий зодчий Антемий и ученик его Исидор Милетский, были призваны императором. Прокл сжигал зеркалами

неприятельские флоты, как второй Архимед; Антемий заставлял соседей жаловаться императору, что они не могут жить в соседстве чародея, который производит громы и молнии, потрясает здания землетрясением. Пять лет, одиннадцать месяцев и десять дней строили новый храм; тысячи людей трудились ежедневно при его строении; сам Юстиниан непрерывно наблюдал за работою, и 320 000 фунтов золота и серебра стоило его сооружение. Неслыханное дотоле чудо зодчества — купол вознесся по воле Антемия и остановился на воздухе, на высоте 180-ти футов, раздвинутый на 115 футов в поперечнике, освещаемый двадцатью четырьмя окнами, поддержанный четырьмя арками и четырьмя египетскими столпами. Знамениты были и прочие здания Юстиниана: храм Иерусалимской Богоматери, где на гору вкатывали камень, едва влекомые четырьмя волами; другие двадцать четыре церкви царьградские; чертоги Хальцийские и Эрейские, и грозные стены Царьграда. Но все уничтожилось перед храмом Св. Софии, и Юстиниан, вступив в храм сей при освящении его, когда бесчисленное мно-

жество народа, вельмож, войска, духовенства наполнили храм и стали окрест, дивясь мудрости и величию императора, Юстиниан горделиво воскликнул: "О Соломон! я превзошел тебя! Слава Господу, моею слабою рукою показавшему первый в мире храм молитвы, достойный Его святого имени!"

Храм Св. Софии изображал собою символ страстей Спасителя — крест; на 243 фута простиралась ширина его и на 270 футов длина, от алтаря до девяти входов в предсение, украшенного чудным нарфексом, или портиком оглашенных. Из родосского кирпича, дикого камня, железа и свинца составлены были основания столпов и стен храма, но драгоценный порфир, яспис, муссия, золото и серебро облекли и скрыли это грубое основание. Двенадцать родов разного мрамора было употреблено зодчими: желтый, с железными жилами, мрамор каристийскнй, красный с серебряными фригийский, звездистый египетский, зеленый лаконийский, пестрый карийский, желтый, с красными крапинами индийский, золотой мавританский, черный, с белыми жилками кельтический, белый с черными

босфорский. Мрамором пропоннезским выстлан был пол церковный, молосским, тернопильским и фессалийским выход из церкви. Но не одни произведения природы принесли в дар Юстиниану Африка, Азия и Европа: восемь дивных столпов, взятых из храма, построенного Аврелианом на обожание солнца; восемь столпов редкого зеленого мрамора из храма Эфесского — перешли по волнам Эгейского моря в храм Св. Софии, вместе с бесчисленным множеством драгоценностей, украшавших святые иконы, с произведениями искусства, какими славилась древняя Эллада, гордился ветхий Рим.

На белом коне, покрытом багряными коврами, сопровождаемый и предшествуемый воинами и царедворцами, при несчетном собрании народа, ехал император Никифор ко храму Св. Софии при громе колоколов. Золотая колесница, в которой сидели императоры Василий и Константин и Феофания, прибыла к храму прежде его.

И как величествен казался этот грозный император, шествовавший в храм Св. Софии благодарить бога за победы, перенесшие зна-

мена его за волны эвфратские! Стратопедархи, domestiки, аколuffy, друнгарии его казались царями, в золотых и паволочных одеждах своих, шествуя по коврам, посланным на ступенях нарфекса. Никифор остановился на высшей ступеньке, оборотился к народу; казалось, несколько мгновений любовался этою пестрою, тьмочисленною толпою, покрывавшею не только площадь, ближние улицы, но все окна и крыши домов, любовался и великолепием украшений — коврами, паволоками, цветами, золотом и серебром — всем, что было выставлено на окнах и балконах, террасах и крышах окружных зданий...

— Никифор Фока, Никифор Фока! — раздался пронзительный голос. Император оборотился в ту сторону, откуда слышен был крик, и увидел какого-то юрода. С растрепанными волосами, с опаленной бородою, запачканным лицом, в лоскутьях, босой, бежал он, прыгал, бил в бубен, останавливался, крестился, опять начинал прыгать, и прямо бросился к императору, так быстро, что стоял уже подле Никифора, прежде нежели окружающие могли схватить безумца. Никифор не

изменился в лице, не посторонился от юродивого, хотя он мог быть убийца, подосланный врагами. Взоры всех обратились к портику; одно мгновение продолжалось молчание общее, и вдруг прервалось оно общим криком: "Государь! берегись!" Но юрода уже не было: он вручил Никифору какой-то лоскуток бумажки, что-то сказал ему, и мгновенно исчез в толпе народа. Никифор небрежно взглянул на бумажку, и ужас изобразился на лице его. Но когда он услышал в то же время клик народа, изъявляющий опасение, трепет, видимо, потряс все члены его — он задрожал и остановился неподвижно.

Изумление народа усилилось; смешанный ропот раздался в толпе. Но император уже успел прийти в себя, спокойно приветствовал народ, и радостные клики раздались повсюду. Хор демственников и благочестивый патриарх Полиэвкт встретили императора при входе во храм, с чудотворными иконами и крестами. Благословенный Святителем, император вступил во храм, стал на свое царское место. Началась литургия.

Оставим продолжение священного обряда, совершавшегося в Софийском храме, и перенесемся в другую сторону Царьграда, туда, где толпилось и теснилось теперь гораздо более народа и куда побежали толпы его опрометью, едва только император вступил во внутренность Софийского храма.

"Хлеба и зрелищ!" — восклицали некогда римляне. Византийские потомки их утратили все добродетели, изменили почти все свойства своих предков, но и они могли и готовы были также восклицать: "Хлеба и зрелищ!". Страсть к зрелищам была сильнейшею из страстей царьградского народа, а из всех зрелищ его любимое были игры Ипподрома. Так называли в Царьграде то, что в Риме именовалось Цирком, что некогда прославило Олимпию, и празднование сих игр внесло в летосчисление древней Эллады.

И теперь еще странник, посетивший Царьград, может видеть близ великолепной мечети султана Ахмеда площадь Ат-Мейданскую, где собиралось некогда оттоманское юношество гарцевать в своих джеридах и где изречена была потом гибель войску янычарско-

му. На этой площади и теперь еще видны остатки громадного обелиска, перевезенного в Царьград с берегов Нила, и остатки Змеиного столпа, некогда обвитого тремя медными змиями и служившего подножием золотой чаше, которую Греция поднесла в благодарность за Платейскую битву богу Дельфийского храма. Победоносный Мугаммед IV отделил одну из змеиных голов ударом меча своего, когда вошел победителем в Царьград; две другие, неизвестно когда, отгрызло время; бедный обломок Змеиной колонны, кусок столпа, воздвигнутого некогда Константином Порфирородным, и часть обелиска — вот все, что говорит страннику на Ат-Мейданской площади: "Здесь был некогда Ипподром царьградский".

Перенеситесь за девять столетий, сбросьте в Пропонтиду этот изуверный памятник исламизма, мечеть Ахметову, далеко и свободно раздвиньте площадь в ширину и длину, и образите себе после того величественный царьградский Ипподром десятого столетия. Многочисленно бывало собрание народа на Ипподроме, но современники уверяют, что

число статуй и изваяний, украшавших Ипподром, превосходило число людей, всегда собиравшихся на нем.

Тут, говорят они, мы видели дивную исполинскую статую Алкида Тригеспера, бронзовую, на стальном седалище, столь огромную, что шнурком, который обхватывал один палец ее, мог подпоясаться человек, и толстый сподвижник Ипподрома едва равнялся ее ноги. Предание приписывало сие изваяние резцу ваятеля Лизимаха. Тут виден был и знаменитый осел, с проводником своим, воздвигнутый некогда в Акциуме императором Августом в память встречи его, когда Август готовился решить жребий мира битвою с Антонием, встретил погонщика, ведущего осла, спросил его имя и узнал, что погонщика звали Никон (победительный), а осла Никандр (победитель). Тут была и римская волчица, воздвигшая Ромула и Рема. Далее видны были бесчисленные произведения искусства: исполин, поражающий льва; гиппопотам, с чешуйчатым хвостом; слон, двигавший хоботом; сфинкс, прельщавший красотою лица и сопровождаемый изображениями ужасающих

чудовищ. Здесь нетерпеливые кони, забывая, что они изваяны из меди, рвались на средину Ипподрома. Там хотела кинуться на поприще его чудовищная Сцилла, с привидениями, устрашавшими мудрого Одиссея. Невольный ужас внушало еще изображение борьбы двух чудовищных животных: думали, что они изображают василиска и аспида; другие утверждали, что это гиппопотам и крокодил. Смотря на сих громадных врагов, свирепо терзавших друг друга, казалось, видели, как яд укушения пожирал и губил их обоих. Уже один из них едва стоял на ногах, и медь как будто издавала смертный стон его; другой, обхваченный широкою пастью врага своего, вздымал хвост свой и тщетно силился встать, но глаза его выражали дикую радость, что победителю не долго пережить торжество победы.

Взоры зрителей, отвращаясь от сих ужасных изображений силы и зверства, насилия и уродливостей, какие только природа могла произвести и человеку выдумать, отдыхали на статуе Елены. "О, что скажу я о совершенстве ее стана, очаровании ее рук и груди и

красоте изумительной ноги? Это была Елена, которая увлекла всю Грецию к стенам Трои, которая укрощала красотой своею диких обитателей Лаконии! И смотря на это изваяние, можно сказать: что невозможно той, чей взгляд оковывает все сердца? Ее одежда была изваяна так нежно, что жадные взоры зрителей открывали все прелести, скрытые сею коварною одеждою; казалось, что ветер стремится, забывшись, развивать ее длинные волосы, а из отверзтого ротика, подобного едва развернувшемуся цветку, готовы излететь слова любви и привета. Нет! никогда не выразим словами, и потомство тщетно будет стараться вообразить себе прелесть этой божественной статуи!" [2]. Когда, по взятии Царьграда латинскими крестоносцами, статуя Елены была разбита и брошена в огонь — "Одщерь Тиндара, — восклицали современники, — совершенство любви, соперница Афродиты, чудо искусства! где всемогущество твоих прелестей? Как не покорила ты сердец варваров, подобно тому, как покоряла некогда все сердца? Или судьбы определили тебе погибнуть в пламени, тебе, сожигавшей пламе-

нем столько сердец? Или потомки Энея осудили тебя на сожжение, мстя за огонь, пожиравший некогда их Илион широкостенный?"

Но среди изображений невообразимой красоты и идеального безобразия, как будто для того, чтобы сердца зрителей, волнуясь различными впечатлениями, выражали собою борьбу страстей, кипевших в сподвижниках Ипподрома, зрители видели и таинственный обелиск древнего Египта, и треножник Дельфийский, о котором говорили мы выше. Мудрость египетская покрыла иероглифами обелиск, умолкла и на века унесла с собою смысл таинственных изображений. Что начертывала она ими? Дела прошедшего, судьбы будущего, тайны мудрости и знаний? И что изображал для зрителей этот тройной союз змий, умолкнувшего на века прорицалища Аполлонова?

Еще один памятник Ипподрома обращал на себя внимание зрителей своим таинственным изображением: это был медный, огромный орел, подъявший распростертые крылья и державший в когтях страшного змия. Говорило предание, что изображение царя перна-

тых было произведено мудрым Аполлоном Тианским. Змии ядовитые опустошали древле Византию. Жители призвали Аполлония. Он вызвал могущих демонов, слил медного орла, терзающего змия, и опустошительные животные бежали навеки из окрестностей Босфора Фракийского. Казалось, смотря на сие изображение, поставленное на высоком столпе, что взгляд на него оковывает зрителя каким-то очарованием, подобно голове Медузы. Тщетно извивался змий около царя пернатых, подымая свою голову и стараясь уязвить его; сжатый мощными когтями, распухший от кипящего во внутренности его яда, казалось, он издыхал в томлении, и орел уже взмахивал крылами, чтобы увлечь врага в пространства поднебесные. Хитрым вымыслом крылья орла устроены были так, что тень их, падая на землю, показывала время дня, означенное на земле тайными знаками.

За статуею Елены, к восточной стороне, воздвигнуты были изображения победителей в играх Ипподрома. Они являлись на своих колесницах и, казалось, обращали руки и взоры к той стороне, к той мете, где победа увен-

чала их почестью и рукоплесканиями.

Вообразите себе после сего площадь Ипподрома, обнесенную местами для зрителей, золотыми, драгоценными седалищами императора, Двора его, вельмож, богачей царьградских, унизанную толпами народными, с радостным шумом окружавшими площадь; длинные ряды воинов, в блеске их оружия и одежд, охранявшие спокойствие зрителей; ряд раззолоченных, горящих от солнца, легких колесниц, готовых к бегу. Юноши в синих и зеленых одеждах были возницами их, и едва мощные конюшие могли удерживать пламенных коней, впряжённых в колесницы и готовых броситься на Ипподром в безумии силы и отваги. Развевающиеся хоругви воинства, цветные значки бегунов, украшения и флаги, веявшие на Ипподроме и в окнах окружных зданий, и над всем этим солнце царьградское, горящее светом и жизнью... Таков был Ипподром.

Внимание зрителей привлекали особенно два многочисленные собрания людей, занимавших часть Ипподрома: Одни из них были одеты в синие, другие в зеленые одежды. Это

были две партии Ипподрома, некогда столь ужасные, столь гибельные, потрясавшие основание Царьграда громогласным словом своим: Nina! Nina (будь победитель)! В числе зрителей можно было отличить многочисленных приверженцев той и другой крамолы; наконец, конюшие, колесницы, правители колесниц, различаясь синим и зеленым цветом, показывали, к которой партии они принадлежали. Можно было заметить даже, что у каждого, кто пришел на Ипподром, хоть лоскуток синего или зеленого цвета показывал, чьей стороне желает он победы. Казалось, что весь Царьград разделялся на синих и зеленых. Мы поспешим изъяснить таинственное это различие.

Издrevле думали, что примерные битвы и воинские упражнения могут приучать людей к битве и войне, и в мире готовить в них защиту на день брани. От этого учредились многочисленные игры греческие — в Олимпии, Немее, на Истме Коринфском. Но со временем сии игры потеряли свое первобытное назначение. Тщеславие людское стало находить в самих играх цель и сущность их. Они

сделались предметом особенного искусства, упражнения, и атлет олимпийский, победитель всех соперников, был ничтожен на поле битвы, под железною броню, среди трудов и подвигов похода воинского. Игры требовали одного, а война совсем другого. Еще более обезобразили их роскошь и излишество богатства: уже не приучение коней на битву и людей на труды воинские, но ничтожное желание, чтобы колесница одного богача опередила колесницу другого, заставляло греков не щадить ни коней, ни людей на одну минуту, в которую колесница, запряженная конями особой драгоценной породы, нарочно приготовленными и выученными, промчится по назначенному поприщу. Богач афинский сыпал золото, желая одного, чтобы колесница его достигла первая к мете, хотя бы для этого погибло десять других колесниц, погибли кони и возницы их, и в быстром беге, от сшибки соперников, разлетелись в прах другие сподвижники. Безумное ожесточение, безмерные заклады поддерживали пагубную страсть греческих богачей, и вместе с другими излишествами роскоши страсть к бегу колесниц

перешла в Рим. В Цирках римских она походила на совершенное безумие; восторг народа казался сумасшествием, когда при воплях бесчисленной толпы зрителей начинался бег колесниц. Ни бой гладиаторов, ни редкие звери, убиваемые тысячами в римском Цирке, не производили подобного восторга. Осудим ли римлян, во всем переходивших за пределы обыкновенного, если вспомним лошадиные скачки и петушьи бои англичан, даже кулачные битвы и гусиные бои русских, бой перепелок у китайцев? Люди везде люди, и смешное и странное похоже на фигуры калейдоскопа, которые кажутся так бесчисленны, так разнообразны, а между тем одни и те же обломки цветных стекол производят эти фигуры разнообразные.

Безумствуя в роскоши, императоры римские ничего не щадили для игр Цирка. Победители Цирка казались важнее победителей врагов империи, и плески и восторг народный приветствовали на улицах римских ловкого возницу, как будто полководца, разгромившего полчища парфян или германцев.

Обыкновенно выезжали на бег пятьдесят

колесниц; каждый раз скакали две колесницы; бег возобновлялся, таким образом, двадцать пять раз. Для отличия сподвижников, возница одной колесницы обыкновенно был одет в белое, другой в красное платье. И здесь начало разделений партий Цирка.

Зрители, сподвижники, вельможи, императоры держали сторону того или другого цвета. Победитель горделиво сохранял свой цвет до следующего бега. Противник его также сохранял свой цвет, надеясь на победу в будущем. Бесконечные споры и заклады держали после того о белом или красном. Множество друзей, клеветов, клиентов приставало к партиям со своими спорами и закладами. Зрители, вступая в Цирк, принимали сторону красного или белого, и нередко поприще Цирка становилось местом раздора, битвы, и красный и белый и вне Цирка делались знаменем ненависти, вражды, мщениа, даже убийства. Вскоре число партий умножилось прибавлением еще двух колесниц, возницы которых были в синем и зеленом одеянии, так что четыре из них, отличенные четырьмя цветами, скакали в один раз,

В течение продолжительного времени, когда уже родовые вражды партий Цирка стали переходить от отца к сыну с символом цветов, когда Калигулы, Нероны, Вителлин, Коммоды, Каракаллы, Гелиогабалы были записаны в разряды красных или белых, синих или зеленых, деление Цирка сделалось предметом государственных раздоров и смятений.

Нашлись мудрецы, изъяснившие народу, что цвета Цирка основаны на таинственных законах природы и заключают в себе глубокую тайну мудрости, в которой сокрыто пророчество добра и зла для государства. Одни говорили, что белый цвет изображает собою время зимы и белоснежный покров ее; красный относится к пламенному лету и его огневидным небесам; зеленый означает осень, с ее благодатным зеленым украшением, а синий весну, с ее лазурными небесами. Другое изъяснение простиралось гораздо далее. Говорили, что огонь, воздух, земля и море суть знамена красного, белого, зеленого и синего цветов. Последнее истолкование превозмогло первое, и весь народ римский разделился на цвета Цирка. Всякий, кто занимался ре-

меслом около огня, приставал к красному; нашлись приверженцы белого, думавшие, что их занятие относится к воздуху; земледельцы, все те, кто получал свое существование от обрабатывания земли, объявили себя защитниками зеленого, а мореходцы, рыбаки, купцы, вверяющие судьбу свою морю, синего цвета. Задолго до начала игр Цирка вражда, ненависть, междоусобие разделяли граждан Рима. Цирк окружали неистовые толпы народа. На поприще врывались тысячи, и кровопролитное сражение разных званий, почти каждый раз, обаграло кровью римский Цирк. Ненависть партий ужасна, потому что она безумна. Она не спрашивает причины, безотчетно передается в поколения. Первоначальная вина раздора бывает забыта, теряется: остается одно губительное следствие — вражда без причины и без отчета.

Наконец, дошло до того, что ни одно политическое событие не могло совершиться без участия партий Цирка. Государственное определение, сделанное приверженцами одной партии, возмущало все другие. Выбор чиновника из числа белых подвергал его гонению и

ненависти синих; зеленого — гонению и гибели от руки красных. В судах, в войске, в Сенате, на рынках, в домах слышны были ужасные слова: Синий, Зеленый, Красный, Белый! И почти всегда сии слова означали неизбежную гибель.

Введение христианства возбудило партии Цирка к новой вражде. Нередко из одной ненависти, партий приставали к той или другой стороне, и никакая сила не могла утешить их мстительной ненависти. Вообще зеленые держались древнего язычества; синие объявили себя защитниками христианства.

Много времени прошло; предметы споров разнообразились, изменялись — сущность их оставалась одна. Четыре партии соединились, наконец, в двух. Красные и белые исчезли. Раздоры, волновавшие первобытную церковь, мнения, толки, ереси находили своих защитников в синих и зеленых. Так, оставляя язычество, зеленые приняли под свою защиту ересь Ария; синие остались верны православию.

Все это разливалось из Рима во все области империи. Антиохия и Равенна, Афины и Ни-

кея, Иерусалим и Марсель равно были обгагрены кровью во имя "синих" и "зеленых".

Но нигде не свирепствовали сии раздоры так жестоко, так безумно, как в Царьграде. Римский Цирк, переименованный в Царьграде Ипподромом, составлял страшное место политических смятений, ужаса народного, позорища для праздных и богатых. На Ипподроме решались споры искателей престола и волнения церковные. Правосудие, повинование, справедливость бежали гибельного поприща ипподромского. Ереси и бунты укрывались туда, как в верное место убежища, от всяких преследований. При входе в Ипподром умирала власть императора и правительства. Кинжалы "синих" и "зеленых" готовы были по первому знаку предводителей. Связь дружбы и родства расторгалась при одном слове: синий, зеленый! Нередко буйная, остервенелая толпа морских воинов сражалась на царьградских улицах с воинами сухопутными. С одной стороны слышно было: Смерть "зеленым"! с другой: Смерть "синим"!

Напрасно думали по временам останавливать такие неистовства. Противник партий

Ипподрома вооружал на себя обе стороны, и тогда ничто не спасало его от гибели. Кинжал убийцы, яд подкупленного раба угрожали смертью дерзновенному!

Но, впрочем, не много было людей, противившихся буйству синих и зеленых. Летописи Царьграда, почти с начала до конца их, непрерывно представляют ужасающий ряд волнений, бедствий, падения властителей, восстания других на их места. В таких несчастных обстоятельствах Ипподром составлял главное и важное пособие всякому честолюбцу, когда непрерывные перемены на престоле царьградском позволяли каждому из них думать, что завтра ему откроется путь к владычеству погибелью царствующего хищника. Уже не войско, не гвардия императорская сменяли владык и передавали империю по своей воле. Заговоры таились во мраке дворца императорского, в чертогах императриц, в уединении храмов, где фанатизм спорил о таинствах богословских. И на Ипподром спешили после того, туда, где грозный голос "синих" и "зеленых" решал участь государя и государ-

ства. Здесь являлся дерзкий любовник императрицы, во имя ее или малолетнего ее сына, требовать помощи; сюда прибегал и непослушный наследник, посягающий на жизнь отца; сюда спешил вельможа, восставший на императора. Здесь вопияло о помощи изуверство, и без решения "синих" и "зеленых" не смел отважиться на появление в Царьграде полководец, обольстивший вверенное ему войско и готовый низринуть своего властителя. Отсюда устремлялись толпы неистовых в дворцы Влахерна и Вукалеона. В несколько часов разрушали они власть и могущество, казавшиеся столь крепкими еще накануне, и влачили императоров, императриц, детей, родных, вельмож их в темницы, терзали их, заключали в монастырские обители, вырезывали им глаза: это ужасное наказание было изобретено в Царьграде и оставалось неизвестным в Риме, в самые страшные времена Неронов и Калигул.

Но никогда "синие" и "зеленые" не являлись в такой ужасающей силе, как в царствование Юстиниана. Здесь соединилось все: борьба язычества с христианством, ересей с

правоверием, несколько похитителей престола одного против другого.

Царствование Маркиана, Пульхерии и Льва утвердило православие, возмущенное дотоле Арием и Евтихием. Безрассудная ревность думала, что секты философов и ученых, уцелевшие среди христианства, поддерживают возмущения церкви. И еще прежде, нежели варвары сарацинские жгли творения Омиров и Платонов в печах Александрии, знаменитая библиотека Серапионская, школы Веритская и Эдесская были уничтожены. Гонение, обращенное на философов, возбудило фанатическое, исступление их на защиту. Имена: еретика и философа, арианина и поэта, христианина и варвара — были произносимы с обеих сторон без разбора. Лев, возведенный на престол силою последователя ариан Аспара, скоро возбудил ненависть своим православием. Аспар погиб от руки чудовища Зенона, зятя императорского. Но с кончиною Льва, Зенон, правитель империи во имя сына своего Льва младшего, снова разрушил тишину церкви. Пятнадцать лет кровопролитного междоусобия кончились смертью Льва млад-

шего, самозванца Василиска, наконец, самого Зенона. Заключение заживо в гробнице, он грыз себе руки и издыхал в мучениях, когда счастливый любимец супруги его возводим был на престол. Анастасием назывался сей любимец. Вероломно нарушив клятву в православии, Анастасий гнал церковь, разрушал ее святые уставы. Таким образом, в течение сорока лет успели восторжествовать ересиархи и философы; православие стеноло и посыпало главу свою пеплом печали. Грубый славянин, пахарь фракийский, сел на престоле цареградском, и вдруг разрушилось долговременное торжество ересей и философии. Юстином назывался новый император; безграмотный варвар, он подписывал свое имя, водя грифелем сквозь дощечку, на которой оно было вырезано, ненавидел науки и философов, объявил себя врагом их, поборником церкви, и тогда закипели партии Ипподрома. Мнение народное, преданность войска, сила государства — все было на стороне Юстиновой. Велизарий заставил трепетать внешних врагов его. Наконец, партия "синих" увеличила могущество Юстина. Тем отчаяннее сделалось со-

противление "зеленых". Злобе их не было меры. Ереси и философия, защита потомков Анастасия и ненависть к "синим", сосредоточились для них воедино. Юстину наследовал Юстиниан, столь славный и столь бесславный в истории, созидатель Софийского храма и поборник ереси Евтихия, основатель систематического учения римского права и ненавистник всякого учения, прославленный победами Нарсесов и Велизариев и трепетавший во дворце своем воли рабов своих и евнухов, превознесенный и поруганный современниками, восстановитель величия царьградского двора и супруг Феодоры, публичной плясуньи, дел которой постыдились бы Мессалины и Фаустины. Таков был Юстиниан. В начале царствования, еще не зараженный учением ересиарха Евтихия, Юстиниан продолжал гонение Юстина на философию и науки, разрушал все школы философов, разорвал золотую цепь последователей Платона в Афинах, заставил несчастных мудрецов бежать, укрываться при дворе Хозроя, и гнал ученых и знания столь бесчеловечно, что имя его ставили рядом с именем мугаммеданских про-

тивников просвещения. Вскоре кровавая вражда "синих" и "зеленых" вспыхнула и потрясла в основании всю империю. Уже не скрытно, не тайными происками, но явно, вооруженными толпами сражались две ужасные партии. Пожары, убийства, хищения означали всюду следы вражды их. Напрасно Юстиниан издавал повеления, которыми уничтожалось различие партий. Напрасно запрещено было различение цветом одежды. "Синие" надели одежду варваров, остроконечные колпаки хазарские, отрасли длинные волосы скифов, узнавали друг друга по знакам, неприметным для непосвященных в таинство. "Синие" явно торжествовали в Царьграде. "Зеленые" подкреплялись милостью императрицы Феодоры. Она была дочь вожатого медведей, которых держала партия "зеленых" для битв Ипподрома, и никогда не могла забыть Феодора того, что после смерти бедного отца ее "зеленые" спасли ее и сестер от голодной смерти, Феодорик, повелитель Рима, покровитель арианской ереси, также подкреплял партию "зеленых" в Риме. Борьба колебалась; победа оставалась нерешенною.

Игры Ипподрома на время остановили. Но, думая, что не осмелятся уже нарушить его повелений, Юстиниан возобновил, наконец, игры, и со страхом увидел он, что тысячи присутствующих на Ипподроме, забывая все повеления, были одеты в два ужасные цвета. Едва поскакали колесницы по Ипподрому, вопли негодования потрясли сердца всех. Юстиниан думал убедить бунтовщиков продолжительною речью. Дикий вопль был ответом ему. — Смерть бунтовщикам! — произнес Юстиниан, задыхаясь от гнева. Стражи бросились по его слову, схватили несколько "зеленых". "Немедленно казнить их!" — воскликнул Юстиниан.

Несчастных поволокли вон. Но Ипподром уже представлял страшное позорище смятения и убийства. "Синие" вступили в битву, думая, что слова императора дают им волю губить врагов своих. Засверкали кинжалы. Стража императорская получила повеление умерщвлять без пощады всех, кто будет найден с оружием в руках, не различая, в синем ли или зеленом платье.

"Государь! мы синие, мы защищаем те-

бя! — кричали "синие", поражаемые мечами стражей.

— Вы все злодеи, бунтовщики, убийцы! Смерть бунтовщикам, смерть "синим" и "зеленым"! — возгласил Юстиниан, оставаясь на своем седалище.

Тогда одна злоба соединила "синих" и "зеленых". Воины императорские поколебались. Юстиниан побледнел, видя устремленных на него с кинжалами бунтовщиков, видя, что все пространство Ипподрома превратилось в место битвы, откуда бежали мирные граждане, где женщины, дети были терзаемы, теснимы толпами неистовых. Мошенники, разбойники, убийцы бросились грабить, убивать, пользуясь смятением. Кони, испуганные воплями и криками, бесились, били, ломали колесницы. Все смешалось, слилось в общем бедствии: супруга вельможи была оставлена ее рабами, и с нее рвали драгоценные уборы; сын царедворца умирал, брошенный прислужниками и раздавленный бешеным конем; служителя церкви терзали, срывая с него драгоценное одеяние. Уже близко были кинжалы убийц у седалища Юстинианова; но

воплъ, крик, движение толпы с одной стороны, общий побег народа в противную сторону показывали, что помощь приспела спасти императора.

Это был Велизарий. Он пробрался к отряду воинов, занимавших одну из улиц, ведущих на Ипподром. "Друзья! — воскликнул герой, — Велизарий зовет вас! Ему ли откажете, тому ли, кто столько раз водил вас к победе? За мною, друзья! Спасем императора!"

— Nika! Nika (будь победитель)! — отвечали воины, и с кликом: Nika! Nika! — Велизарий обнажил меч, повел воинов за собою. Все уступило ему. Он заслонил Юстиниана, когда кинжал был уже вознесен над его сердцем. Бунтовщики побежали в беспорядке, и с восклицанием: Nika! Nika! — преследовали их воины Велизария.

Страшно было позорище Ипподрома. Разрушенные седалища, изломанные колесницы, трупы коней и людей валялись посреди умирающих, раздавленных, изувеченных мужей, жен, детей, разодранных одежд, изломанного оружия. Во все стороны бежал народ; разъяренные воины гнались за ним, не щадя

ни пола, ни возраста.

Но это было только начало бедствий. "Синие" и "зеленые" ударили набат, собрались в разных местах города, и едва успел возвратиться Юстиниан во дворец, к нему принесли известие, что на Таврской площади, где приказано было казнить несколько захваченных бунтовщиков, собрались тысячи буйного народа. "Да будет знамение нашим то слово, которым погубили столько невинных и беззащитных его хищные воины — Nika! Nika! Смерть Юстиниану и Феодоре!" Так вопли возмутители, и — Nika! Nika! — загремело на площади. Эшафот, на котором лежало уже несколько обезглавленных трупов, был разломан; остальных бунтовщиков вырвали из рук стражи и в торжестве повели по городу. Скоро взвился густой черный дым; бунтовщики зажгли дом префекта царьградского; набат загремел на всех колокольнях, и убийство, хищение и грабеж разлились по всему Царьграду. Ересиархи воспользовались смятением; последователи философов также. В одном месте убеждали бунтовщиков сражаться во имя Пифагора и Платона, в другом — во имя Ария

и Евтихия, Нестория и Пелагия.

Но еще не весь Царьград был возмущен. Несчастное распоряжение Юстиниана довершило бедствие. Трепеща в сонме своих царедворцев, запершись во дворце, он не знал, что делать. Тут присутствовали и хитрый Трибониан, и корыстолюбивый Иоанн Каппадокийский, и мужественный Велизарий, и никто не умел дать совета в час грозящей опасности. Не смели отрядить на бунтовщиков войска императорского, боясь, что он пристанет к стороне возмутителей; решились, наконец, послать пятитысячную дружину наемных герулов.

С диким завыванием пошли варвары по улицам Царьграда, как разъяренные тигры, с которых сняли цепи. Они не хотели или не умели понять, на кого и куда отправили их. Ненависть к грекам, свирепое корыстолюбие, буйство варварское, не знающее ни законов, ни уставов — все это явилось в действиях защитников Юстиниановых. Легко разогнали они толпы, собиравшиеся на площадях; но недовольные смертью немногих, они начали нападать на всех, встречающихся с ними. Все

гибло под их секирами и дубинами; они стали врыватья в дома; вопль жен и девиц, которых терзали перед глазами супругов, братьев к отцов, стон младенцев, выкинутых на улицы с разможженными головами, имение граждан, делимое, грабимое варварами — все это привело в волнение весь Царьград. Народ побежал тысячами на площади; снова загремел набат, и уже загремел повсюду; с азиатской стороны поплыли толпы народа, с оружием, с дрекольями. Войско императорское пристало к народу. Все устремилось на полчища герулов; варвары оставили грабеж, соединились, устремились на худо вооруженный народ — началась битва отчаянная. Граждане сами зажигали свои дома; среди пожара, среди ужасов безначалия, бились чем попало; из окон домов бросали каменья, сосуды, мебель; сражались монахи, священники, дети, женщины. Между тем Царьград пылал во всех сторонах — дома, церкви горели, падали, разрушались. Огонь достиг до соборного храма Св. Софии, до дворца Влахернского. Герулы погибли в битве; народ терзал, волочил их обезображенные трупы, и клик: Нока!

Нока! — грозно раздался окрест дворца; тысячи окружили Вукалеон.

Велизарий, патриарх, знатнейшие чиновники вышли к народу, убеждали его. Ярость народная укротилась на время. Толпы неистовых отхлынули от дворца. "Синие" и "зеленые", избранные предводителями народа, вступили в переговоры, как будто самовластные правители Царьграда. Они требовали выдачи судей, по приговору которых казнены были их товарищи; хотели, чтобы Юстиниан явился на Ипподром и дал клятву восстановить игры ипподромские, удалил всех наемных варваров из Царьграда, велел изыскать виновников народного бедствия.

Им обещали. Смятение начинало утихать. Граждане опомнились; всюду стали тушить пожар. На Ипподроме учредилось судилище, доставленное из "синих" и "зеленых", в ожидании присылки виновных, тут ожил опять дух ненависти партий, когда они увидели себя победителями.

Юстиниан не хотел исполнить обещаний, данных кровожадным мятежникам. Узнав меру опасности, видя, что минуты неистов-

ства народного пролетели, что многие из воинов возвращаются в места своих сборищ, дух крамолы царедворцев ожил. Были в Царьграде два племянника императора Анастасия, ненавистные многим вельможам. Отличенные добродетелями, они уцелели в прежних смятениях, и с самого начала ужасной Ники находились неотступно во дворце, при особе императора, желая доказать свою верность. Еще ни на что не решался Юстиниан. С одной стороны, Велизарий советовал ему призвать полки, находившиеся на азиатской стороне, и брался предводитель ими и рассеять бунтовщиков. С другой, советовали императору удалиться из Царьграда. Наконец, многие, указывая ему на толпы бунтовщиков, не оставлявшие Константинова форума и Ипподрома, уверяли его, что не безумное неистовство народа, но тайный умысел Ипатия и Помпея — так назывались племянники Анастасия — предводил бунтом. Нерешительный, колеблемый сомнениями Юстиниан приказал готовить корабли для своего отъезда, послал приказ полкам переправиться в Царьград и повелел предстать перед себя Ипатию и Помпею.

Они явились; с изумлением невинности выслушали гневное обвинение императора; клялись в верности ему. Юстиниан приказал им удалиться в их дома.

Между тем, на Ипподроме опять доходило до битвы. "Зеленые" и "синие" снова принимались за оружие, разгоряченные спорами о своих преимуществах. Другие кричали, что Юстиниан обманул своих подданных. Видя движение войска с азиатской стороны, корабли, подошедшие к Вукалеону, народ снова побежал толпами на Ипподром.

"Синие! — воскликнул тогда один из предводителей "зеленых", — мир и дружба — прочь Юстиниана! Изберем в императоры одного из потомков Анастасиевых! Да здравствует Ипатий и Помпей!"

— Да здравствуют! — воскликнули тысячи людей, сами не понимая, кому желают здравия. "Синие" требовали объяснений, условий, соглашались избрать Ипатия и Помпея, если они утвердят права их и преимущества,

Тысячи бросились между тем к жилищу Ипатая и Помпея, окружили дома их и вызывали громкими кликами обоих братьев, Бра-

тъя явились, отреклись от безумного избрания, умоляли народ опомниться. Помпей бежал и скрылся. Но Ипатия схватили и насильно повели на Ипподром. Супруга его выбежала к народу, со слезами просила отпустить Ипатия; ее не слушали. Насильно привлечен был Ипатий на площадь Ипподромскую. "Зеленые" возглашали его имя; "синие" еще колебались.

Юстиниан услышал о новой перемене дел, потерял всю бодрость, велел переносить из дворца на корабли сокровища и драгоценности. Еще несколько мгновений, и он мог лишиться престола. Феодора, эта развратная плясунья, позорившая собою трон императорский, спасла императора.

— Остановитесь, — говорила она смятенному сонму вельмож и царедворцев, — если император потерял бодрость — он не император более — я заступлю его место! Смерти ли бояться? Все мы при самом рождении осуждены умереть. Царь не должен переживать потери престола. Беги, Юстиниан, но для меня престол мой будет гробом. Кто смеет противиться мне? — вопрошала она, обращая кру-

гом пламенные взоры.

"Никто, государыня! Повели, и мы умрем за тебя и твоего супруга!" — воскликнул Велизарий, устыдясь, что его, страшилище персов и вандалов, победила твердостью духа слабая, развратная женщина.

Юстиниан безмолвствовал.

"Итак, — говорила Феодора, — прочь корабли, возвратим престол наш, или, клянусь Богом, что Вукалеон будет моею и вашею могилою!"

Начали совещаться. Известие о раздоре "синил" и "зеленых" принесено было во дворец.

"Мы спасены!" — воскликнула Феодора,

Немедленно поскакали на Ипподром многие царедворцы. Там, на седалище, покрытом багряным ковром, находился печальный Ипатий; на голову его, вместо короны, повязали какое-то драгоценное ожерелье. Слезы текли из глаз его, и с ужасом внимал он дикому спору "синих" и "зеленых", теснившихся окрест его.

— Синие! Император Юстиниан призывает вас к себе, — кричали царедворцы, приска-

кавшие из Вукалеона, — он прощает вам все вины, все проступки ваши, и отныне, императорским словом его — уничтожаются навеки зеленые, еретики и философы. Только вы одни будете владыками Ипподрома! Император отдает в руки ваши всех "зеленых" — смерть им, гибель всему, чем владеют они!

"Да здравствует Юстиниан! смерть зеленым!" — возопили "синие", и мгновенно разделился Ипподром. Все "синие" собрались на одной стороне его.

Еще не успели опомниться "зеленые" от изумления, звук труб возвестил прибытие трехтысячного легиона, под предводительством Велизария. С криком: "Смерть зеленым!" воины окружили Ипподром. "Смерть зеленым!" — кричали "синие", поражая врагов. "Да здравствует Юстиниан!" — воскликнул Велизарий, ухватив Ипатия и влача его по Ипподрому. "Да здравствует Юстиниан!" — раздалось в толпах народа, едва идол его был низвержен. Следствия были желанные — Ника исчезла, когда головы Ипатия, Помпея и восемнадцати родственников и друзей их были воткнуты на колья перед Вукалеоном. Три

дня позволено было после того "синим" — убивать всех, кого почитали они зелеными. *Innumeris populis in circo trucidatis* (бесчисленное множество народа было убито в Цирке), говорит хладнокровно Аммиан Марцеллин. От тридцати до сорока тысяч человек, говорят другие, погибло в эти три дня на Ипподроме. Три дня очищали потом Ипподром, и пропонтидские волны не успевали уносить трупов, бросаемых с берега царьградского. Гибель сокровищ, богатств, имений граждан была бесчисленна.

Через неделю Юстиниан торжественно ехал по улицам царьградским благодарить Бога во влахернской церкви за избавление его и царства от гибели. Сам он, его вельможи, Феодора были в синих платьях. "Синие" шли впереди, возглашая победу, и весь Царьград запестрел флагами и значками победительного цвета.

Имя зеленых было предано проклятию, наравне с названием философов и еретиков. Юстиниан воздвигнул чудо зодчества на место сторевшей Софийской церкви.

Тридцать три года царствовал после того

Юстиниан, и Ипподром, где несколько времени являлись только одни "синие", покорствовал его воле, отзывался торжественными похвалами императору. Но прошло несколько лет, и — ослепление непонятное — "зеленые" были торжественно восстановлены. Тишина игр не прерывалась однако ж буйством. Обе партии потеряли свою пагубную силу. Хитростью и тайным преследованием Юстиниан успел подорвать могущество "синих". Начальники их погибли под кинжалами тайных убийц. "Пропал, как "синий!" — сделалось поговоркою в Царьграде, когда кто-нибудь погибал внезапно и безвестно.

— Синие! помните, что Юстиниана нет более! Зеленые — он жив! — говорил Юстин, наследуя своему дяде.

События летели. Смятения и междоусобия беспрерывно раздирали империю. Настало время новых волнений православия, когда Лев Исаврийский и Константин Копроним объявили себя защитниками новой ереси иконоборцев. "Зеленые" восстали тогда, мстя за свое продолжительное угнетение; вражда, переданная в заветах отцов, снова обагрила

кровью стогны Царьграда. Утверждение Македонской династии на царьградском престоле восстановило тишину церкви. Уже не видно было и малейших следов тайного язычества, и дух ересей отзывался только в одном иконоборстве. От партии "зеленых" отстали все философы, потому что уже давно не было памяти их. Направление партий Ипподрома приняло совершенно особенный характер; Ипподром сделался местом сближения богачей и вельмож, которые, под именем синих и зеленых, спорили только о том, кто кого превзойдет роскошью и великолепием. Их оставляли в покое. Казалось, что Царьград, утомленный бурною жизнью, отказывался от всякого участия в политических изменениях. Перевоороты совершались в чертогах императорских, и, засыпая под властью одного императора, просыпаясь под властью другого, жители Царьграда хладнокровно шли присягать новому императору по голосу глашатаев. Еще странное изменение оказалось в царьградских нравах: Василий Македонский, Лев Премудрый, Константин Порфирородный не только не старались преследовать учения и

философии — они сами показывали невиданный до того времени пример государей-писателей, объявляли милость свою всем ученым и поэтам. Но как Ипподром представлял только сборище праздных юношей и беспечных стариков, так науки и учение, ободряемые императорами, были странным зрелищем мелких споров схоластических и выписок из древних писателей. Уже триста лет прошло, как Ника нанесла последний удар учению и философии; половина Царьграда не умела даже читать и спрашивала: что такое значит книга? Но императорский дворец наполнился однако ж учеными людьми. Такими почитались тогда те люди, которые читать умели. Нашлись даже писатели, прозаики и поэты и громко славили мудрость Царьградскую. Поэты тщеславились тем, кто из них лучше напишет канкринские, или раковые стихи; явилась и философия: она состояла в соглашении идей Платона и Пифагора со смыслом Евангелия; в спорах о том: должно ли признавать святыми Платона и Сократа, или сии мудрецы, как язычники, мучаются в аду и подлежат проклятию? — "Не грех ли читать Оми-

ра?" — таков был вопрос, который долго обдумывали в школе философов, заведенной в Царьграде императором Львом. Тогда знамениты были: Георгий Амартол, Михаил Пселл, Кометий Хартуларий, Никита Квестор, Савватий Протоспафарий, Иоанн Комениат, Симеон Метафраст, Константин Цефалий, Феодосии Диакон. — Неужели вы не слышали этих имен? Неужели не знаете, что сам Лев Премудрый написал поэму в двадцать шесть раковых стихов и девять эпиграмм сверх того? Что Феодосий Диакон сочинил поэму в пяти песнях на завоевание Крита; что патриарх Фотий составил тогда свой Мириовивлон из 270-ти книг, которые успел прочитать? А басни Никифора Василаки? А грамматические творения Михаила Синкелла и Феогноста? — Спросите у любого библиографа и эллиниста — он расскажет вам обо всем этом, укажет книги и издания, где вы можете видеть византийскую литературу X века, и уверяю вас, что она была гораздо выше русской литературы того времени.

Никогда греческая империя не находилась в столь униженном, жалком состоянии. Да-

же и злодеев не было уже в Греции! Страсти совершенно погасли. Уже не аравитяне, не турки, не готфы, не орды Аттилы, но ладьи руссов и полки Булгарии грозили Царьграду. Греки называли себя римлянами, и дерзкий посол западный в глаза говорил императору царьградскому: "Мы, лонгобарды, франки, саксоны, лотаринги, бавары, свевы, бургундцы, мы варвары — гордимся, когда вы называете нас варварами, мы презираем имя римлян, и нет между нами брани оскорбительнее названия римлянина: под этим названием мы разумеем все, что только можно вообразить себе подлого, трусливого, жадного, расточительного, лживого, порочного, одним словом, hoc solo, id est Romanorum nomine, quidquid ignobilitatis, quidquid timidi, quidquid avaritiae, quidquid luxuriae, quidquid mendacii, ornne quidquid vitiorum est comprehendente".

Но за царствованием Льва и Константина, когда своды императорских чертогов отзывались спорами придворных схоластиков и поэтов, а на Ипподроме видели развратного роскошного патриарха Феофилакта, сына императора Романа Лаканина, в патриаршей

одежде скакавшего на колеснице между "синими" и "зелеными", кормившего лошадей своих миндалем и шафраном, настало опять новое изменение. По кончине Константина Порфирородного, Роман младший изгнал всех ученых из дворца своего, запретил писать стихи, не велел спорить о Платоне и Пифагоре, и жизнь его протекала между Ипподромом и сферистерием (залом для игры мячом), между конюшнею, где на золоте кормили его лошадей, и пирами, где собирались его товарищи Ипподрома и развратные женщины.

Воцарился Никифор. — В свой черед запустел Ипподром; умолкли пиры во дворце; драгоценные кони императорских конюшен были отданы в армию и погибли в походах азиатских и сицилийских. В третий только раз, со вступления своего на престол, объявил Никифор игры Ипподрома, в тот день, который назначил он для торжественного приема болгарских и латинских послов. Мы описали начало этого торжественного дня, и какую летопись безумия человеческого надобно было нам пересказать читателям для объяснения,

что значило различие собравшегося в Ипподроме народа синим и зеленым цветом!

Звук труб и гром кимвалов возвестил народу, что император Никифор приближается к Ипподрому, совершив моление во храме Софийском. Но народ глядел и изумлялся, что император приближается не с тем поездом, какой обыкновенно сопровождал императоров на игры Ипподрома. Не было ни евнухов, ни пажей, ни колесниц, ни длинного ряда придворных. Шествие открывали стальноносные латники; за ними следовала дружина фарганов, возглашая песни в честь императора; затем ехал он сам, не в императорской одежде, но в броне воинской, в стальном шлеме. Шествие заключали златоносные дружины воинов.

С удивлением раздвинулся на две стороны народ. Стройными рядами стали воины подле Ипподрома. Никифор сошел с коня своего и, сопровождаемый немногими вельможами, бодро и величественно пошел по Ипподрому на свое седалище.

Глашатаи возвестили молчание. Тогда гро-

могласно начали пересказывать собранию волю императора.

"Народ римский! внимай словам своего государя и самовластителя, внимай, и укрепи слова его в душе своей, как неизменное его повеление!

Доколе суетные помышления и ненавистная жажда роскоши и тщеславия будут гнездиться в душах ваших, о римляне!

Рабы страстей и похотей лукавых, вы ленивые на исполнение священных обязанностей христианина и подданного, с какою жадностью бежите вы, если вас манят чувственные наслаждения!

Сей день показал вполне нищету умов ваших. С каким ненасытным вожделением устремились вы, едва сказали вам, что на бесславном поприще Ипподрома откроют для вас ничтожные забавы праздности! Поспешите ли вы с такою же ревностью, если будут призывать вас на молитву и доброе дело?

И в какое время, христиане, в какую годину, римляне, стремитесь вы на утехи и забаву? Когда половина седьмой тысячи лет близка к окончанию, когда страшные знамения

являют гнев Божий; когда святая церковь стенает, видя разврат ваш, разъединение душ и сердец!

Неужели мыслите вы, что император в самом деле хочет разделить безумные игры вашего Ипподрома? Ослепление непостижимое!

Внимайте, римляне! Император, как пастырь добрый, должен насильно вести к добру вас, овец заблудших.

Императорским словом отныне навсегда уничтожаются игры Ипподрома. А вы, безумцы, отличившие себя цветами синим и зеленым, устыдитесь своего неразумия, сбросьте с себя пагубные знаки раздора, памятник прошедшего навеки безумия, поганого язычества, душегубных ересей, постыдных для потомства междоусобий!

Да исчезнут навеки "синие" и "зеленые"! Гневу императорскому подвергнется отныне каждый, без различия звания и чина, рода и сана, каждый, кто осмелится содержать коней, способных для игр Ипподрома, и колесницы, употребляемые для игр Ипподрома, кто наденет отличие синего или зеленого цвета.

Повелеваем: продать немедленно все сии признаки роскоши и внести вырученные деньги в императорскую казну, для искупления христиан, страждущих в плену неверных!"

Глубокое молчание царствовало в Ипподроме, когда глашатай окончил речь свою. Казалось, что гром внезапный грянул над собранием и заставил всех ужаснуться и безмолвствовать.

Император дал знак, и глашатай начал снова:

"По воле императора, все находящиеся здесь кони и колесницы, приготовленные для игр Ипподрома, поступают в казну императорскую и обращаются на военную службу.

Римляне! Император указывает вам на игры, достойные славного имени римского: война, победа над врагами — вот игра, достойная человека; молитва, пост, благочестие — вот дела, отличающие христианина.

Уже Азия содрогнулась перед орлами великой Римской империи; области, столь долго стлавшие под игом неверных, возвращены служению Бога и власти римской монархии.

Император готовится перенести оружие на берега Данубия и к стенам Багдада. Римляне! тот обратит на себя его милости, кто спешнее других станет в рядах его воинов!

К брани, к оружию должны приучаться вы, римляне! В дни мира должны вы поучаться войне против врагов.

Не думайте, что император хотел лишить вас увеселений. Делу время и потехе час. По велению императора, вместо достойных презрения игр Ипподрома, пред вами представлены будут игры, достойные имени римского!"

И по знаку, данному Никифором, с громом труб и звоном кимвалов соединились варварские песни фарганов: "κωνσερβετ Δεους ιπτεριουμ βεστρουμ — βικтор σις σεμлер — βιβιτε Δομινι Ημператорεσ ην μουлтос αννος (Да сохранит Господь владычество твое — будь вечно победитель — многая лета императору)!" — С двух сторон пошли на Ипподром, с одной фарганы, с другой златоносные ратники. "Синие" и "зеленые", бывшие на поприще Ипподрома, очутились между их рядами и казались стадом овец, попавшим между стаею

волков. В то же время другие отряды окружили колесницы, приготовленные для игр Ипподрома, обхватили их и повезли в императорские конюшни.

Народ, собравшийся окрест Ипподрома, не мог слышать речей глашатая и не постигал, что значит безмолвие, вместо радостных кликов, какими обыкновенно оглашался Ипподром после обыкновенного приветствия императора народу. Еще более изумился народ, видя движение войска на Ипподром.

Но когда воины окружили колесницы и коней, и когда, в то же мгновение, златоносные ратники и фарганы обнажили мечи и с воплем и криком устремились одни против других, желая представить зрителям примерное сражение — смятение распространилось в народе. Крик: "Бьют, режут! Император велел убивать всех, кто находится в Ипподроме!" — этот крик, произведенный безотчетным испугом народа или злонамеренными людьми, огласил всю площадь. Все дрогнуло. "Спасайтесь! Бегите!" — завопил народ... Тысячи голосов повторили сей вопль — и все ринулось, бросилось бежать из Ипподрома и с

площади. Толпа падала на толпу. В одном месте кричали: "Землетрясение! Статуи Ипподрома падают!". В другом: "Император велел резать всех без пощады!". Напрасно Никифор приказал остановить примерную битву воинов, сам бросился уговаривать, останавливать народ, велел возглашать, что ложные слухи испугали зрителей Ипподрома. В беспорядке опрокинуты были ряды воинов, оберегавшие порядок в ближних улицах; множество людей было задавлено, изувечено; площадь Ипподрома покрылась обезображенными трупами, обломками, лоскутьями одежд. Страх распространился по всему Царьграду. Самые нелепые толки разнеслись во всех частях города. Говорили, что император велит насильно отнимать имение граждан; что варвары внезапно напали на Грецию и уже стоят близ стен Царьграда; что император велел перерезать всех собравшихся на Ипподроме. Бездельники и мошенники умножали смятение грабежами. День радости превратился в день скорби; мгновенно рассеялись все народные сборища; драгоценные уборы, какими украшались здания и дома, были спрятаны;

каждый спешил укрыться.

И когда Никитор отправился обратно во дворец Вукалеонский, мертвая тишина была на улицах Царьграда. Встречавшиеся с ним, в трепете, повергались на колени, как преступники, ожидающие казни. Мрачен и задумчив ехал он. Вдруг, при повороте в одну улицу, несколько камней полетело в императора. Он остановился: это была старуха, бросившая камень из окна. Воины хотели кинуться в дом, схватить дерзкую. "Оставьте ее, — сказал император, — в сей день мне суждено было видеть удивительные вещи: потомки римлян испугались блеска мечей, а царьградские старухи сражаются со мною".

В тот же день обнародованы были повеления императора по всему Царьграду. Никифор изъяснил народу его ошибку, несчастное недоразумение, стоившее жизни и здоровья многим, вразумлял народ, объясняя ему свои намерения.

Но следствия оказались не те, каких ожидал император. "Провидение Всевышнего, — говорит один из современников, — обращает счастье людей в противную сторону, я думаю

для того, чтобы они чувствовали свою смертность и выше меры не гордились." [3]

КНИГА III

Если ты видишь кого-нибудь возведенного на высоту счастья, гордого своими богатствами, надменного родом своим и подъямлющего взоры свои еще выше своего величия, не сомневаясь верь, что близкое наказание ожидает его. Судьба возвышает нас только для того, чтобы тем глубже было падение наше.

*Менандр, отрывок из потерянной комедии
(Стобей, Serin, XXII)*

Дня через два или три, после несчастного события на Ипподроме, в одном из домов царьградских, в обширной комнате, освещенной лампадою, сделанною в виде черепа человеческого, сидели два человека и беседовали, хотя ночь уже давно наступила, мрак облегал Царьград, и, говоря выражением старинных поэтов, "Морфей рассыпал мак на зеницы людские обильною рукою".

Дом, в котором находились собеседники,

составлял одно из огромных зданий, принадлежавших частным людям, и находился на форуме, или площади Константиновской. Главный портик сего дома выходил на площадь, а самое строение терялось в огромных соседственных зданиях, и почти столько же находилось его в земле, сколько на поверхности земли. Так было во всех значительных зданиях царьградских, начиная с дворцов до чертогов вельмож и богачей. Подземелья, погреба, тайные выходы и входы были столь обыкновенны в домах царьградских, что говорили, будто Царьграда только одна треть на земле находится, другая висит на воздухе, третья зарыта под землею. В подземельях и погребках богачи и вельможи скрывали свои сокровища, укрывались сами во времена бедственных волнений, непрерывно потрясавших благоденствие Царьграда. Богач считал бы свой дом несовершенным, если бы не было в нем потайных входов и выходов. Это сделалось, наконец, модою, щегольством. На что не бывает моды?

Дом, о котором мы говорим, мог похвастаться самым щегольским, если бы надобно было су-

дить о нем по его подземельям и тайникам: он изобильно снабжен был ими, и многие из них были так скрыты искусством зодчего, что никто и никогда не мог бы догадаться об их существовании. Комната, где находились собеседники, нами упомянутые, была в одном из самых тайных подземельев строения. Это был погреб, глубоко опущенный в землю, и к нему надобно было пробираться множеством переходов, коридоров, тайных дверей, лестниц. Впрочем, особенным искусством зодчего, погреб этот, находясь в ряду других подземных комнат, был сух, тепел и, несмотря на вечный мрак, ибо свет дневной не проходил в него, он мог показаться жилищем роскоши. Стены и своды его были обмазаны крепким цементом и раскрашены, а капители красивых столпов даже раззолочены и множество подсвечников и ламп, в нем находившихся, могли ярко осветить его. На сей раз освещала его только лампада.

Странны были украшения этой подземной комнаты. Тут, в красивых шкафах находилось множество свертков папира и пергамента; на стенах висели чучелы разных животных; на

столах расставлены были какие-то непонятные орудия, стклянки, пузырьки, банки, ящички, разложено было множество рисунков и чертежей.

За большим столом, заставленным разными орудиями, заваленным свертками и чертежами, сидели два упомянутые нами собеседника. Кто присутствовал на последней императорской аудиенции, тот мог бы узнать того и другого: один из них был философ, которого Никифор страдал гневом своим, за приверженность его к философии; другой, молодой царедворец, патриций Калокир, которому велел он отправиться в Киев, к Сфендославу, князю днепровских руссов.

— Да, мой сын! — говорил философ, — будь внимателен к словам моим, и я открою тебе тайны, каких еще не видал ты до сих пор.

"За тем пришел я к тебе, отец мой. Все, что доньше знаю о себе самом, только тревожит и смущает меня. Прошедшее для меня непонятно, будущее вовсе мне неизвестно. Перед тобою открыты тайны былого и будущего. Открой их мне".

— Юноша! с какою жадностью стремишься

ты узнать неведомые судьбы своего жребия! Но помышляешь ли о том: принесут ли они тебе радость и счастье, эти открытые тайны? Помнишь ли жреца египетского, поднявшего покрывало с истукана Изиды? Что было его жребием? Безумие и ужас!

"Зачем же пугаешь ты меня, отец мой, когда сам обещал мне важные открытия? Не для того ли должен я был переносить разные испытания и перенес их? Не обещали ль мне говорить откровенно обо всем? Не для того ли открыли мне, наконец, тайное твое убежище и привели меня к тебе?"

— Так, но теперь испытание последнее. Скажи — не побуждает ли тебя к познанию только жадность славы и почестей? Не то ли одно влечет тебя, что в будущем откроется для тебя блестящее, высокое поприще? Если так — горе тебе! Ты ослеплен — ты обманываешь себя, обманываешь и всех нас льстивыми надеждами!

"Я не понимаю тебя, отец мой! Сказать тебе, что душа моя не волнуется радостно при мысли о величии и славе, которые, может быть, ждут меня в будущем, — значило бы

скрыть от тебя мою душу. Да, я жажду их, почестей и величия, и путь, которым достиг я в мои лета того, что я уже есмь теперь — должен ободрять меня в самых смелых мечтах".

— Что же ты есть теперь, сын мой? — спросил философ с горькою усмешкою.

"Вопрос твой смущает меня, отец мой. Еще нет мне двадцати пяти лет, а уже удостоен я милостей моего великого государя, имел случай показать ему храбрость мою в битвах, был послан от него в дальние страны и теперь снова отправляюсь туда с поручением весьма важным. Мое богатство, мой чин делают меня одним из почетных царедворцев — я всего могу надеяться!"

— Да, всего — блестящая участь, и тем более, что ты достигаешь ее своею заслугою. Может быть, если ты не погибнешь в дальних странствованиях, не будешь убит в какой-нибудь битве — ты сделаешься протоспафарием, логофетом, Великим доместиком. Тогда тебе надобно будет бояться только одного, чтобы не навлечь на себя немилостивого взора своего повелителя... Может быть, вечным угождением и лестью удержишься ты на своем ме-

сте, если какое-нибудь смятение, волнение, прихоть судьбы не уничтожат тебя, если интрига придворная не восстанет на тебя. Ведь все это может быть...

"Так, но ты смущаешь меня своею насмешкою".

— Право? А я хотел еще далее продолжать мою речь и до дна заставить тебя выпить сосуд с горьким питием правды, который должен очистить твою душу. Ты богат, ты патриций, ты царедворец, ты доказал храбрость свою в боях, ты послан был в отдаленную Скифию — все так! Но неужели велика та заслуга, что ты не бежал постыдно с полей битвы? А посылке в Скифию не заключалась ли вся причина в том, что ты хорошо знаешь скифские языки и другого некого было выбрать? — Постой, юноша, и не перебивай речи моей! Богатство твое — как приобрел ты его? Ты сам не знаешь своего рода; ты жил в удаленном от столицы городе, не зная ни Двора, ни почестей. К тебе пришел хозяин этого дома, патриций Афанас, и объявил тебе, что ты наследуешь великое богатство после одного своего родственника, богатого человека,

умершего в Херсоне и препоручившего ему передать тебе свое богатство. Потом друзья Афанаса представили тебя ко Двору, и милости Никифора начали на тебя обращаться.

"Конечно, — сказал с досадою Калокир, — я не имел еще случая оправдать себя великими подвигами..."

— Не выше ли тебя Афанас, когда он может получить все возможные почести при своем знатном роде и богатстве и презирает всем этим?

"Зачем же ты обольщал меня моею великою участью и открытием каких-то высоких тайн, когда начинаешь унижением меня в собственных глазах моих?"

— Затем, чтобы возвысить тебя после сего над другими дивным жребием твоим, отличным от всех других. — Чувствуешь ли силы лететь могущим орлом? Если ты чувствуешь силы свои, то не место логофета должно льстить тебе, не милость Никифора, но место великого человека и — первое между современниками!

"Первое! Но это первое место..."

— Неужели, как грубый франк, ты боишься

рыкания золотых львов, которые стерегут это первое место?

"Скажи ж мне, отец мой, открой мне судьбу мою..."

— Если ты не будешь приготовлен к открытию, что поймешь ты из слов и изъяснений моих? Смотри. — Философ развернул лист пергамента, исписанный математическими знаками, испещренный созвездиями, цифрами, изображениями уродливыми. — Вот судьба твоя, Калокир!

Юноша смотрел и не понимал.

— Это гороскоп твой, — продолжал философ, — и я все читаю в нем так ясно, как будто бы это было написано самыми четкими буквами. Вот он — твой враждебный Водолей — вот влияние Афродиты, которого ты должен страшиться — вот три цикла жизни твоей...

"Отец мой! я предаюсь тебе — я отдаю тебе судьбу мою!"

— Итак, я открою ее тебе, когда ты поставишь целью жизни своей совершение великого своего предназначения, к которому ведет тебя рука тайных друзей и судьба твоя!

Узнай, Калокир, что мир здешний есть

борьба добра и зла, ума и безумия, чести и бесславия, и — увы! — люди отвергают благо, предаются злу и не видят, как изливаются за то фиалы скорбей на землю! Они мыслят, что ум, Богом им данный, есть обман и обольщение; что знания и науки суть только хитрое сплетение сомнений; что философ и мудрец есть мечтатель опасный, заводящий во тьму. Древняя Эллада блистала мудростью и наукою — они исчезли, и — Эллада погибла. С проявлением Божественного закона, когда ум покорился ведению небесных откровений, люди отвергли его решительно, как земное нечистое брение — и чего не испытали они за то? Каких бедствий не перенесли? Близок есть час гибели — секира лежит при корне дерева и гумно судеб готова возвеять лопата делателя! Времена страждут болезнью великого деторождения, и дивные чада рождаются от них. Се, от Востока грядет гибель — и горе Царьграду! Се, на Западе гордый властитель Рима готовит перуны — и горе Царьграду! Но Север могущ и велик; широкоструйны моря и реки его: Калокир родился там, от крови скифа и гречанки, И возвратит он доблесть Царь-

граду, и будут снова мудрость на берегах Босфора и слава на стенах Седмихолмия!

Философ говорил все это в каком-то иступлении, и Калокир смотрел на него, не смея прервать его речей.

— Повеждь мне грядущее, судьба таинственная! Юноша — великое совершится: прейдут пять царств, настанут седьмая година и шестое царство. Восток и Запад дряхлеют; Север дышит дивною жизнью. Не пройти: славе Седмихолмия, если мудрость, и православие не оставят его. Настанут дивныя: Атлантида великого Платона явится из недр Океана на Западе; человек снимет с облаков грома и молнии; взлетит под небеса на машинах, им созданных; без ветрила двинется по морям; железом окует он землю и золотом разроет недра ее, чтобы прочесть в ее недрах тайны мироздания; с куском металла будет он плавать на морях, и послушные звезды будут показывать ему путь его; гром и молния создаст он и бросит на врагов; разложит он луч солнца, сочтет звезды, предскажет бег комет небесных! Горе непроницающему тайн, горе коснеющему во мраке! Не дивись

словесам моим. Премудрость, создавшая дом свой на семи столпах, по слову Соломона, подчинила ему духов земли, когда он возжаждал ее всем сердцем, паче золота и серебра и драгоценностей Офира!

В начале жизнь и мудрость были едины, и человек читал в природе, как в книге, отверстой пред его взорами. Тогда сказалась она ему словом и звуком, очерком и цветом. Но тлетворное дыхание земли отягчило человека. Скрылась премудрость от взоров смертного, скрылась от людей, и открывается только взору избранного испытующего. Ведение превратилось в древо познания добра и зла. Но мудрые не погибли, как семена под снегом зимним; не скрыли они мудрости, им проявленной. Они облекли ее в символы; они изобразили ее в иероглифах; они явили ее в науке и знании; они запечатлели ее в мифах Элевзина и Мемфиса, Дельф и Самофракии.

Тогда восстало начало зла и вечную борьбу объявило избранным. Где не гонят ум, где не преследуется ведение? Сократ испивает цикуту; Архимед гибнет под мечом варвара; Софокл влечется на суд, как безумный. Природа

мстительна — она уничтожает памятники мудрости; меч дробит обелиски, и пирамиды разрушаются событиями...

Но мифы и символы живы, как луч солнца во мраке, его застилающем; ряды мудрых светят, как ряды звезд небесных, закрытых тучами. И таинственно сливаются судьба царств и жребий народов с жизнью и судьбою Мудрости.

Вражду и несогласие хотело посеять начало зла между Святой Истиною небес и тайнами Мудрости Земли. Да, не будет!

Велик был успех начала зла. Истребилась мудрость Египта и Эллады, Рима, Верита и Эдессы. Тогда увидели, как дряхлеет Юг и стареет Восток. Очи мудрых устремились на Север и в тамошних странах, отчизне Авариса, Замолксиса и Анархасиса, искали света. И открыто им было!

Доколе море и земля, цвета синего и зеленого, пребудут символом Царьграда, основой силы его — Седмихолмие сохранится в могуществе и православии. Доколе избранные не соединятся с врагами православия — Седмихолмие сохранится в мудрости и ведении.

Призови Север к Седмихолмию, и род скифа соедини с родом Константина, и сбудется надпись на гробе царя Константина Великого: "От Севера приидет свет, и мощь, и сила с величием".

Калокир слушал и невольно думал: "Если это называется у философов изъяснять, то, клянусь Зевесом, или я дурак, или он сам не понимает, что такое бредит!" — Но юноша продолжал оказывать внимание.

— Из сего поймешь ты, сын мой, почему с такую жестокостью начало зла напало на мудрых и избранных; почему возмутило оно враждою синих и зеленых, знаменовавших собою таинственное основание владычества Рима и Греции; почему возмутило оно тишину церкви ересями, и с именем еретиков соединило имя мудрых, воздвигнув на них гонение православных и поганных, верных и неверных. Увы! и мудрые сами заблуждались во мраке; лилась кровь; пламенели страсти; все казалось гибнущим, но — не погибло!

Тебе должно быть ведомо, как изъяснил это великий Епифаний, творец таинственных и бессмертных сочинений "Αὑκυρωτων"

("Якорь") и "Павартов" ("Аптечка"), он доказал, что ереси существовали издревле, и двадцать ересей, разделенных на пять степеней, возмущали мир еще до воплощения Христова. Таковы были: варварство, до времен праведного Ноя и сынов его; скифство, до построения Вавилонского столпа, когда Фалег и Рег удалились в Скифию; эллинство, когда мудрецы поклонялись самим себе во имена ложных богов; самаританство — царство эссениев, севуенов, гарфениев и досифеев; наконец, иудейство — царство саддукеев, книжников, фарисеев, имеробаптистов, назареев, оссениев и иродиян. Но исчезли все сии зловещие тучи, и солнце правды сияло. От камня изведется глас, и дивно будет в очах человеческих — от Бога бо будет сие, а не от человека!

Когда совершилось шестое столетие от воплощения Бога слова, и близ было седьмое, Надежда воссияла в сердцах мудрых. От сынов Фалега и Рега воссел на престоле Царьградском император.

Ты не обычен к таинственным словесам мудрости, сын мой, и долго было бы изъяснять тебе смысл каждого имени, каждого

символа. Буду говорить тебе просто.

Ты ведаешь, что Юстин, из простых пахарей Фракии, возведенный на престол Царьграда, был славянин, или скиф, и перемена прежнего имени его на имя Справедливого была таинственным знамением грядущего. Он передал престол Юстиниану, так переименованному из славянского Управд. Имя отца Управдова было Исток, т. е. начало, а матери Богаделеница, т. е. творящая дела Божии [4]. Льстецы, прикрывая их происхождение, наименовали отца Савватием, а мать Вигилантиею. Ты знаешь, что Юстиниан восшел на престол в 527 году. Сложи: 5, 2, 7 — получишь великое дважды семь, помножь на него 527, выйдет 7378 — великий цикл 7000 и 350, как половина 700, малого цикла; остаток 28, заключающий четыре седмицы, когда три разделяют семь, и заключаются восьмью — 7378... Но, довольно — ты не поймешь моих числений — довольно, что Юстиниану обещано было великое: мудрость, победа, законодательство, слава храмоздания паче Соломона. И скажи: не славно ли было его царствование? Не гремел ли он победами? Не составил

ли он вековых законов? Не превзошел ли Соломона величием созданного им храма?

Но тогда-то начало зла усилило свою брань, и Юстиниан погряз в грехах и пороках. На ложе его возведена была распутная женщина; род его пресекся; царствование его было гибелью мудрости и оснований силы Царьграда.

До его времен продолжалась золотая цепь мудрых, из Александрии перенесенная в Пергам, из Пергама в Афины, от великого Платона, мудрого Порфирия и велеумного Ямвлихия до Плутарха, сына Несториева, Сириана, Эрмия, Прокла, Марина, Исидора Газского, Зенодота и Дамаския. В Афинах существовали тогда Академии платоников, Ликей перипатетиков, Портика стоиков, Капосы эпикурейцев. Юстиниан ниспроверг все, и мудрые бежали — погибнуть в изгнании, в стране, подвластной варвару Хозрою!

До его времени соблюдались на Ипподромах, знаменателях силы и величия, таинственные символы синих и зеленых. Он погубил их враждою и союзом, и с восклицанием: будь победитель! — они пали в ничтожество;

имена их сделались с того времени игрушкою праздных. И погибла надежда избранных!

Но ничто не гибнет. Избранные сохраняются. Ты видишь во мне бедный остаток, последний луч мудрости и знания; Афанас есть последний луч зеленых, и с ним соединен последний луч синих, друг его Порфирий. Вот остатки того, что тройственно должно восстановить православие, мудрость и силу. По гласу нашему придут тысячи, дремлющие беспечно. А ты, юноша! ты — обречен быть вторым Упр_а_вдом на престоле царьградском!

"Как, отец мой?" — воскликнул Калокир.

— Да, только не с именем Юстиниана, но с именем Калокира — изящества и господства, красоты и величия [5]. Се, жребий твой.

Если бы кто-нибудь за минуту спросил у Калокира: понимает ли он что-нибудь из речей философа? — он поклялся бы, что ничего не понимает. Но теперь, когда увидел он вывод запутанного многословия, ему все казалось чрезвычайно понятным, и голова его закружилась...

— Да, юноша, ведай, что в тебе видят избранного мудрые и сильные. Все падет окрест

тебя и пред тобою — уничтожится бессмысленный ругатель мудрости, губитель знаменитой силы, Никифор, дерзающий думать, что он может истребить остаток философов и остаток синих и зеленых. Пусть истребляет он привидения их — "синие" и "зеленые" таятся во маке и воссияют светлую звездою в трех лучах мудрости, православия и силы.

Юноша! ты природный славянин, ты скиф! Тщетно после Юстиниана устремлялись ереси, безбожие, зловерие, стараясь истребить философов; тщетно и сами философы заблуждались, приставая к ересям; тщетно и синие и зеленые боролись, падали, исчезали; тщетно и род славянский уничтожался на царьградском престоле и заменялся родами исаврийскими и македонскими.

Судьбы не победит воля человеческая. Видно, что еще не настало тогда время победы; надобно было прежде просветить Скифию святою верою и потом произрастить в ней ветвь спасения. Внимай же и дивись: при похитителе престола, Василии Македонском, славянам суждено было восхвалить Бога истинного на своем языке! Внимай и дивись:

родной сын Василия, Александр, хотел уничтожить род свой и заменить его возложением императорского венца на главу славянина: ты знаешь, что Александр думал обречь монастырской обители Константина Порфирородного и облечь порфиною Гавриила, сына Василиева, славянина мудрого [6]. Похититель Роман Лакапин истребил род Гавриила; но что же? Скифская царица пришла из отдаленной Кивии принять крещение, как будто возвещая близкое пришествие славян на престол царьградский, и в тебе, утаенном от меча убийц, сохранился род мудрого Гавриила. Юностью, умом и знанием цветешь ты при Дворе Царьградском, и никто не ведает, что ты есть сей благословенный плод, на который устремляются упования сильных и избранных; что в тебе примирятся Юг и Север, и тобою процветут мудрость, сила и вера!

О юноша! клянись мне, что ты будешь поборником православия и дашь место мудрости и мудрым при Дворе твоём; что ты будешь всегда допускать истину и правду до слуха твоего; что ты не почтешь мудреца злодеем и любомудрого врагом своим; что ты не

смешаешь понятия о науке и знании с богопротивною ересью!

"Клянусь, отец мой!" — с жаром воскликнул Калокир, подымая руку над головою.

— Хорошо, благо тебе, благословение роду твоему! Но, клянись же мне еще исполнить то, что я скажу, тебе...

"Отец мой!"

— Клянись, или благословения не будет над тобою.

Увлеченный словами и видом философа, Калокир произнес страшную клятву, которую сказал ему философ, еще не зная, в чем клянется он.

— Клянись, что ты не взойдешь на престол царьградский ни хитростью, ни изменою, ни убийством; что ты не возложишь рук своих ни на Никифора, ни на детей Романа, ни на мать их, ни на весь род их!

"Отец мой!"

— Ты колеблешься...

"Но, я не понимаю..."

— Так неужели ты думал, что я возьму участие в деле, которому основанием будет убийство и измена? Или забыл ты, что Никифор и

дети Константина императоры и владыки, забыл слово Божие: не прикасайтесь помазанным моим, мною бо царие царствуют?

"Но как же достигну я..."

— Так неужели мыслишь, если ты от веков избран и судьбою предназначен, мыслишь, что людской разум возведет тебя к чести и славе, рука человеческая будет предводить тебя? Слепец-юноша! Тот, кому небо престол, кто коснется горам — и дымятся, уравниет пути твои и проведет тебя по безднам моря! Веруй, знай свое высокое назначение и уповай на помощь неведомую! Она предыдет тебе, и как Гедеону ангел, возглашая: Господь с тобою сильный крепостью!

Юстиниан думал, что уже навеки истребил синих и зеленых, но четыре века прошло и они живы во мраке и гонениях. Он мыслил, что истребил мудрых и избранных, но они живы в наследниках золотой цепи философов православных, умевших помирить мудрость языческую с истинами святой веры. Македоняне хотели казаться покровителями мудрости; Василий, Лев и Константин думали быть философами, и — не было им дано! Но в то же

время мудрые существовали, и, утаенная вблизи, далеко гремела слава их между неверными и варварами. Когда казалась потухшею последняя искра философии, когда после Юстиниана и Копронима, казалось, угасло на веки светило разума, и на голос мнимых покровителей сбежались, как псы к трапезе, только бессмысленные риторы, суесловные витии, лжемудрые софисты, от Востока пришел глас. Халиф зловерный, Аль-Мамун пишет к Феофилу: "У тебя в Царьграде есть звезда мудрости, философ Леон. Он укрывается в бедной хижине; отдай его мне, и он будет обитать во дворце моем. Я сам пришел бы в Царьград внимать его учению, но не могу оставить престола, Богом мне врученного. Отдай мне мудрого Леона. Знание есть благо общее, и деля его, мы все обогащаемся. Возьми от меня 2000 литр золота и отпусти ко мне Леона". Изумился Феофил и не хотел поделиться даром Божиим. В хижине найден был мудрый Леон и в чертогах царских поведал мудрость. Но — горе мудрому, егда не настало время его! Имея уши — его не слышат, имея очи — его не увидят, имея разум — его не ура-

зумеют!..

Задумчив и молчалив сидел Калокир, и философ, утомленный многоречием, казалось, отдыхал, также в молчании. Тускло горела лампада. Оба собеседника; не заметили, как вошел и стал подле них человек высокого роста, с длинною черною бородою. Калокир вздрогнул при его нечаянном появлении, но он всмотрелся в него и с радостью протянул к нему руку:

— Почтенный Афанас!

"Здравия Калокиру!"

Афанас посмотрел на философа и Калокира.

"Вижу, что мой мудрый друг открыл уже тебе, юноша, тайны наши, тайну судьбы твоей",

— О Афанас!

"Или ты ужасаешься грядущего? Еще есть время, еще ты можешь отказаться... Только после сего не выйти тебе отсюда", — прибавил Афанас вполголоса.

— Нет, благодетель мой! Я предаюсь вам!

"Ты можешь назвать меня благодетелем, юноша; но, в самом деле, мои благодеяния ко-

рыстны. Честь и слава Царьграду! Вот для чего трудился я".

— Честь и величие мудрости! — воскликнул философ.

"Разумеется, — прибавил Афанас, улыбаясь. — Но я не умею говорить так, как говорит мудрый друг мой. Я воин и разговариваю мечом, убеждаю копьем, доказываю стрелами.

Калокир! еще мы равны. Будешь ты на престоле царьградском, и я первый преклоню колено мое пред тобою. Теперь еще не настало время для лести и обрядов.

Калокир! ты должен мне поклясться в том, чего потребую я за труд мой! Внимай: ты должен восстановить в полной силе все древние права синих и зеленых".

— Только? — спросил с удивлением философ.

"Другие условия до меня не касаются".

— Я обещаю тебе, почтенный Афанас, что древние права Ипподрома будут для меня священны и ненарушимы.

"Клянись! И вот та клятва, которую должен ты произнести!" — Афанас подал Калокиру медную дощечку, на которой была выреза-

на форма присяги. Калокир начал читать ее вслух, и — останавливался! Так страшна была клятва эта.

— Кажется, ты колеблешься?

"Не колеблюсь, но страшусь — не грех ли на душу клятва предметами столь священными, столь ужасная клятва! Господь запрещает клятву, и неужели недостаточно одного слова моего?"

— Я давно отвык верить словам и самим клятвам худо верю, но все-таки они повернее. Время, когда достаточно было слов: ей-ей и ни-ни — это время давно прошло! И притом, не разделяю ли я греха твоего? Горе идущему, горе ведущему! Ты должен произнести клятву; потом кровью подписать свое обещание...

"Такие ужасные обряды..."

— О житель Царьграда, о придворный императора царьградского! Неужели думаешь ты хитрить со мною? Если это пустой обряд — что за беда исполнить его? Если же ты намерен сдержать клятву — что за опасение произнести ее?

"Слово грешное губит душу так же, как и дело, — начал философ. — Мой почтенный

друг! самое отречение юного избранника нашего от клятвы не доказывает ли тебе искренность слов его? Опытный в хитростях, испытанный в лукавстве отречется ли сделать все, только бы достигнуть исполнения желаний своих?"

— Мудрый человек! Ты не знаешь мира и людей, и дел людских, ты, знающий течение светил небесных и умеющий понимать язык зверей и птиц! Если он содрогается теперь произнести несколько страшных слов, не содрогнется ли он, когда надобно будет приступить к делу и по трупам и крови идти к цели своей... И потом, когда сядет он на престол, и его окружают измена и хищения, и ковы врагов...

"Давно изрек премудрый Пильпай: два рода людей окружают престолы: хитрецы, жаждущие злата и чести, и глупцы, которых самая зависть оставляет в покое [7]. Но дело владыки воцарить с собою мудрость и ее призывать в совет, а не хитрости, и не ухищрению повелеть заседать с собою, но..."

— Да, ваш Платон какой-то, говорят, давно написал обо всем этом толстую книгу, кото-

рую никто не читает! Говорить о деле и делать — великая разница. Тебе, мудрый друг мой, предоставил я первое — беру себе другое!

"Делать? Что ты разумеешь под этим словом?"

— То, что настало время для действия и никогда не было оно благоприятнее нынешнего. Разные бедствия вдруг, как будто с неба, свалились на нас, то дождь, то жар, то землетрясение; победа, кажется, села отдыхать на берегах Эвфрата; с берегов Дуная грозят нам большие хлопоты, и главное — последние действия Никифора раздражали народ, и забавная шутка его на Ипподроме совершенно разрушила в сердцах народа все, что приобрел он несколькими годами. Как все это счастливо случилось! Трудно было бы бороться с Никифором, когда бы, по-прежнему, он въезжал победителем в Царьград. Но теперь несколько переломанных рук и ног затмили в глазах народа все его дела и победы. Ха! ха! ха! Смейся мудрец над суетою человеческою и думай о том, как от малых причин происходят великие события! Весь Царьград вопиет

теперь против Никифора: он не желает блага своему народу; он грабит его, отбирает у него даже коней и колесницы — пощадит ли имение? Он ведет безумные войны; он хочет, как Дарий, идти в Скифию и погубить там юношество царьградское. Теперь время — пользуйтесь минутою, или она пролетит, и все пропадет, и при первой победе Никифора народ опять увидит в нем Бога земного.

"Что называешь ты: пользоваться минутою?"

— Разумеется: немедленно уничтожить Никифора и весь род Македонский. Друзья наши готовы — три галеры пустятся к Царьграду по знаку моему, и в двадцати легионах воскликнут: Смерть македонцам! Завтра же не останется следа их.

"Юноша, — сказал хладнокровно философ, обращаясь к Калокиру, — помни клятву, тобою мне данную!"

— Какую клятву? — воскликнул Афанас, сдвигая вместе свои черные брови.

"Клятву в том, что Калокир не проложит пути к престолу убийством и хищением".

— Как? Что ты говоришь?

"Говорю, что Калокир поклялся мне в этом и должен исполнить то, в чем поклялся".

Афанас побледнел. Рука его невольно взялась за кинжал. "И ты согласился, Калокир?"

Калокир не знал, что отвечать...

— Говори, юноша! — вскричал Афанас.

"Да, говори, — повторил философ, — говори смело, противопоставь твердую мудрость страстям человеческим, говори, что ты не хочешь лишиться благословения Божия, принимая участие в убийстве и смерти, грабеже и бедствиях, какие изливаются на Царьград, если только с мечом убийцы ты решишься исполнить судьбы — Божественные!"

— А! я этого не знал. Следовательно, мудрый друг мой! ты приготовил какие-нибудь другие способы для исполнения наших намерений? Ведь нельзя же Калокиру нашему прийти просто во дворец Никифора и сказать ему: "Позволь мне сесть на твое место, а ты поди в темницу, потому что мне велит судьба быть владыкою царьградским". Кажется, это невозможно?

"От человека невозможно, но все возможно от Бога, если есть на то его святая воля".

— Но Бог дал человеку ум и руки, и неужели ждать чудес?

"Не богохульствуй, Афанас, или горе тебе! Или мнишь ты своею брэнною рукою совершить волю Божию?"

— Ну, не моею рукою, положим; но что же ты придумал?

"Я? Ничего я не думаю и не придумал". И философ начал обширное изъяснение о том, как слаб и ничтожен человек, как судьба разрушает его замыслы, и там восстанавливает силу, где была слабость. Он приводил в пример Ирода и Юлиана отступника, Псамметиха и Антония, и заключил любимыми изречениями Пильпая: не раскаиваются только два рода людей — не делающие зла и творящие добро; четыре предмета суть изображения пустоты и запустения: река без воды, царство без царя, жена без мужа, человек без ума; три человека должны быть осторожны: кто приступает к злему делу, кто идет на крутую гору, кто ест рыбу.

— А как называются те люди, которые рассуждают о том, чего сами не знают? — вскричал, наконец, Афанас с досадою. — Мудрый

друг мой! я уважаю тебя, но теперь не тебе действовать должно. Какая нелепая — подлинно философская мысль: связать клятвою Калокира! Ты связал ноги человека и говоришь ему: бегай! Видно, что Богом определено философу рассуждать и думать, а не мешаться в дела государственные — особливо войну.

"Разве война твое предприятие возмутить Царьград, и жизнь и спокойствие тысячей предать огню, мечу и буйству народному? Но ты ошибаешься, Афанас, ты забываешь, что наука всегда первенствовала над храбростью и силою телесною. Так некогда вся победоносная мощь римлян была бессильна перед великим Архимедом, и когда бедствия грозили императору Анастасию, кто спас его? Великий Прокл, знаменитый изъяснитель Платона. И чем спас? Силою, войском? Отнюдь! Уже давно испытал он силу огня в смешениях с другими стихиями мира; по его вымыслу, пламенеющий от солнца порошок рассыпан был на кораблях дерзкого бунтовщика Виталия, и едва лучи солнца осветили корабли — порошок вспыхнул, и небесное пламя, попа-

для корабли, доказало мудрость великого Прокла! Что начал он, то, через два века многотрудных испытаний, кончил мудрый Каллиник, и неугасимый огонь греческий начал истреблять врагов Царьграда, и составил непреоборимую ограду римской империи".

— Прекрасно! Нет ли у тебя такого порошку, который заставил бы Никифора отказаться от престола?

"Афанас! рука философа никогда не будет орудием убийства... Но ты воин, привык к словам буйным и строптивым — прощаю тебе!

Ведай однако ж, что не всегда философы бывают бессмысленны в делах. Останови свои кровавые предприятия и внимай мне: сама судьба указывает Калокиру путь, которым должен он идти. Никифор посылает его к Сфендославу, князю скифов борисфенских. Не для того отправится Калокир в сей дальний путь, чтобы удалить дикие орды Сфендослава от берегов Дануба — нет! С ними, торжественным походом пойдет он под стены Царьграда, и все падет перед ним и его неукротимым помощником. Тогда исполнится слово пророче-

ское: "Се от Севера придет князь Михаил!"

— Когда несколько ударов кинжалом могут немедленно кончить все дело, он хочет с Севера приводить защитников, и все для того, чтобы только не тайным замыслом и не хитростью достигнуть цели!..

"Да, да, ибо грядущий с ордами Сфендослава Калокир явится, как победитель, как примиритель — Царьград смиренно откроет ему врата свои, и гласы обрадованных радостно воскликнут: Осанна, благословен грядый во имя господне! — Он не придет, яко тать и убийца!"

— Стало быть, ты не знаешь Никифора, не видал его в битвах, а я видал, я знаю его! Никакие Сфендославы твои не устоят против его победительного меча...

Да, он великий, воин, он храбрый государь... О! для чего не хочет он быть государем "синих" и "зеленых"... Стал бы я тогда искать ему преемников — ему, грозе врагов!..

Афанас сел и с горестью закрыл глаза рукою.

"Нет, Афанас! В войне, которую предпринимает Никифор против скифов, не будет ему

успеха. Ты не ведаешь, что, по древним преданиям, быстроногий Ахилл, гибель Илиона, был природный скиф. Там царствовали его предки, в городе Мирмикионе, близ Меотийских болот в Скифии; там доныне сохраняется Ипподром Ахиллесов; оттуда перешел Ахиллес в Фессалию. Спроси у Калокира о Сфендославе, этом неукротимом потомке Ахиллесовом... Его вид, его сила, его плащ, застегнутый пряжкой, его голубые глаза, его привычка биться пешему, его безумная отвага — все говорит о силе и мужестве того, кому Атрид сказал, по словам Омира: Тебе приятны только брани, раздоры и междоусобия! Народ скифский бесчислен, и живет он от берегов ледяной Фуле до Понта Эвксинского. И не о них ли говорит, не об этих ли населенцах отдаленных земель и островов скифских глаголет пророк Иезекииль: Се аз навожу на тя Гога и Магога, князя Росса?

— Ты забыл, кажется, как эти Гоги и Магоги бегали от стен Царьграда...

"Было время, настало другое — великое готовится, великое сбудется!"

— Но неужели не видишь ты, муж мудрый,

противоречия собственных слов твоих? Ты не хочешь решить дела запросто, не ходя в чужие люди, только отправив на тот свет несколько человек нашими собственными руками, а хочешь призывать варваров, и их мечом думаешь возводить на престол Калокира, предав честь и победу римлян бесславию, предав области царьградские огню и свирепости варваров...

"Но судьба ясно глаголет..."

— Я судьба, и вот что решит тебе все дело! — Афанас ударил рукою по своему мечу.

"О, сильный муж! горе тебе, гордящемуся силою — горе тебе, возносящемуся гордынею!"

Три удара в ладони послышались у дверей; двери растворились, и Порфирий, тайный начальник "синих", вошел в комнату.

— Афанас! все готово, — сказал он. — Друзья наши ждут только условленного знака; по извещению моему, стражу вукалеонскую сменят наши добрые приверженцы, и тысячи голосов завтра же, может быть, провозгласят: "Да здравствует Иоанн Калокир! Да здравствуют "синие" и "зеленые"!" А, я вижу здесь и

приветствую тебя, благородный Калокир! Будь здоров — будь благополучен и — будь победитель!

"Я не понимаю слов твоих, Порфирий, — сказал Афанас, — что говоришь ты о смене стражи вукалеонской?"

— Разве я еще не известил тебя о новом, знаменитом союзнике, которого приобрели мы для нашего дела?

"Каком знаменитом союзнике?"

— Иоанне Цимисхии. Он горячо взялся за наше предприятие.

"И ты все открыл ему?"

— Не только открыл — я даже привел его сюда — он дожидается тебя здесь...

"Он знает и то, что Калокиру назначаем мы престол царьградский?"

— Только этого он не знает.

"Хорошо, но... Мог ли я ожидать, Порфирий, чтобы в твои преклонные лета ты был столь безрассуден... Да и какое право имел ты открывать Цимисхию нашу тайну?"

— Право равного тебе начальника наших друзей, Афанас, — отвечал гордо Порфирий.

Афанас вспыхнул гневом, но смолчал.

"Право равного тебе начальника "синих", как ты начальник "зеленых", — продолжал Порфирий.

Философ горестно склонил голову свою на руку и сохранял молчание.

— Мы после разберем права наши, Порфирий, — сказал Афанас. — Но как мог ты довериться этому гордому, этому хитрому царедворцу!

"Скажи лучше, этому сильному, великому полководцу, этому герою, которого завистливый Никифор лишил власти и теперь хочет обольстить пустою почестью дворскою — этому благородному человеку, который одушевлен жаром негодования против похитителя..."

— Несчастный! Но принадлежит ли Цимисхий к "синим" или "зеленым"? Связан ли он нашими клятвами?

"Нет! не принадлежит, потому, что он достоин быть главою тех и других; не связан, потому, что его слово драгоценнее клятв другого. Его многочисленные друзья..."

— Да что нам в его многочисленных друзьях! Кто смеет быть выше меня... и тебя, —

прибавил поспешно Афанас, — в деле, которое готовили мы столько лет, над людьми, которые из рода в род признавали начальниками деда, отца моего, меня...

"Ты все забываешь прибавлять — и деда, отца Порфириева и Порфирия, — прибавил Порфирий, — это напоминал я тебе уже много раз".

— Да!.. Но еще ничто не испорчено. Где находится теперь Цимисхий?

"Он ждет тебя и меня в зале подземелья на восток. Что ты хочешь предпринять, Афанас?"

— Ничего — в минуту опасности дорога каждая минута — я хочу... обласкать, поблагодарить Цимисхия... за его милость, снисхождение, за его усердие к нашему делу... Пойдем!..

Афанас и Порфирий вышли поспешно. Философ как будто пробудился от усыпления после ухода их.

— О горе, — воскликнул он, — горе тебе, Царьград, Вавилон великий! Предвижу гибель твою, предвижу падение твое, и наступит неизбежное время, когда глас раздастся во услышание всей земли: "Паде, паде Вави-

лон великий, паде, яко от вина любодееяния напоил все языки земные! Будет место твое жилище бесам и хранитель духам нечистым, и виталище птицам плотоядным! Горе тебе, град великий, яко мудрых твоих изгоняешь и безумным воздаешь председательство! Возрыдают и восплачут цари земные, зря огонь пожара твоего, до небес восходящий, и дым запаления твоего, до облаков возносящийся!" Издалече стоя, за страх мучения, воскликнут народы, недоумеая: "Град великий, град славный! како в единый час совершился суд твой?" И купцы земные возрыдают, яко никто же оттоле купует товара их, злата и сребра, камения драгого и бисера, и виссона и порфиры, и шелка, и червени, и всякого древа фиинна, и сосуда из кости слоновья, и сосуда от древа честного, и медяна, и железна, и мраморна, корицы и фимиама, мира и ливана, вина и елея, семидала и пшеницы, скота и овец, коней и колесниц, телес и душ человеческих! Отыдут от тебя тучная и светлая, ими же купцы обогащались, и возглаголют о тебе купующие: "Горе тебе, град великий, облеченный виссоном и порфирую!" И кормчий, изда-

лече взирая с корабля своего, возопит: "Кто был подобен тебе, град великий!.."

Слезы текли из глаз старца. Он обратился к Калокиру, утер слезы и сказал: "Юноша! не дожидайся возврата их более. Видишь ли — гордыня обладает ими, и ненависть гнездится в собственных сердцах их, и они ли будут твои поборники? Измена и убийство царствуют в сем подземном жилище, где мудрость думала укрощать сердца безумных. Беги, юноша, укройся — жди извещения моего, верь своему назначению великому и блюдись, да не впадешь в напасть!"

Он хлопнул руками. Потайная дверь открылась; явился черный невольник.

— Вот проводник твой. Следуй за ним с верою, но прежде обними меня, моя надежда, мое упование!

"Отец мой!"

— Блюдись, жди часа, очищай сердце и душу и помни, что я над тобою буду назидать неусыпно!

Смущенный Калокир безмолвно повиновался, и когда ушел он, долго, в молчании, ходил и размышлял философ.

— О великий Симпликий! — воскликнул он, — прав ты, правы благие и мудрые наставления твои! "Если муж доблестный и добродетельный находится в стране, зараженной пороками, он не примет участия в делах общественных, ибо он не согласится с действующими в сих делах: или правила их ужаснут его, или, исполняя волю их, он должен будет отказаться от правды и совести. Тщетно старание исправить безумствующих мудрыми советами, и, по примеру Эпикура, любомудрый должен будет добровольно изгнать себя из отчизны, как Эпиктет бежал из Рима, во времена Диоклитиановы. Но если останется мудрый в стране порока, он затворит себя от всех, он укроет в уединении свою мудрость и добродетель".

— Но не ты ли, великий Симпликий, сказал также: "И будет он стражем времени благоприятного, когда другу мудрости должно явиться другом людей ему подобных и всех ближних. Что потребнее им советов мудрости, укрепления в скорбях и разделения опасностей? Крепкий в буре, он станет кормчим недреманным. Тогда дело мудрости и муже-

ства, ибо робеющие доказывают, что они достойны разврата своих ближних, а те, которые в грозных событиях видят испытание своего мужества, уподобляются борцам в играх Ипподрома, умножающим свое мужество по мере силы противника, благодарящим провидение за то, что им представился случай явить силу свою. И не гибнущие венки, но бессмертное торжество мудрости и добродетели ожидает их!.."

Симпликий, казалось, завлек философа далее. Он забыл свою горесть, развернул огромную книгу "Περὶ φύσεως ἀνθρώπου", и с жаром начал читать, ходить, рассуждать.

— Если справедливо, — говорил он сам с собою, — если справедливо твое предположение, всеиспытующий Немезий, предположение о совершенствовании человека, то загадка человека и тайна его истории разрешается. Да, здесь чистый вывод глубокого любомудрия: душа обитает в теле ὡς ἐν ρῆσει καὶ τῷ παρῆτι, присутствием духа своего, или как любовь в сердце любовника, и посему она ни телесна, ни местна — ἐν οἴσει существует она — да, да, разделяясь притом на воображе-

ние, разумение, память — τὸ ἐκστατικὸν, διαβολτικὸν, μὴ μὲν οὐνοῦ. Во всей природе существует постепенность степеней усовершенствования. Бездушное составляет первую степень, и затем следует одно за другим, оживленное, от червя до человека, среднего между смертным и бессмертным. Тело его составлено из четырех стихий, и он есть смертное разумное, совершенствуемое жизнью, готовимое к бессмертию. Он постигает добро, отвергает зло — совесть поставлена в нем, как судия, воля, как решитель дел его. Все другое, в отношении к другому, создано для самого себя; все другое в отношении к человеку создано для человека — он царь земли! Высоко чело его — богато сердце его добротою! Если рассмотрим только, до какой уже степени совершенства достиг он, то убедимся в высоком назначении человека...

В это время какой-то удушаемый страданиями стон достиг до ушей мечтателя о высокой природе и совершенствовании человека. Творение всеиспытующего Немезия выпало из рук его — он прислушивался, и снова еще сильнее раздался стон, походивший на хрипе-

ние умирающего. Смущенный, с предчувствием чего-то страшного, поспешил философ в ближнюю комнату, и едва отворил он двери и свет лампадки его осветил комнату — ужасное зрелище поразило его...

Здесь надобно нам обратиться немного назад, к тому времени, когда Афанас и Порфирий расстались с философом и пошли на свидание с Цимисхием.

— Мой добрый, почтенный гость, — сказал Афанас, встречая Цимисхия, сколько можно было ласковее встретить, при вечно угрюмом лице Афанасовом, — будь здоров! Да благословит тебя Бог под смиренным кровом моим!

"Старый товарищ ратного поля! — отвечал Цимисхий, пожимая руку Афанаса. — Приношу усердное желание добра дому твоему и тебе!"

— Ты не забыл меня, почтенный domestик.

"Могу ль забыть того, с кем соединяет меня теперь одинакое желание мщенья нашему оскорбителю!"

— Благодарю друга моего Порфирия, что он умел найти путь к сердцу твоему. Но, войдем, почтенный domestик, в эту комнату...

И они вступили в небольшую комнату, великолепно убранную. Небольшой стол находился посредине ее. Несколько свеч горело на столе, и ярко отражался свет их на мраморных стенах комнаты. Афанас придвинул три небольших седалища к столу. Цимисхий занял одно; с двух других сторон поместились Афанас и Порфирий.

— Ты находишься теперь в том месте, почтенный domestик, где столь много и столь долго обдумывал я план нашего предприятия, в котором угодно тебе взять участие. Надобно ли говорить тебе, что благородная и великая мысль — отмстить за унижение того, что некогда составляло честь Царьграда, с чем таинственно соединена судьба его — что только эта великая мысль одушевляла меня? Последнее безрассудное покушение Никифора довершило нашу решимость...

"Прибавь одно ж, почтенный Афанас, и то личное оскорбление, какое нанес тебе сей самовластный повелитель близ стен Тарсийских..."

— Да, я не забыл и этого...

"Меня, почтенный Афанас, побуждает

также не одно личное мщение, но честь, поруганная честь знаменитых людей и благоденствие моих соотечественников. Чрезмерные подати, какими обременил Никифор народ, совершая безрассудные войны в Сицилии и в Аравии; жадная скупость его и корыстолюбие брата его, этого ненавистного Льва Куропалата... Но что говорить! Спроси, остался ли кто-нибудь в Царьграде доволен правлением Никифора и даже его победами, бесплодными и безрассудными? Самое небо не показывает ли нам ниспосылаемыми от него казнями и бедствиями, что нет благословения на государствовании нашего тирана."

Цимисхий явился здесь с тем же открытым, оживленным лицом, какое всегда удивляло других своею благородною красотою и доблестью. Но теперь он был еще необыкновенно любезен, свободен, откровенен и не щадил дара красноречия, которым щедро наградила его природа. Казалось, что самая угрюмость Афанаса рассеивалась от его оживленных взоров, от его живых речей. Дружеский, откровенный разговор был начат и продолжается с жаром.

— Может быть, вам, мои почтенные друзья, не вполне известны подробности того оскорбления, какое нанес мне презорливый этот Никифор, — говорил Цимисхий. — Я расскажу вам кратко все сокровенные подробности. Вы помните то время, когда еще безумный Роман владел Царьградом, и Никифор — для чего не сознаться? — стоял на великой почести первого римского полководца. Тогда уже преступные замыслы таились в душе его, и ненависть гнездилась в его сердце против каждого, кто дерзал равняться с ним мужеством и милостью императора.

"Здесь позволь мне дополнить, чего не скажет нам скромность твоя, почтенный домestik. Никто не равнялся тогда храбростью и величием с Никифором, кроме Иоанна Цимисхия".

— Ты приписываешь мне излишнее, почтенный Афанас. Правда, я не щадил жизни в боях, но я не думал ни о честях, ни о славе. Мой веселый нрав увлекал меня к забавам и роскоши — вино, красавицы, застольная песня, право, были мне дороже всякого звания доместиков и логофетов...

"Правда, — сказал Порфирий, усмехаясь, — и говорили даже, что Иоанн Цимисхий был удостоен ласкового взора самой супруги Романовой, и я помню, как Ипподром дрожал от кликов народа, когда Цимисхий опережал в своей колеснице всех других соперников..."

— Ласковый взор Феофании — это суцая клевета, почтенный Порфирий, и именно эта клевета заставила меня удалиться от Двора и искать рассеяния в ратном шуме. Но там встретила меня ядовитая зависть Никифора, вечно угрюмого, вечно мрачного, всегдашнего завистника даже самому себе, скупого до того, что он готов, подобно Плавтову Скупому, кричать: грабят! — видя, что дым идет из трубы его дома, готов скоблить золото с пилюль, предписанных ему медиком. Не достоинства мои, но то, что у меня собирались воины, у меня весело гремел пир в лагерной ставке моей, и не было счета друзьям моим — вот что всего более оскорбляло Никифора. Он ходил по таборам, как нищий, ханжил, молился, вздыхал — его слушались и — презирали, уважали и — не любили. Огонь и вода — вот что

были мы, я и он, — и могли ль мы ужиться в одной берлоге?

"Ты скрываешь свои знаменитые подвиги".

— Положим, что так; но когда под стенами Тарса мы получили известие о смерти Романа, узнали, что Никифору препоручил он, умирая, управлять войском, а любимцу своему Иосифу Постельничему государством — боюсь, ни малейшей зависти не возродилось в моем сердце. Я повиновался, не спорил, когда Никифор поехал в Царьград и передал власть над войском брату своему Льву. Разгульная жизнь, охота, битвы занимали меня. Не буду говорить о ссоре Иосифа с Никифором — вы знаете все это, знаете, что когда голос патриарха, вельмож, императрицы оправдал Никифора, он с торжеством приехал опять к войску — я щитом моим заслонил его от убийцы, который был подослан и готов был поразить его. Что же оказалось следствием? Никифор бесстыдно обвинил меня в умысле, будто бы я затеял ту примерную битву, где был поражен копьем единственный сын его, юный Вард, — я, когда три дня не осу-

шал я слез о несчастной кончине этого прекрасного юноши, когда в то же время сердце мое было растерзано скорбью о потере супруги моей...

Цимисхий казался растроганным. Он помолчал с минуту и продолжал спокойнее: "Но что о прошедшем — обращаюсь к ненавистному Никифору. Покорностью отвечал я на все упреки и угрозы его, и вскоре письмо от Иосифа передало мне в руки судьбу его. Иосиф предлагал мне престол и руку Феофании, если я приму начальство над многочисленными врагами Никифора и передам Никифора в его руки — гибель соперника зависела от одного моего слова...

Помню, как теперь, когда ночью отправился я немедленно к нему. Он был нездоров, лежал на одре своем и едва увидел меня вошедшего, как схватил кинжал и готов был поразить меня... человек бессовестный! "Ты спишь, — сказал я ему, — спишь крепче Эндимиона, а смерть и измена скитаются окрест тебя. Подлый царедворец преклонил уже на сторону свою многих, и славный вождь римлян должен пасть по слову ничтожного стра-

жа гинекеев". Я вынул письмо Иосифа и отдал Никифору. Он прочитал, побледнел — стыд и совесть терзали его... "Говори, муж великодушный, что должны мы делать?" — воскликнул он. "Ты спрашиваешь меня, — отвечал я, — и не знаешь сам! Вели немедленно схватить заговорщиков, а завтра я первый воскликну: "Да здравствует император Никифор!" Малодушный — робко, нерешительно колебался он. Я оставил его шатер; через час все заговорщики были уже в кандалах по моему повелению, и едва солнце осветило табор, воины, под начальством моим, окружили ставку Никифора, и клики их гремели от одного конца табора до другого — "Многия лета императору Никифору". Мне отвратительно вспомнить о тогдашнем его притворстве, о том, как отговаривался, робел он, о том, как плакал он даже, умоляя избавить его от тяжести венца — сердце мое отворотилось от лицемера — теперь он привык, кажется, к этой тяжести... Посмотрели бы вы, как хорошо играет он роль великого повелителя на своем золотокованном троне... И мне, мне, своему спасителю, тому, кто мог схватить скипетр,

вместе с его головою, заплатил он потом изгнанием, удалением... И меня теперь призвал он перед трон свой еще для большего позора, как бедного раба — мне, при всем Дворе, осмелился говорить, что прощает меня из милости и великодушия, по просьбе своей прекрасной супруги — его супруги!.. Подал ли я повод к такому оскорблению хоть единою жалобою, хоть малым ропотом на его несправедливость?.. О, это нестерпимо!"

— Верю твоему негодованию и гневу, почтенный Иоанн, и — важный вопрос предстоит теперь решению нашему. Скажи: кому престол царьградский, когда будет низвергнут Никифор?

"Почтенный Афанас! пусть тогда решает голос народа, патриарха, ваш голос, синих и зеленых... Разумеется, что малолетние дети Романа и мать их не могут править государством..."

— Кого же ты думаешь изберет голос отечества?

"Я... я не знаю, почтенный Афанас..."

— Не потребно ли быть властителем тому, кто был всегда равен мужеством Никифору,

но превосходил его доблестью, великодушием, щедростью...

"Решение трудно".

— Нет, не трудно, когда есть человек, который мог взять скипетр сам и отдал его Никифору: ему достоин быть владыкою Царьграда!

"Я не понимаю тебя, почтенный Афанас?"

И Порфирий с изумлением смотрел на Афанаса.

— Ты поймешь, когда я назову перед тобою будущего императора царьградского, когда я первый придам к имени его титул властителя Царьграда. Его зовут: Иоанн Цимисхий! — воскликнул Афанас, вставая с места и поднимая руку.

Это восклицание, казалось, не произвело никакого действия над Порфирием и над Цимисхием. Порфирий мрачно потупил глаза, а Цимисхий невнимательно облокотился на стол и молчал.

— Что же молчишь ты, Порфирий?

"Я думал о том, что голос мой тогда только присоединится к голосу твоему, когда Иоанн подтвердит все наши права, согласится на все наши условия".

— Только тогда, говоришь ты? Но великодушие и доблесть Иоанна ручаются нам за все, без договоров. И ты молчишь, Иоанн?

"Молчу, и признаться ли? Никогда не желал бы я повелевать царством — чувствую, что я не рожден к тому — не мне соображать дела государственные, привыкшему к лени и роскоши — меня увлечет первый коварный советник, меня обольстит первая красавица..."

— О! — воскликнул Афанас, — уже одна скромность твоя достойна венца императорского! Иоанн, Порфирий! укрепим союз наш дружескою чашею.

Он встал и тронул подножие одного столба. Раздался звонок. Пока стоял Афанас отворачаясь, а Порфирий сидел задумчиво, быстро пробежали взоры Цимисхия по всей комнате; но он не переменял своего положения и сидел по-прежнему беспечно, облокотясь на стол.

Вошел черный невольник. "Вина, лучшего хиоского вина, — сказал ему Афанас, — три чаши, и одну из них с яхонтом!"

Невольник вышел. Цимисхий улыбнулся.

"Вот доказательство тебе, почтенный Афанас, какой плохой император буду я. Знаешь ли, что пришло мне в голову теперь, когда среди важных разговоров наших ты велел принести вина?"

— Не то ли, что по слову святого Писания: вино веселит сердце человека, и уже одна мысль об нем заставляет улыбаться?

"Нет! мне пришла в голову огромная книга, которую покойник-дедушка наших императоров велел составить премудрому Кассиану Схоластику...".

— Я не охотник до книг и худо понимаю книжные вздоры.

"И я также, но от скуки иногда перебираю бредни наших мудрецов, и "Гεωλοικα" премудрого Кассиана Схоластика заставляла меня не однажды смеяться. Чего не найдешь в ней! Искусство разводить голубей, птиц, рыб, садить виноград, делать масло, вино. И премудрые наставления Кассиана суть доказательства, как полезно учение. Ты не читал его книги, почтенный Афанас, и верно не знаешь, например, тайны, как можно пить и не быть пьяну?"

— Меньше пить, думаю.

"Что ж это за искусство! Нет — пей, сколько хочешь, и никогда не будешь пьян при наставлении Кассиана".

— Нельзя ли научить меня такой драгоценной тайне? — сказал Афанас, улыбаясь.

"Безделица! Стоит только, принявшись за первую чашу, произнести 170-й стих из VIII книги "Илиады":

Трижды Зевес загремел с высоты Олимпа!"

Все засмеялись.

Невольник вошел с подносом, на котором стояли большие три золотые чаши. На крышке одной из них стоял дорогой яхонт. Невольник поставил поднос на стол и удалился.

"Успеха нашему делу! — сказал Афанас и взялся за одну чашу. — Почтенный домостик! чаша с яхонтом тебе, моему доброму гостю, и... Но кто знает будущее! — Глаза его сверкнули на Порфирия. — Старый товарищ! бери свою чашу, вот эту".

Порфирий протянул руку к чаше. Цимисхий любовался яхонтом на крышке чаши, ему

назначенной.

— Аминь! — воскликнул Афанас, осушив половину чаши своей. — Что ж не пьешь ты, дорогой гость? — спрашивал он, видя, что Цимисхий обоняет и рассматривает вино.

"Благородное вино! Люблю услаждать не один вкус, но обоняние и зрение. Вот почему предпочитаю я хрустальные кубки золотым; в них вино является в полной красе своей, услада зрения, обоняния и вкуса..."

— Буду знать это вперед, — отвечал Афанас. — Неужели в последний раз разделяем мы с тобою нашу дружескую чашу? Услади же теперь хотя только вкус свой, Пей, почтенный доместик, и желай успеха нашему делу, дорогой гость мой! — повторил он. Голос его выражал что-то нерадостное. Он поспешно залил его вином, оставшимся в чаше, и...

Как молния, сверкнул в это время кинжал в руке Цимисхия. Афанас не успел поставить чаши на стол... кинжал был уже до рукоятки в сердце его; чаша выпала из рук Афанаса; он упал на пол без дыхания.

— Чудовище, изменник! — воскликнул Порфирий, и кинжал его устремился быстро

на Цимисхия. Удар был жестокий, но острие скользнуло по крепким латам, которые были надеты под платьем Иоанна. Порфирий пошатнулся с размаха, и в хребет его вонзился кинжал Цимисхия; с страшным стоном повалился Порфирий на свое седалище.

— Господи Иисусе Христе, сыне Божий! помилуй нас! — сказал Цимисхий, крестясь. Хладнокровно вложил он кинжал свой в ножны и приложил руку к трупу Афанаса. — Умер — кончено!

"Злодей, чудовище, змея, которую согрел я в пазухе моей", — стонал Порфирий.

Цимисхий сложил руки на груди и стоял в задумчивости. "Тебя не хотел я убить, — сказал он Порфирию. — Бедный старик! тебя погубила судьба твоя; ты не был подобен этому хитрому чудовищу, который готовил трон себе, готовил смерть мне, тебе, погибель всем "синим", заклятый ненавистник добра и чести!"

— Ты клеветешь на моего друга. Двадцать лет дружбы соединяли нас в одинаковом намерении, и за что погубил ты его, человек без чести и совести?

"Еще одна минута, и я погиб бы. Посмотри: это вино отравлено! — Цимисхий указал на свою чашу. — Тебя не хотел я убить. Зачем напал ты на меня, отмщая за злодея, мнимого друга своего?"

— Остановись! Если он обманывал меня, то не говори, не договаривай. Дай мне умереть со сладкою верою в дружбу моего Афанаса... О... какое страдание! — Чудовище! ты изменою вкрался в мою доверенность — Афанас предчувствовал... Пусть Бог рассудит нас с тобою...

"Да! пусть он рассудит, и — кто оправдается пред Тобою, аще беззакония назриши, Господи! кто постоит пред лицом Твоим!"

Набожно подымая руки и глаза к небу, проговорил сии слова Цимисхий. "Но время помыслить о живых!" — повторил он поспешно. Порфирий свалился в это время на пол и задыхался в потоках крови, Цимисхий хладнокровно осмотрел труп Афанаса, снял у него ключи с пояса, перстень с руки, потушил все свечи, кроме одной, которую унес с собою, и поспешно оставил он ужасное позорище смерти; вдалеке замолк шорох шагов его.

Когда философ вышел из своего убежища, он увидел несчастного Порфирия: едва собрал страдалец столько сил, чтобы влачась по полу, впотьмах, дотащиться до ближайшей к философу комнаты. Здесь стенание его обратило внимание философа.

С ужасом отступил философ.

— Что вижу я! — воскликнул он.

"Жертву легковерия человеческого".

— О, зрелище ужасное! Тебе надобно пособить... Что с тобою сделалось? Помогите...

"Излишняя забота. Стань ко мне, сюда, ближе — меня не спасет теперь помощь человеческая, но выслушай исповедь грешника — прочти надо мною отходную молитву... Мои часы изочтены..."

— Но кто убийца твой?

"Цимисхий".

— Цимисхий! Но Афанас?

"Его нет уже на свете. Там увидишь ты труп его..." И остатки седых, пожелтелых волос стали дыбом на голове старика.

"Спаси товарищей наших, спаси Калокира, почтенный старец. Цимисхий сведал от меня все тайны нашего предприятия. По его хлад-

нокровной решительности на ужасное злодейство вижу, что он ко всему готовился... Скажи им... Ох! я задыхаюсь... Боже великий! еще несколько мгновений... Друг мой, почтенный друг мой! ужасна смерть неожиданная, смерть во тьме греха, без покаяния... Мщение злодею... Нет, нет! Боже! прости мое согрешение — отпусти мне, как я отпускаю ему..."

Он упал без чувств и казался умершим. В изумлении, будто неподвижная статуя, стоял над ним философ.

Но еще отдохнул Порфирий, еще раз приподнялся на леденеющие руки. "Вот перстенек, — сказал он, — покажи его, и тебе поверят все мои товарищи... Пусть изберут они..."

Судороги стянули в последний раз лицо его; кровь обильно хлынула из раны, и философ начал читать отходную молитву. Тело Порфирия окостенело.

— Умер? — спросил старик самого себя, вглядываясь в выкатившиеся глаза мертвеца. — Умер! — Как? Эти два человека, за несколько мгновений столь сильные, столь мощные — Афанас, Порфирий — готовые зав-

тра ниспровергнуть во прах престол императора царьградского — глыба бездушной земли, гордость гнилого тления? Афанас, который вот здесь, за час до сего времени, гордо говорил мне: "Я судьба! Мой меч решит жребий Константинова престола..." Боже! что же есть человек, егда помниши его, или сын человек, егда посещавши его... Помолимся о душах их, вознесем грешную молитву к Богу живых, а не мертвых, сеющему в тление, да возрастет в нетление...

И благовейно преклонил старец колена и тихо молился над трупом гордого вельможи, сильного царедворца, грозного заговорщика.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

В вечной борьбе, которую жизнь естественная должна вдерживать против жизни неестественной, в битве, между умеренностью и излишеством, являются опасные мгновения, и тогда-то настает время показать нашу добродетель, нашу доблесть.

Симплиций Киликийский, "Epictetas philosophias monumenta"

КНИГА IV

Не внимай злой жене, мед бо каплет от устен ея, еже на время наслаждает твою гортань, последи же горчае желчи обрящеши, и изошрену паче меча обоюду остра... Оконцем из дома своего на пути приничуци, его же узрит от безумных чад юношу скудоумна, емши лобзает его, бесстыдным же лицем речет к нему: "Жертва мирна ми есть, днесь воздаю обеты моя — сего ради изыдох во сретение тебе... Простиралами покрых одр мой, коврами же сугубыми постлал, иже от Египта; шафраном посыпах ложе мое,

*и дом мой корицею. Прийди и насла-
димся любви, даже до утра..."*

Притчи Соломона, V, 3, VII, 6

Женщина в древнем мире не была тем, чем она в мире новом. Прекрасная статуя под властью мужчины — так определял греческую женщину один неучтивый греческий философ. А что говорил о женщинах премудрый Платон? Боюсь повторить. Странная участь — быть предметом любви, обожания, песен поэтов, и в то же время быть лишленною всех прав, всех преимуществ мужчины; оставаться запертою в особом отделении дома; никогда не появляться в народе; не участвовать даже в общественном молении. Вы смотрите на изящные произведения ваяния и живописи греков и римлян, на их статуи и картины, изображающие Киприд и Психей, но знаете ли вы, чьи изображения видите вы в знаменитых Нинон Ланкло Греции — Лаис, Фрин, Таис, Аспазий, Ласфений. Гречанки жили невидимые в домах своих; никогда дерзкий взор художника не устремлялся на благородную, скромную гречанку, мать се-

мейства или дочь честного гражданина. Воспитанная в гинекее под властью матери, она тихонько переходила в гинекей мужа и воспитывала дочерей своих, приготавливая в них рабынь или невольниц будущим мужьям. Отец решал участь детей; не спрашивали ни согласия дочери, ни воли матери.

И этого мало. Почитая жен необходимою для оставления после себя потомства, грек и римлянин скучал дома, в обществе жены и дочерей, и жил на площади, в театре, в цирке на поле битвы. Домашней жизни у них не было — исключения, и мещан афинских и римских, в сторону. Пригласив друзей на великолепный пир, празднуя с ними, звеня чашами и фиалами, хозяин приглашал к себе и женщин, для большей прелести беседы и разгуля: это были прелестницы, танцовщицы, плясуньи, певицы афинские, римские. Шум такого пира не мог достигнуть до отдаленного гинекея, где укрывалась жена хозяина, где находились его дочери. "Я отдаю другим мимолетное, внешнее наслаждение, но тебе принадлежит мое сердце и моя душа", — говорил муж жене.

Не знаю, довольны ли были жены греков и римлян таким разделением духовного и телесного. Но знаете ли, чего недоставало в мире древних? Любви. Да, любви не знали они; им была известна одна чувственная, грубая сторона ее. Иногда воображение поэтов искало отдыха после шумных оргий, изобретая Аркадии, населяя их женскими существами, милыми, у которых любовь составляла всю жизнь, поцелуй был наградою за пожертвование жизнью, но существование Греции не походила на Аркадию. Она была населена только статуями женщин, которые под именами Венеры, Дианы, Флоры, Юноны украшали сады, портики, дома, храмы греков; но истинной женщины не было в Греции. Грозное, дикое впадение нового мира, хлынувшее из Германии и образовавшее потом рыцарство, возвратило женщинам права, природою им предназначенные, согрело мир любовью, сделало из женщины человека — более, что-то более, нежели человека — Даму, с именем которой рыцарь соединял какую-то благочестивую идею, восклицая: "Бог и Дама моя!" Тогда создались не бездушные аркадские пастушки,

которые беспрестанно целуются, вздыхают, влюбляются на изумрудном лужку, изменяют в тенистой рощице, умирают после монолога в стихах — нет! — создались высокие идеалы любви счастливой и несчастной и всегда бессмертно, неугасимо горящей в душах, переносимой за пределы гроба, любви, которой мало самой вечности... Женщина, решительница битв турнира, женщина, с именем которой соединяется вдохновение поэта, имя которой произносит воин, идя в опасности битвы. Как бедна после того жизнь и поэзия греков, как жалка и груба вакхическая любовь в их поэзии, как глупы и ничтожны Омировы Елены и Виргилиевы Лавинии подле созданий поэзии, появившейся с тех пор, когда женщина появилась в мире в своем полном достоинстве человека!

Впрочем, говоря слогом людей деловых — поелику издавна велись в Греции и Риме заведенные обычаи, то женщины привыкли к ним. Мусульманка умрет, но не снимет покрывала с лица своего; греческая женщина ни за что не захотела бы подвергнуться открытой жизни — являться в обществе между

мужчинами, танцевать, петь, говорить, как наши дамы: она обесславилась бы себя. Такая жизнь была предоставлена только прелестницам греческим и римским. Тысячи, десятки тысяч прелестниц всякого рода населяли знатнейшие города Греции и Рима. Гораздо прежде времен Августа, богачи греческие и римские не щадили ни денег, ни времени для этих бесславных и обожаемых всеми созданий. Великолепные дома и сады, веселые пиры, роскошь в уборах, кокетство и разврат — все было у них, окружало их, все было истощено ими, и к туалету их, на пиры и веселья их являлись знатнейшие вельможи, избранное юношество, поэты, философы, ораторы. В будуаре Лаисы и Аспазии вы могли встретить Сократа и Диогена, Перикла и Аристофана, Исократу и Никию.

Это вело за собою следствия самые несчастные. Дошло до того, что молодой щеголь римский, женатый и неженатый, не был щеголем настоящим, если не было у него на содержании какой-нибудь красавицы и если он не проматывался на эту красавицу. Такие женщины вмешивались в дела государствен-

ные, и при развращении нравов, примерах Юлий, Мессалин и Агриппин, такие женщины решали все дела, нередко восседали на тронах императоров. Законное супружество упало в общем мнении — страшились связывать себя женою, и не стыдясь говорили в римском Сенате: "Римляне! надобно однако жениться — нечего делать! Как ни тягостно наложить на себя цепи супружества, но необходимость иметь законных детей связывает нас и заставляет жениться!"

И все это перешло в Царьград и еще более обезобразилось в Царьграде, потому что и в Риме в последнее время жены получили более свободы, и — если только вполонину поверите вы Лукиану и Ювеналу — довольно — вы не захотите жениться на римлянке. Прелестницы царьградские перемешались, наконец, с честными женщинами до такой степени, что трудно было различать их и различать детей, рожденных от жены и от наложницы. Законы оставались строгие, как во времена первобытного Рима, оставались и цензоры; но — что такое законы, если их не исполняют? Паутина, как говаривали во времена

Солона: маленькая мушка в ней путается и вязнет, а большая муха разрывает ее и улетает свободно. А цензоры? Чиновники, получающие жалованье и делающие, что им велят делать. Страннее всего было, что при свободе, даже излишней, старинное устройство женских отделений, или гинекеев, оставалось прежнее, и приличия общественной жизни оставались прежние. Даже допустив женщин ходить в церкви для моления, их отгораживали в особом отделении, и мужчина не мог войти в это отделение. Смешивая всякие обычаи Греции и Рима, Скифии и Востока, знатные люди завели у себя евнухов; а между тем за половину наследств производились тяжбы, потому что родственники беспрестанно доказывали незаконность рождения детей; а между тем — половина императриц царьградских были возводимы на престол Константина из танцовщиц, певиц, фиглярок, прелестниц, которые обесславили бы собою гинекей самого простого гражданина!

Гинекеи царьградские отличались особенным великолепием, как будто в вознаграждение женщин за скуку их отделения. Это были

клетки, но золотые клетки. Роскошь истощала в них все способы наслаждения — зрение, слух, вкус, обоняние услаждаемы были золотом, мрамором, драгоценными камнями в уборах, благовонными курениями, редкими, пахучими растениями и цветами, плодами и яствами, прельщавшими самую утонченную гастрономию гречанок; толпа невольниц окружала повелительницу гинекея, пела вокруг нее, и муж плясал под ее дудку, едва только вступал в святилище гинекея.

Можете вообразить после сего: каков был гинекей императрицы царьградской в чертогах Влахерны и Вукалеона! Говорили, что сама роскошная Феодора, супруга Юстинианова, не превосходила в роскоши и великолепии Феофанию, супругу великолепного до безумия Романа, вышедшую по смерти его за Никифора. Это был отдельный, обширный дворец, соединявшийся с главным дворцом бесконечными переходами. Золото, мрамор, порфир... Но я боюсь наскучить своими описаниями...

Через неделю после происшествия в доме

Афанаса, которое мы рассказали читателям, бурный осенний день отяготел над Царьградом. Понт Эвксинский стенал, как раненый лев; волны его свирепо хлестали о берега, небо занавесилось тучами и облаками; то шумел порывистый дождь, то снег, явление редкое на берегах Босфора, падал из облаков и крутился в вихрях; не один корабль погиб в этот день, уже в виду Царьграда, уже совершив путь из какой-нибудь отдаленной Туле, от берегов Африки, или перерезав быстрым бегом своим все протяжение моря Средиземного.

Но буря, волнение природы, бунт стихий страшны только тому, кто блуждает в это время по волнам моря или бредет беспомощным, бескровным странником по земле. Напротив, еще приятнее наслаждаться тишиною, роскошью тихого убежища, когда буря воет извне и дождь и снег стучатся в окна.

Наступал вечер. В великолепном будуаре Феофании день заменялся множеством светильников. Этот будуар не походил на обыкновенную комнату греческую: он был убран на восточный образец, с пуховыми диванами,

с балдахинными занавесами, со всей роскошью Азии. Сама Феофания казалась не великолепною, важною императрицею греческою, но какой-то одалискою восточною. Она только что вышла из своей роскошной ванны, была еще полуодета и лениво нежилась на диване. Ряд невольниц, арапок, славянок, турчанок, аравитянок, стоял в отдалении; некоторые из них держали в руках музыкальные инструменты, в рабском молчании ожидая, не велит ли императрица петь, играть, плясать. С другой стороны находились приближенные женщины императрицы. В двери заглядывали невольники, ожидая: не велит ли принести драгоценных плодов, закусок, вареньев? А она что делала?

В легкой, лазуревом цвета тюнике, облокотясь на мягкую подушку, Феофания наклонилась к двум невольницам: одна из них держала в руках золотую чашу с розовою, душистою водою; у другой в руках было золотое блюдо; и на нем лежало множество ниток крупного жемчуга. Феофания брала нитку за ниткою, срывала с ниток жемчуг и опускала в розовую воду. Перлы катились по ее белым

рукам — Феофания мыла их в воде. Это была одна из любимых забав ее, и говорят, что до сих пор роскошные султанши восточные любят особенно это занятие, и множество стихов было доныне написано, тысячи сравнений придумано поэтами на эту забаву. Поэты уподобляют прелестные, розовые пальчики красавиц, перебирающие в воде жемчуг — розовым облакам весны, из которых сыплются перлы росы на розы и лилии... Перебирая в воде жемчуг, Феофания рассыпала его потом на зеленый бархатный ковер, и одна из невольниц немедленно низала из него ожерелья.

— Ах! как это скучно! — сказала Феофания, отталкивая чашу и блюдо и небрежно склоняясь на диван. — Переберите вы его... Возьмите прочь...

Невольницы сели подле дивана на парчовых скамеечках и продолжали мыть и низать перлы.

— Который час? — спросила Феофания у одной из приближенных своих.

Почтительно подошла эта приближенная к какой-то великолепно украшенной, неболь-

шой машине, присланной некогда в подарок от калифа императору греческому. Посредством скрытного механизма каждый час выпадал тут из глобуса, унизанного разноцветными камнями, золотой шарик в серебряную чашку и означал разделение дня и ночи на часы. Нынешних наших часов тогда еще не знали.

Феофания не вслушалась в ответ своей прислужницы. Задумчиво сидела она и перебирала вышитый золотом край лазуревое тюника своего. Казалось, что не одна скука тревожила ее; тайное, скрытное что-то мучило Феофанию, и она не могла найти услаждения ни в забавах, ни в раболепии своих невольниц. Она сердилась, смеялась, задумывалась — но время, будто свинцовый груз, тяжело лежало на груди ее; беспрестанно спрашивала она: который час?

— Вынесите эту проклятую вазу, с этим гадким индийским куреньем! — вскричала Феофания, указывая на серебряную курильницу, откуда веяло ароматами, купленными на вес алмаза, — у меня разболелась голова от этого чада! — Невольницы бросились выно-

сильную курильницу.

— Говори мне что-нибудь, Пульхерия! — сказала потом Феофания одной из прислужниц, растягиваясь на диване. — Твое дело развешивать меня умными разговорами.

"Великая повелительница! что прикажешь мне, послушной рабе своей, говорить?"

— Ври что-нибудь, глупое создание!

"Если бы я была мудрее Платона и Сократа, и тогда недостаточно б было всего ума моего для изречения чего-либо достойного внимания твоего, мудрая императрица. Не прикажешь ли что-нибудь прочесть?" — Пульхерия была чтецом императрицы.

— Ах! это надоело мне пуще... пуще супружеской верности, — промолвила Феофания про себя тихо, усмехнувшись. — Да, кстати, о любви. Эй! Зюлейка!

Молодая, прелестная аравитянка подошла к Феофании, преклонила колена и обратила на нее свои пламенные глаза.

— Спой мне ту песню о любви, которую ты вчера пела.

Аравитянка взяла теорбу, настроила ее и как бесчувственный автомат начала играть

и петь. Ее наружность составляла смешную противоположность со словами песни.

"Видал ли ты долины счастливой Аравии, видал ли шатры сынов Аравии, как небесные облака, усеявшие золото степей своею белизною? Там свободно, там вольно дышит сын Аравии!

Видал ли ты пески сыпучие аравийские, когда вихрь подьмлет на них облака песчаные, и вольно, и буйно вьет и несет эти облака по поднебесью, спускает на землю, мчит снова под небеса? Так вольно, так дико мчится сын Аравии на летучем бегуне своем: он не на небе, он не на земле — он летит на сыне вихрей между землей и небом.

Видал ли ты солнце аравийское, щит небесный, водимый по небесам незримою рукою небесного ангела, раскаленный и пламенный?

(Видал я аравийские шатры и бегунов аравийских, облака небесные и пески земные, и солнце аравийское, горящее, палящее).

Знаешь ли, что раздольнее шатра, буйнее вихря, пламеннее солнца аравийского? Это любовь аравитянской девы!

О, прекрасна дева Аравии, когда в сумраке вечера ждет витязя и прислушивается к топоту коня его; буйна и бешена страсть ее, когда она завидует звездам, очам неба, видящим ее милого друга, которого не видите она за горами и долинами; пламенны ее объятия, когда она прижимает его к сердцу своему во мраке роскошной ночи..."

— Ты поешь, как неоживленная статуя! — вскричала Феофания с досадою.

На глазах аравитянки навернулись слезы.

— Отчего вчера пела ты эту песню так хорошо?

"Так — мне пелось хорошо".

— Глупая! А теперь отчего поешь так дурно?

"Так — мне поется дурно".

— Говори, я тебе приказываю!

Казалось, что вся дикая гордость вольной аравитянки оживила Зюлейку. Она сверкнула очами и отвечала; "Ты велишь мне петь, когда бы я хотела молчать; ты велишь мне петь о моей Аравии, а я сижу в твоих каменных чертогах, я раба твоя, я — свободная дочь степей аравийских в прежнее время! Вчера

привиделись они мне во сне, в мечте ночи, прилетел ко мне вольный дух моей отчизны и перенес меня туда, под шатры отчизны моей, и я проснулась так радостно, и я пела так весело!.." — Смелый ответ нисколько не рассердил Феофании.

— Зюлейка! ты любила когда-нибудь?

Аравитянка закрыла глаза руками, потом приложила руки к груди своей и, казалось, хотела задушить ответ у сердца своего.

"Да, — сказала она, — я любила, любила прекрасного фариса аравийского... Не спрашивай меня, государыня, не требуй от меня песен моих об Аравии и об любви аравийской! Могу ли передавать эти песни на вашем чужом языке? Ваш язык — стоячее болото, а язык отчизны моей — гневное море, когда его пенит и волнует буря, и волны его просятся в раскаленные молнией облака небесные и сыплют на берега перлы и кораллы, и камни самоцветные!"

— Разве у нас в Греции не знают любви, Зюлейка? Разве наши юные греки хуже ваших аравитян?

"Ваши юные греки, государыня? — Зюлей-

ка усмехнулась. — Ваша любовь греческая? Послушай рассказа моего, государыня".

— Сядь тут, Зюлейка. — Феофания протянула руку Зюлейке в знак милости.

"Был славен витязь Абу-Малек между всеми аравийскими витязями. Никто не бросал копья далее его, никто не опережал на бегу коня его, никого не любили так пламенно девы Аравии. И вдруг сосцы печали упоили Малека, возлег он на грудь скорби, был как камень, опаленный зноем среди песков Аравии; он сделался порогом храма любви, он увидел Лейлу, и тень безумия закрыла солнце ума его. Он бежал в пустыни и говорил с ветрами пустынь: Я люблю Лейлу.

Повесть о Малеке сделалась перлом бесед. Так никто еще не любил — говорили старцы; так не умеем мы любить — говорили юноши; так никто не любит нас — говорили девы. Эмир, щедро наделенный богатствами и богатый щедростью, услышал повесть о Малеке. Он ссудил Малека золотом участия; он сампил некогда горечь разлуки и ел плоды отчаяния любви. "Беги, как звук скорый, приведи ко мне ту, которая сожгла сердце Малека ог-

нем очей своих". — "А ты беги, как вихрь быстрый, приведи ко мне из пустыни того, кто сделался царем любви, кто выменял любовь на ум свой!"

И предстала пред эмира, утренняя звезда красоты, Лейла, в блеске своих прелестей; предстал и солнце любви, Малек, во тьме своего отчаяния; безумие глядело из глаз его; печаль одевала его своими крыльями; аравийский терн расчесывал его волосы; песок пустыни прикрывал его во время ночей.

"О ты, заблудшийся в долинах скорби! знай: Лейла любит тебя — я отдаю тебе Лейлу, и с нею богатства и почести!" — Так говорил эмир.

— Юноша! я люблю тебя, и если бы я была царица всей Аравии, я отдала бы тебе Аравию с сердцем моим. — Так говорила дева.

"О эмир благодетельный! Мне не надобна Лейла!

О ты, перло перл, роза роз! Я не хочу обладать тобою!

К чему мне богатства и почести без Лейлы? К чему богатства и почести с Лейлою? — Так говорил Малек.

— Заклинаю тебя прахом отца твоего: скажи, или ты не любишь Лейлы? Почему ж с того коня скорби не хочешь ты пересесть на лихого бегуна радости, гулять в садах любви и насадить рай на земле?

"Великодушный эмир! может ли пылинка приблизиться к солнцу? Мне обладать Лейлою, когда любовь моя есть дерзость презренного духа, смело взглянувшего на вечный трон Аллы? Мне обладать Лейлою, когда всей жизни моей недостаточно заплатить на одно дерзновение — любить ее?"

Так говорил Малек и снова бежал в пустыни, и говорил ветрам пустыни: Я люблю Лейлу! И навсегда повесть о любви его осталась цепью бесед. Так никто еще не любил — говорили старцы; так не умеем любить мы — говорили юноши; так никто не любит нас — говорили девы".

Феофания захохотала громко и развеселилась от пламенного рассказа Зюлейки. С изумлением смотрела на нее юная аравитянка.

— Да, в самом деле, так не умеют любить у нас в Греции! — вскричала Феофания. — И

признаюсь, я благодарна нашим грекам, что они не похожи на ваших аравитян! Если бы они бегали по пустыням...

"У вас и пустынь нет, — сказала с презрением Зюлейка, — кроме тех мест, где жили некогда люди и где запустение залегло теперь развалинами и кладбищами. У вас негде и ветру разгуляться: везде отравит его тлетворное дыхание человеческое..."

— Чему ты смеешься, Феония? — спросила Феофания у одной из гречанок.

"Государыня! раба твоя смеется тому, что и у нас в Греции так же любили когда-то. Есть и теперь, говорят, где-то каменный утес над морем, и с него бросались те, кто был несчастлив от любви. Говорят, что прежде на этом утесе протолпиться было невозможно".

— А теперь?

"Теперь немногие знают дорогу к этому утесу, и она так заросла крапивою и терном, что если бы кто и хотел прийти на этот утес, то не проберется по дурной дороге",

— Стало быть, теперь менее людей, несчастливых в любви?

"Не смею противоречить тебе, государы-

ня".

— Говори.

"Осмеливаюсь думать, что теперь у нас любят иначе, и, если позволишь, я расскажу тебе, повелительница, как любят в наше время".

— Говори.

Феона начала рассказ.

"Сказывают, что когда-то, давно или недавно, право, не знаю, в одном большом городе, помнится, Эфес, жили шесть красавцев и три красавицы. Шесть красавцев влюбились в этих трех красавиц, и так влюбились, что получше Зюлейкина Малека: они решились на дело гораздо страшнее беганья по пустыням и разговаривания с ветрами, а именно — они решили жениться на красавицах, хотя старинная пословица уверяла их, будто красивая жена, что морская волна — и спит, так не верь ей".

Все засмеялись.

— Мне кажется, что ты сердита на свое зеркало, Феона, и потому сердишься на красавиц, — сказала Феофания. — Впрочем, кривой нос твой дает тебе полное право.

Новый смех. Феона поморщилась и отвечала: "Может быть, государыня; но если бы я была мужчина и вздумала жениться, то выбрала бы самое меньшее зло: жену не молодую и не красавицу".

— Продолжай.

"Но, как шестерым на трех жениться нельзя, хотя это, право, было бы не худо, то наши красавцы решились кинуть жребий, кинули — вышло трем, а трое принуждены были оставаться без жен. Счастливы избранные предложили красавицам руки и сердца и вскоре сделались счастливыми супругами. Остальные трое сильно печалились, только один из них, у которого всегда было, что называется *παραστάτικὴ διαθεσίς* (присутствие ума), скоро утешился, начал уговаривать товарищей и успел уверить их, что им досталась лучшая доля. "Кто препятствует, кто запретит нам любить этих красавиц? — говорил он. — Кто препятствует и красавицам этим любить нас? Если у проклятых мусульманов бывает и по десяти жен, зато у нас не запрещено обожать десяти любовниц, и — право, друзья, выгода на нашей стороне. Не

верь коню, лодке и жене — поговорка не лжет".

— Ты, верно, на себе испытала это, Феона? Не правда ли? — спросила Феофания, смеясь. Рассказ Феоны чрезвычайно забавлял ее.

"Великая повелительница! я рассказываю так, как слышала. Умный красавец утешал своих товарищей, и, когда те указывали на счастливых товарищей женатых, говорил им, что у счастья крылья орлиные, а нрав женский: сейчас только на месте — вздумало, вспорхнуло и улетело. Вскоре так и случилось. Трое неженатых красавцев ходили к женатым и так любовались счастьем их, что, видно, сглазили своих прежних товарищей. Вдруг, ни с того ни с сего, счастливые супруги занемогли, и сперва умер один, потом другой, потом и третий. Но вот какая была беда: они умерли — что же с ними делать? Их не вернуть. Да, красавицы, жены их, были неутешны — плакали, кричали, посыпали пеплом головы, оделись в самое печальное платье, и всего этого казалось им мало: воздвигли они мужьям своим великолепные гробницы, и такие дали страшные обеты, что в целом годе

только и говорили об этих добродетельных супругах.

Одна из них велела вырезать себе болван деревянный, так похожий на ее мужа — ну! точно живой, и душой и телом — и день и ночь плакала она и обнимала милый свой болван.

Другая не довольствовалась болваном, но хотела сохранить своего супруга, если не живого, так хоть мертвого: велела набальзамировать его тело и беспрестанно плакала над ним.

Третья и этим не довольствовалась — нет! — она оставила дом свой, поселилась близ гробницы мужа, построила подле нее маленькую келью, обвела гробницу потоком воды и поклялась, что пока будет течь эта вода кругом гробницы, она не перестанет плакать.

Так и пошли дела. Услышали обо всем этом три неженатых красавца; жаль им стало бедных вдов, решились они пойти и постараться их утешить. Пришли к первой — она не пустила их к себе; пришли к другой — она отказалась их видеть; пришли к третьей —

она, сквозь окошечко своей кельи, разбранила их и сказала, что если еще раз придут они, то она встретит их палкою.

Видите ли, великая владычица, как любят у нас в Греции? Не по-арабски!"

— Нужели твоя глупая сказка вся тут?

"Нет! если прикажете, я расскажу и окончание, но посмотрите, как сердятся многие, особливо Зюлейка! Если бы неправда была, то не колола бы глаз".

Феофания захохотала.

— Положим, что так, но, продолжай.

"Этакой нрав у женщин, — говорил один красавец, — пока были у них мужья живы, они были к нам ласковы, а как мужья умерли, они и не глядят на нас. Видно, сильна была любовь их, что и нас любили они ради мужей своих". "Слыхал я, — промолвил другой, — будто любовь женщин походит на росу небесную: жива до первого солнышка — взойдет солнышко, и роса высыхает". "Да и что вздумалось нам идти всем троим вместе? — сказал третий. — Утешать идти, так надобно одному быть, и не завидно ли будет нашим вдовушкам, если к одной приходят трое, а

двум другим и по одному недостает? Разделимтесь, товарищи; кинем жребий, кому которую утешать достанется". Кинули жребий и отправились. "Кто пришел?" — спросила неутешная вдова, та, у которой был вырезан деревянный болван. "Я". — "Зачем ты пришел?" — "Утешать тебя, прекрасная подруга друга моего". — "Меня утешать? Какое мне утешение; вся моя утеха смотреть на изображение моего покойного мужа любезного, и — плакать!" — "Да чем смотреть на деревянного болвана, лучше посмотри на меня: ведь я очень похож на мужа твоего — точь-в-точь покойник!" — "Неужели? А я в горести моей и забыла об этом". — Вдова отворила окошко, посмотрела на утешителя, в самом деле нашла в нем сходство с покойником, и долго плакали они вместе и разговаривали. На другой день показалось им, что лучше плакать в комнате, нежели в окошко на улицу, где всякий прохожий видит их неутешные слезы, а ведь люди такие злоречивые... На третий день они уж не плакали, а только сидели перед камином и горевали. Не знаю, холодно что ли стало им, камин надобно было расто-

пить лучше; сухих дров не случилось — до того ли было этой бедной вдове — думать о дровах! "Ах, если бы камин растопить, — сказал утешитель, — да жаль, дров-то нет". — "А вот, кстати, болван моего милого покойника — какое доброе, сухое дерево — точно сам покойник мой! Он такой был добрый, что, конечно, порадует, если и по смерти на что-нибудь пригодится". Взяли вдовушка с утешителем бедного болвана, раскололи его и растопили им камин.

Между тем другой утешитель старался утешить другую бедную вдову. В первый день она и в дом его не пустила; на другой день пустила, да только все плакала; на третий не плакала она — засиделась что-то с утешителем — заговорила. Вдруг утешитель начал жаловаться на сильную боль в животе. Вдова встревожилась. Как пособить? "Ах! как жаль — заторопился я идти из дома и забыл дома свой нос!" — "Какой нос?" — "Такой нос, который у меня всегда в запасе: один халдейский лекарь продал мне человеческий нос и велел, когда заболит у меня живот, прикладывать его к больному месту, этот нос, и боль

проходит". — "Неужели правда?" — "Правда, и мало ли чудес в мире!" — "Да разве это какой-нибудь заколдованный нос?" — "Нет, просто нос, как все носы. Ах! если бы у тебя был какой-нибудь лишний нос..." — "Жаль мне тебя, да только у меня, кроме моего носа, другого нет, а этот не хочется мне отрезать". — "Да вот, кстати: твой покойник у тебя в доме, и нос у него цел?" — "Кажется, и такой еще длинный". — "Нельзя отрезать у него и отдать мне? Он такой был добрый — при жизни позволял водить себя за нос, и так любил меня, что, верно, не откажется после смерти ссудить меня своим носом. Ведь ему все равно, с носом и без носа, а если я умру, что ему за радость?" — "В самом деле!" — Вдова побежала, отрезала у покойника нос, и покойник не рассердился, и утешитель вылечился. После этого вдова подумала: "Теперь не сердится мой покойный муж, что у него носа нет, но не вздумал бы потом рассердиться за это", — и велела она его похоронить.

Через три дня сошлись двое товарищей, спрашивают друг у друга: "Что твоя вдова? Утешилась ли?" — "Да". — "А твоя?" — "И моя

не грустит". Они рассказали друг другу свои похождения, посмеялись и пошли посмотреть, что делает их третий товарищ? Его застали они у третьей неутешной вдовы, и что же делали вдова и товарищ двух красавцев? Отводили ручеек, которым обведена была гробница. Извольте припомнить, что вдова обещалась до тех пор плакать, пока ручеек будет вокруг гробницы течь? — Вы смеетесь, государыня? А все это суцая правда; по крайней мере, очень на правду походит".

— Благодарна тебе за твою правду, только не советую рассказывать при мужчинах этой правды. Они и без того так смеются над легковерием женщин, готовых верить всякому утешителю...

"Пусть только дослушают они окончание моего рассказа, так перестанут смеяться".

— Еще окончание?

"В трех словах: утешителям очень понравилось утешать молодых неутешных вдов, и они решились всегда утешать их. Словом, трое красавцев женились на трех красавицах вдовах. Каждый из них думал: "Уж если я умру, и после меня вдовой останется жена

моя — верно, никто не утешит ее, и она умрет с горя..."

Сказка, которую рассказала Феона, считалась одним из остроумнейших рассказов греческой словесности того времени, словесности, которая после Омира, Анакреона, Сафо и Феокрита щеголяла Афинодорами, Никодимами Ираклийскими, Досиадами, Музеями. Не удивительно, что эта сказка чрезвычайно понравилась Феофании, а после этого кад было не любоваться этою сказкою ее подчиненным!

Но Феофания снова задумалась; казалась, по крайней мере, рассеянною... И было от чего!

Премудрый Соломон давно говорил: "О сын мой! не внимай злой жене: мед каплет от уста ея, и временно услаждает гортань твою, но горче желчи будет он тебе, и паче меча изощренного. Ночами безумия приблизишься ты с нею к погибели. Беги от нея — не приближайся к дверям дома ея, да не предаст другим живота твоего и жития твоего немилостивым; да не насытятся иные твоею крепостью, и труд твой, да прейдет в чужие дома..."

Становилось поздно. Среди веселых рассказов и разговоров вошел немой черный невольник, преклонил колени пред Феофанией, и она ужаснулась, казалось, когда увидела изуродованное природою и людьми создание, карлика, искривленного и безобразного.

И ужасное душевное волнение, казалось, терзает Феофанию. Она побледнела, закрыла глаза рукою, как будто боялась страшного привидения. Поспешно встала она с дивана и ходила скоро и беспорядочно по своему роскошному будуару. Никто ничего не смел сказать — никто не смел посмотреть на Феофанию. Но был некто, кто смело глядел на нее в это время — незримый, но видимый...

О совесть, совесть! неумолимый страж человека, неусыпающий на бархатных подушках, не заглушаемый веселою песнью! Как червь, подтачиваешь ты здания, воздвигаемые пороком и страстями... Неумолимая Немезида! все погибнет перед волею человека, погибнет добродетель и стыд — не гибнешь одна ты! Змеей сосешь ты грудь преступления; гробовым червем стучишь в уши порока; сонным видением терзаешь его, ко-

гда он думает успокоиться на ложе своем; в яд превращаешь ты драгоценное вино, которым тушит он пламень, пожирающий душу его, и как часто кровавою головою погибшей жертвы представлялись злодею дорогие яства, и полет журавлей обличал преступника!

Но Феофания укрепилась. Она уже так закалена была в буйных страстях своих, она так далеко перешла за тот порог, подле которого сидит и плачет робкое раскаяние, что возврат был ей невозможен.

Нет, нет! Всегда возможен он, как возможно милосердие и помилование Божие! Оно брат, оно друг твой, раскаяние — примиритель с Богом!

— Довольно. Благодарю вас. Вы можете удалиться! — сказала Феофания своим приближенным и невольницам. Все преклонились перед нею и удалились медленно. Комната опустела. Карлик все еще стоял на коленях, преклонив голову. Феофания дала знак рукою. Уродец, ожидавший сего знака, мгновенно поднялся и пошел — и еще раз остановила его Феофания.

"Неужели и теперь, опять испытать мне

должно, — думала она, — испытать, что испытала я в ужасный день смерти Романа? Как! Эта глупая робость не исчезла в течение семи лет? И опять это страшилище, которое преследовало меня столько времени, будет преследовать меня? Опять этот стон, это хрипение умирающего, все, что чудилось мне тогда столько времени, опять все это будет чудиться мне?

Ужасно! Еще есть время... Одно слово мое, и он спасен, и погибнет злодейство... Ему погибнуть? Погибнуть Цимисхию, прекрасному, мужественному Цимисхию! Если бы можно было воротить... Говори, ум, говори мне, сердце мое!"

Безумная! к Богу должна была прибегнуть ты — молитвы требовать от души твоей, а не покорных советов от своего предателя сердца!

"Зачем, Цимисхий, увлек ты меня с собою? Зачем потребовал ты преступления, как залога любви моей?"

Она махнула рукою. Карлик исчез.

— Совершенно! — невольно вскричала Феофания; ноги ее дрожали; она не могла стоять и в бессилии упала на диван.

— Неужели этого не простит мне милосердный, премногомилостивый Господь! Да, я клянусь, что отныне жизнь моя посвящена будет милосердию, призрению странных, помощи сирым и вдовицам. Я сооружу, воздвигну церковь на диво векам, во имя Богоматери, всех скорбящих радости, украшу ее золотом и серебром, дорогими камнями и муссиею; перекую мои украшения в утвари священные; подле церкви будет больница, общая обитель благочестивых невест Христовых... Через несколько лет я оставлю трон царьградский, постригусь, посвящу слезам и молитве остальные дни мои, пойду пешком в Иерусалим... Господь помилует меня!

Ужасный порыв ветра заревел мимо окон будуара; снег и дождь хлынули в окна, и буря завывала, как будто дьяволы смеялись вдалеке над словами Феофании.

В страхе, крепко зажала она глаза руками и с криком испуга и ужаса упала на подушки дивана. Мягкая бархатная подушка показалась ей раскаленным адским железом.

Бедная владычица Царьграда! если бы в эту минуту горестная какая-нибудь вдовица,

у которой нет крова в час этой свирепой бури, у которой нет куска хлеба для плачущих сирот ее, которую отталкивает от дверей рука жесткосердого богача — если бы эта печальная страдальца могла в эту минуту заглянуть в твое сердце... она не променялась бы с тобою на твою участь...

— Никифор! я иду к тебе! Ангел-хранитель мой! предводи моими стопами! — воскликнула Феофания, встала и, едва держась на ногах, опираясь на диван, хотела идти. Но голова ее кружилась — в глазах ее было темно. Со страхом глядела она вокруг себя.

— Где же все они? — шептала Феофания. — Зачем все они оставили меня? Или я отравляю дыханием моим самый воздух так, что все бегут от меня?.. Я одна...

"Ты не одна, божественная Феофания", — сказал кто-то тихо и приветливо.

С изумлением оборотилась Феофания. Перед нею стоял Цимисхий.

Пока Феофания была одна, со своею незримою, грозною совестью — она была человек, женщина, бедная, кающаяся грешница; но едва другой явился к ней — в Феофании исчезла

грешница, женщина, исчез человек: она была могущая повелительница всего, что окружало ее; всякий, кто ни приблизился бы к ней, был ниже ее, был ее подданный, подвластный ей — он был человек, а она царица, владычица Царьграда. Ни перед кем не могла она открыть души своей, ни перед кем не захотела бы она унизиться, являясь человеком, подобным другому — она была владычица Царьграда...

И — что делает долговременная привычка власти и могущества! Феофания, на которую страшно было взглянуть за несколько мгновений — так бледно, как смерть, было лицо ее — казалась теперь спокойною; лицо ее оживилось; румянец появился на ее щеках; глаза ее приняли привычное выражение гордости и неприступного величия. Спокойно села она на диван и роскошно облокотилась на подушки так, что щегольская лазуревая туника живописно обвила прекрасный стан ее; белая рука как будто невзначай, выставилась до половины из рукава, и ножка видна была, старательно обутая в красные сандалии. Царица сменила в Феофании женщину — кокет-

ка — преступницу.

Неисчислимы пути и тропинки зла, по которым влечет оно человека, едва человек поддался ему — бездны порока прикрыты цветами страстей; василиски и аспиды ядовитые скрываются в мягкой мураве обольщений...

Но всякого другого, а не Цимисхия, могло обмануть притворное спокойствие Феофании, не Цимисхия, возросшего среди крамол Двора царьградского, испытанного в страстях — он высказал бы Феофании то, чего сама она подозревать не могла.

"Если и нет меня здесь, могущественная владычица Царьграда и всего Востока! — продолжал Цимисхий, — сердце мое всегда лежит у ног твоих, и дух мой всегда блюдет, да не прикоснется никакое зло к твоей очаровательной особе!"

— Благодарю, Иоанн Цимисхий, но думаю, что не время теперь хвалить красоту мою.

"Всегда время удивляться ей, и никогда не изберем времени достойно восхвалить ее, владычица сердец!"

Феофания молчала.

"Не забудем однако ж, что время есть вещь

дорогая и невозвратимая. Благоволишь ли немедленно вручить мне ключ от тайных выходов к приморью до твоей опочивальни, великая властительница?"

— Разве надобен уже он?

"Разве еще не надобен он? должна спросить ты, владычица Цимисхия, если только дорожишь своею жизнью и моею жизнью. Буря закрыла извне все мои приготовления; шум пира и веселья заглушит все опасения во дворце.

— Веселья, Цимисхий?

"Неужели божественная Феофания забыла, что в сея день вечером назначен торжественный пир для болгарских царевен, и что все ожидают только одного слова твоего для начала? Произнести это слово, и чертоги вукалеонские огласятся кликами и песнями радости".

— Пир? Сегодня? Ах! я и забыла о нем... И Цимисхий будет на этом пире?

"Повелительница моя опять забывает, что мне непозволено являться в чертоги вукалеонские без особенного приказанья недоверчивого супруга ее, тирана Греции, который

трепещет и боится мухи и не доверяет самой крепкой страже дворца своего".

— Он имеет право не доверять. Его окружают злодейство и измена...

"Государыня!"

— Пир в чертогах Вукалеона... А между тем, где будешь, что будешь ты делать, Цимисхий?.. Трепещу...

"О чем же, могущая повелительница? Да и нельзя не трепетать, если только вспомним, как ужасно в такую ночь, каково теперь, плыть через Босфор на легкой ладье, укрываясь от всех взоров, когда в глазах плователя гибнут корабли, разбиваемые бурей, как ужасно идти сквозь тройную стражу, приблизиться к логовищу льва, войти в него, ввести отважных товарищей, и мстить ему за неволю, за своенравную жестокость, с какою обходится он с своею супругою, с тою высокою особою, которая возвела его, ничтожного раба своего, на престол Царьграда..."

— Цимисхий! не оскорбляй Никифора; не отнимай у него, чести и славы, если отнимаешь престол и жизнь! Зачем прикрывать бездну преступлений даже и не перед людьми,

но пред самим собою...

"Повинуюсь безмолвно, и — не угодно ли тебе, великая повелительница! отдать мне ключ?"

Феофания оставалась неподвижною.

"Я понимаю теперь, могущая повелительница, и вижу ясно, что должно мне делать; вижу, что сердце женщины, как и следует быть ее нежному сердцу, мягко, как воск; понимаю, что сердце женщины, подобно воску, принимает все впечатления. И в таком случае дело мужчины, дело того, кому женщина вручает судьбу свою, сохранить ее от всех сомнений, от всех впечатлений, которые могут разрушить ее собственное счастье, и, может быть, счастье миллионов людей, если она, подобно божественной Феофании, повелительница обширного государства..."

— Цимисхий! едва только допустила я тебе малое преимущество, уже ты дерзаешь говорить со мною голосом повелителя, уже я предвижу в тебе будущего тирана...

"Нет, великая повелительница, нет! Смотри, как поступает тот, кого подозреваешь ты в желании, в дерзком намерении — быть горде-

ливым повелителем..."

Он преклонил колени и благоговейно поцеловал край одежды Феофании. Казалось, что это польстило гордости Феофании; она смотрела на Цимисхия так величаво, так величественно...

"Благоволи же вручить мне ключ", — сказав Цимисхий твердым голосом.

— Ты непреклонен, Цимисхий;

"Неужели тебе угодно еще колебаться в нашем предприятии, величавая повелительница? Разве для себя иду я на тысячи опасностей, вхожу в эти чертоги, где стены подглядывают, где двери подслушивают, где меч готов упасть на мою голову при каждом шаге моем? Не для того ли, чтобы возвратить свободу богоподобной Феофании, чтобы избавить ее от ига тяжкого, от ее ненавистного супруга, чтобы снова возвратить ей достоинство единственной самовластительницы, похищенное из рук ее своеволием вельмож, прихотью карода, замыслами гордого Никифора — не для того ли только иду я на смерть, гибель, позор?"

— Позор!.. О Цимисхий! а если совершит-

ся все по твоему желанию... не позор, но кровь, как яд палящий, запятнает нас...

"Или ты думаешь, что возврат еще возможен, великая повелительница?"

— Для тебя — нет... Я это чувствую.

"Справедливо. Для меня — нет! Если теперь я должен буду воротиться к товарищам, без ключа от тайного выхода — через час они явятся с моею головою к Никифору. Ты, верно, слыхала имена их, великая владычица, знаешь отчасти по делам: один из них, Михаил Вурз, тот самый, который послан был от Иосифа Постельничего в тарсийский лагерь ко мне, когда Иосиф готовил гибель Никифору; он перепилил, перегрыз свои кандалы и бежал из темницы. Другой, Лев Песиодид, который был в заговоре Мариана и Пасхалия, Третий, евнух Антипофеодор, тот, который..."

— Остановись, Цимисхий!

"Тот, который подал покойному императору Роману, бывшему супругу твоему, стакан прохладительного питья, когда он утомился в игре мячом..."

— Боже! это чудовище... Он жив!..

"Я хотел только объяснить, великая вла-

стительница, что, может быть, и тебе невозможно уже отступить от нашего предприятия. Стоит Антипофеодору произнести одно слово, если я не явлюсь к нему через час, и тогда..."

Быстро отвязала Феофания ключ, который был у нее на поясе, и отдала его Цимисхию.

Несколько мгновений смотрел он на этот ключ, как будто наслаждался видом его.

"Он отопрет тебе, великая повелительница, дверь к свободе и счастью, к престолу, подле которого стану я с мечом моим, как твой последний раб, готовый пролить за тебя последнюю каплю крови..."

— Крови! — произнесла Феофания, содрогаясь и с трепетом смотря на ключ. — В ад отопрёт он дверь, мне и тебе, Цимисхий!

"Ад покажется мне раем, если ты разделишь его со мною, божественная Феофания!"

Мутными глазами смотрела Феофания на роковой ключ.

— С него каплет кровь — он горит пламенем! — воскликнула она, указывая на ключ.

"О, нет! — насмешливо отвечал Цимисхий. — Кровь можно смыть с него слезами по-

каяния — и в слезах раскаяния пред Господом, пред Ним же не оправдится ни один грешник, потухнет самое адское пламя..."

Поспешно спрятал он ключ, завернулся в епанчу свою и снова преклонил колено пред Феофаниею.

"Так завтра преклонятся пред тобою, самовластительницею Царьграда и Востока, колена миллионов! Участь Никифора неотвратима. Мы все погибнем, если не предупредим его гибелью предстоящего бедствия. Народ раздражен; войско волнуется и ропщет; казна государственная истощена ненасытною жадностью его родственников, а богатство народное — его непостижимым корыстолюбием. Завтра может вспыхнуть мятеж..."

— Жизнь его будет пощажена! Клянись мне, Цимисхий!

"Охотно, великая владычица, но жаль, что прежде не знал я этого и не предупредил товарищей... Впрочем, жизнь человеческая всегда и вообще казалась мне излишнею тягостью для многих... По крайней мере, если судить по наружности, до сих пор жизнь не слишком веселит Никифора — он так угрюмо

смотрит на нее..."

Шорох шагов раздался в ближней комнате. Феофания ужаснулась — даже Цимисхий смутился. Поспешно вскочил он и хотел убежать в потайную дверь, закрытую занавесами, роскошно раскинутыми по стене. Но Цимисхий не успел исполнить своего намерения, и немой карлик вбежал уже в это время в комнату; со страхом делал он какие-то знаки Феофании.

— Несчастный! что ты хочешь объяснить? Никифор? Теперь, в это время? Что значит такое нечаянное посещение? — проговорила вполголоса Феофания, вскакивая со своего дивана.

"Великая повелительница! если я обманут, — скоро прошептал ей Цимисхий, — горе обманщику! Еще на одно мгновение, — продолжал он, крепко держа Феофанию за руку, когда она силилась удалиться от него, — на одно мгновение: этот вероломный обманщик должен знать, что тот, кто бросается между льва и тигра, когда они устремляются друг на друга — тот погибнет первый..." — Он распахнул епанчу свою и указал Феофании на два

кинжала, заткнутые за его поясом.

— Клянусь тебе, Цимисхий... Удались, беги...

"Я давно знаком со смертью... Бежать? За тем, чтобы наткнуться на нож подставленного убийцы? Я — останусь здесь!" — Он обнажил один из своих кинжалов.

Уже слышна была тяжелая походка Никифора. Цимисхий бросился за занавес и скрылся в нем. Феофания устремила неподвижные глаза свои на то место, где стоял он. Его нельзя было заметить. Феофания отдохнула. Никифор входил в комнату. Низко преклонилась перед ним Феофания, скрывая страшное смущение под видом скромной покорности. Никифор остановился, смотрел на нее, будто любовался ее красотой.

"Феофания! — сказал он, — прошу твоего прощения, если мой нечаянный приход встревожил тебя. Сядь, моя достойная, милая супруга, успокойся".

Феофания почтительно села на диван, и подле нее поместился Никифор. "Удивляюсь, — сказал он, стараясь смягчить грубый голос свой, — удивляюсь, что вижу тебя

неодетую, когда уже так близок час начала торжества и ты должна явиться во всем величии, приличном супруге властителя царьградского... Ты кажешься смущенною? Ты здесь одна..."

— Одна, государь! — с ужасом отвечала Феофания.

"Да, я разумею, что с тобой нет никого из твоих приближенных, ни одной невольницы — а не другое что-нибудь!" — Никифор улыбнулся.

— Я... я... — хотела сказать что-то Феофания и не могла ничего выговорить.

"Как прекрасна, как прелестна ты, Феофания, в этом наряде! — сказал Никифор, целуя руку ее. — Тебя изумляют, может быть, слова мои, но я так рад, так доволен — я хотел разделить с тобою радость мою и благодарить тебя..."

— Радость, великий супруг мой? Благодарить меня?

"Да, да, я хотел поговорить с тобою о Цимисхии".

Шорох послышался в комнате. Никифор небрежно оглянулся кругом и оборотился

спиною к той стене, где скрывался Цимисхий. Тихо, украдкой оборотила беглый взор свой Феофания к месту его убежища и увидела Цимисхия. Забывшись, выставился он из-за занавеса, и — кинжал виден был в руке его. Феофания окаменела на месте.

Только пять шагов разделяли Никифора от Цимисхия — пять шагов отделяли Никифора от его могилы, а он беспечно сидел подле Феофании, не думая, не зная о своей участи. И подле него была она — обольстительная Сирена, готовая предать его мечу убийцы. Одно слово могло открыть Цимисхия, но с этим словом Никифор задохся бы в крови своей... Ужасное состояние!

Да, порок и преступление знают ад и до смерти, знают его, еще скитаясь на здешней земле, постигают мучения и скорби, ожидающие грешника за пределами гроба... Зачем не умеют они объяснить этого ада заживо другим? Зачем не всегда чувствуют его?

"Я хотел поговорить с тобою о Цимисхии, — продолжал Никифор. — Каких скорбей избавился бы я, если бы знал прежде этого благородного, великодушного человека!"

Феофания с изумлением смотрела на Никифора и не понимала, что значат слова его? Хитрое испытание, или...

"Недоверчивость есть недостаток во всяком человеке, — продолжал Никифор, — так как и излишняя доверчивость. Но в человеке моего высокого сана — недоверчивость порок. Сознаюсь в этом и признаю, что великодушие должно быть всегдашнею добродетелью властителей. Я почитал Иоанна человеком, запятнанного злобою и пороками..."

Говоря это, Никифор употребил аттическое выражение *μαυθεῖς αἵματι καὶ κομιῆσι* (зама-
ранный кровью и грязью) — и Феофания невольно повторила эти слова.

"Да, — сказал Никифор, — я думал так и теперь стыжусь своей недоверчивости. Знаешь ли, что Цимисхий спас жизнь мою от ужасного заговора? Он, он открыл мне тайну страшного возмущения, которое таилось в Царьграде. Ненавистные "синие" и "зеленые" скрывали пагубную мысль бунта, и все было готово к гибели моей, гибели тебя, детей твоих, погублению граждан, хищению. Чего хотели проклятые заговорщики? Не знаю хорошо,

ибо не исследованы еще все подробности заговора, но уже более двадцати злоумышленников схвачено и брошено в темницу; открываются глубокие, отдаленные следы. Кажется, что тут соединено было согласие еретиков, заговорщиков старых, философов — один из самых злых возмутителей, тот безбожник-философ, которого еще так недавно простил я, теперь в кандалах — и все это сделал Цимисхий — все, когда так гордо, так презорливо оскорблял я его моими подозрениями!..

Не знаю, — продолжал Никифор, — не знаю, чем вознаградить мне благородного, великодушного Цимисхия! Хочу торжественно признать его заслуги, наименовать его Паниперсевастором, украсить его зелеными сандалиями, соединить, если ему будет угодно, с моею сестрою... Скажи, что думаешь ты обо всем этом, моя прекрасная подруга?"

— Мне ли решать, на кого и как должна изливаться река милостей твоих, мой повелитель!

"О, клянусь, блаженным родственником моим, Михаилом Малеином, что если прискорбны были обиды мои Цимисхию — тор-

жественна и велика будет награда его! Чувствую теперь, как далеко доверчивость превосходит недоверенность, чувствую сладкую отраду в сердце моем, уверяясь наконец в добродетели людей; Цимисхию одолжен я всем этим!"

Никифор встал, начал ходить по комнате. "Отныне опять безопасно буду я подвергаться опасностям битвы, и для победы, являясь сам среди моих воинов, не буду щадить жизни моей — после меня останется еще доблей защитник Царьграда! Трепещите, умышляющие зло! Цимисхий будет стражем окрест моего престола. Трепещите, враги великой римской державы! Пока Никифор понесет ужас и победу на полки скифские — Цимисхий сокрушит на Востоке гордые стены Багдада!"

Подле самого занавеса стоял в это время Никифор, там, где скрывался в эту минуту Цимисхий. Протянув нечаянно руку, он встретил бы — кинжал Цимисхия! Феофания сидела безмолвная, потупив глаза в землю...

"Ты изумляешься словам моим, моя прекрасная Феофания? Ты не узнаешь меня? Я сам только в первый раз ощущаю сладость

подобных чувствований, и — тебе одолжен я ими! Ты ходатайствовала за Цимисхия... Не скрою пред тобой самых тайных чувств моих и помышлений — мне надобно разделить радость сердца моего, и — с кем же разделю ее, если не с тобою! Мне казалось — прости меня, моя прекрасная Феофания — мне казалось позорительным твое ходатайство; я думал, я страшился, что хитрый обман таится, скрывается в твоей просьбе... Вижу теперь, как глубоко проникла твоя мудрая, пронизательная мудрость, как провидела она в Цимисхии то, чего не понимал я, ослепленный ненавистью, омраченный недоверчивостью, этим демоном, губящим веру в добродетель человеческую... А без этой спасительной веры может ли быть хоть что-нибудь священо для человека? Феофания! Ты убедила меня в том, в чем не могли убедить меня испытанные столько раз великодушные поступки Цимисхия..."

Никифор остановился против Феофании, пристально смотрел на нее и сказал: "Но, виноват ли, что доселе, воспитанный в шуме военного лагеря, приученный к грубым стра-

стям воинов, к жизни бранной среди мечей и копий, я не верил ничему, что внушает человеку нежное ощущение души и сердца? Знаешь ли, Феофания, помнишь ли, что я был уже однажды обязан Цимисхию императорским венцом моим? Пусть завтра услышит от меня, из уст моих, признание в этом целый свет — посмотрим: кто из нас отныне победит один другого великодушием... Гордый Никифор явится таким, каким создал его Бог, а не таким, какого сделали из него люди и обстоятельства... Прощение заговорщикам, которых предала мне в руки верность Цимисхия, почесть и слава Иоанну Цимисхию, образцу верности и великодушия. Только перед тобою, теперь, в первый еще раз, Никифор является в истинном своем виде. Доселе знали во мне воина, властителя — ты видишь Никифора человека!"

Он протянул руку к Феофании, пожал ее руку и с умилением смотрел на нее.

"Довольно, — сказал он, — сердце мое было полно таких чувств, которые мне надобно было высказать; они переполняли мою душу, Вспоминаю премудрые слова твои, импера-

тор Василий: "Все преимущества телесные не столько украшают царя, сколько украшают его милость и великодушие. Красота исчезает с летами; богатство рождает леность и страсти; сила смущает душу гордостью. Единая добродетель выше силы, красоты и богатств, и ею должен украшаться царь, а начало ее составляют милость и великодушие..." [8] Но уж все готово, думаю, к началу пира — поспеши, моя прекрасная Феофания, и будь солнцем радости и веселья для дорогих гостей наших — не щади угощения!.."

Он взглянул еще раз на Феофанию, ласково, приветливо, благословил ее и вышел, напевая любимый стих свой: "Господь мне помощник и не убоюсь зла..."

С минуту сидела Феофания на диване своем, как будто жезл волшебника оковал в ней все чувства, все помышления. Цимисхий вышел из скрытного убежища своего и стоял, сложа руки, потупив глаза, как преступник, которому произнесли приговор смертный.

— Цимисхий! — сказала Феофания умоляющим голосом, — отдай ключ!

Цимисхий не отвечал ни слова.

— Отдай мне ключ, ради будущего спасения тебя, меня, твоей и моей души на втором пришествии Спасителя!..

"Нет! это невозможно!"

— Умоляю тебя! — Феофания бросилась перед ним на колени.

"Нет!"

— Муж крови и смерти! трепещи — я иду и все открою Никифору!

"Хорошо, иди и скажи ему, что Цимисхий и убийцы введены были в тайный чертог твоей твоею рукою, тою самою рукою, которая передала некогда Антипофеодору стакан прохладительного питья, поднесенный им Роману, сыну Константина Порфирородного..."

С ужасом отшатнулась от него Феофания, и болезненный стон вырвался из ее груди — нет! из ее души! Когда опомнилась она, Цимисхия уже не было в комнате, и невольно повторила она слова Никифора: $\mu\alpha\nu\theta\epsilon\acute{\iota}\varsigma$ $\alpha\iota\mu\alpha\tau\acute{\iota}$ $\kappa\alpha\iota$ $\kappa\omicron\nu\upsilon\eta\sigma\iota$.

КНИГА V

О Зевес! верить ли мне, что ты взираешь на жребий смертных, или мысль, что боги существуют, есть мысль

ложная и обманчивая, и единый случай управляет судьбою человека?.. Что зрю: не се ли Царица великой Фригии, супруга могущего Приама? Пал град Приама добледушного, и его супруга — раба, удрученная летами, лишенная детей, повержена во прах священными сединами главы своей...

"Текуба", трагедия Эврипида

Торжественный пир природы шумел и гремел над Царьградом — буря, каких мало могли запомнить даже старики, жители царьградские, возмущала небо и землю, и море; волны Эвксина мчались в Эгейское море, встречались с волнами моря Эгейского, сшибались в страшном разбеге, разлетались подоблачными брызгами и опеняли берега; вихрь срывал крыши домов, ломал деревья, разбивал лодки и корабли; снег взвивался клубами и, как будто сквозь сито, просеивался на землю сквозь облака. К изумлению многих — несколько раз в то же время прогремел гром; может быть, так показалось жителям царьградским, и они почли громом необыкновенный гул и рев ветра. По крайней мере,

многие уверяли впоследствии, что слышали громовые удары, крестились в это время и говорили окружавшим их: "Слышишь ли гром? Ну, это не к добру!" Царьградцы, жившие около Влахерна, были еще более испуганы и изумлены неожиданным событием в эту ночь. Огромная церковь, которую на память взятия Антиохии заложил Никифор, была уже в это время окончена наружною отделкою. Вдруг страшно завыл ветер, и среди воя его слышали какой-то треск, как будто лопнула гора каменная — глухой шум и стук последовали за этим треском; окрестные дома потряслись в основании. Жители в ужасе побежали из домов и сначала не верили глазам своим: куда девалась огромная колокольня? где позолоченный купол новосозданного храма? Как будто кто-нибудь поднял этот храм в основании исполинскою рукою, потряс его и опустил опять на землю: до нижних окошек развалился храм, рухнула до основания колокольня, и только безобразная груда развалин, как гора огромная, являлась на месте храма и колокольни. Говорили после того, будто окрестные жители слышали голос на

развалинах: "Так не приемлет Господь жертвы грешника!" Другие рассказывали, будто в воздухе слышались им слова: "Горе зиждущему дом мой грехом и неправдою!" — Един Бог ведает, справедливы ли были все сии слухи, но через два часа после падения храма уже весь Царьград со страхом говорил: "Быть худу! Знамение страшное совершилось!" Никто не смел прибавить, что, по его мнению, предвещает это знамение, но каждый думал одно, и если бы сказал свое мнение другому, тот, конечно, согласился бы с ним. Безвестность особенно умножала страх жителей: в одном конце города говорили, что весь Влахернский дворец повалился в море; в другом прибавляли к этому Вукалеон, и если бы Софийский храм не был виден со всех концов города, верно, многие начали бы говорить, а другие верить, что и он развалился в основании. Половина Царьграда не спала всю ночь.

Но что было природе до беспокойства людского! Торжественный пир ее страшно гремел над Царьградом, как будто над бедным, ничтожным муравейником.

Между тем ярко освещен был дворец Вука-

леонский тысячами огней, и великолепный пир гремел в чертогах владычицы царьградской. Там собрались люди и как будто хотели доказать своим весельем, что они мало думают о грозном величии природы. Когда вихрь и буря потрясали здания царьградские, своды великолепных зал дворца Вукаленского дрожали от грома музыки, от кликов радости; мрак ночи разогнан был тысячами светильников. Льстивые придворные уверяли, что за отсутствием солнца, являлась им солнцем, более небесного прекрасным и блестящим, великая владычица их Феофания. В самом деле, она казалась светилом, проливающим свет и радость: ее платье и корона, усыпанные, унизанные драгоценными камнями, сверкали от огней, и видно, что радость проливали в сердце каждого взоры Феофании, потому что на кого ни взглядывала она, хоть мимоходом, на лице каждого, удостоенного взгляда ее, являлась радостная улыбка. Феофания угощала болгарских царевен, которые в этот день торжественно приехали в Царьград. Но отделение, которое занимал во дворце Вукаленском император Никифор, не было освещено;

там не слышны были клики радости, не слышно было звуков веселья. Тихо, мрачно было это отделение, хотя сам Никифор находился в это время там, не участвуя в роскошном, веселом пировании своей супруги.

Подле опочивальни его была комната, где обыкновенно принимал он тайных советников своих; это была молельная его. К ней примыкала большая оружейная комната, где хранилось, развешанное красивыми трофеями драгоценное оружие. Тут стоял огромный стол, на котором сам император занимался рассматриванием карт, планов, соображениями воинских действий. Бывши великим полководцем, он даже оставил сочинение "Περὶ παραδρομῆς πολέμων", в котором превосходно описал способы вести удачно мелкую войну против неприятелей, особливо в горных странах.

Но теперь император Никифор не находился в своей оружейной, не был и в молельной. Ни война, ни молитва не занимали его в это время. Он оставался в опочивальне своей, сидел облокотясь на стол, закрыв руками лицо свое. С ним беседовал не полководец, не

министр его — какой-то странный собеседник сидел в императорской опочивальне. Это был старик, высокого роста, седой, с пожелтевшим, иссохшим лицом — тень человеческая! Грубая власяница покрывала тело его. Ноги его были босые, волосы и борода не расчесаны, склочены. Это была тень человека, скелет, обтянутый кожей, и только в одном проявлялась жизнь — в глазах его, черных, как уголь, блестящих под густыми, седыми, нависшими бровями. Гробовым, ржавым голосом говорил что-то этот оживленный мертвец Никифору, и при выразительных движениях руки его обнажались из широких рукавов, и тогда казалось, что этот посланник с другого света пришел за душою Никифора, протягивая к нему свои костлявые, черные, обросшие волосами руки, на которых длинные ногти казались когтями звериными. С жаром говорил что-то незнакомец. Это был Феотокий, пустынный, уже сорок лет удалившийся в уединенную келью на горах Гемусских.

Никифор опустил руки на стол, гордо поправился на своем седалище и вдруг прервал

речь Феотокия:

— Я не затем призвал тебя к себе, отец Феотокий, чтобы слушать все, что слышал уже я сто раз в жизни моей.

"А я затем пришел к тебе, — отвечал сурово пустынный, — чтобы повторить тебе в сто первый раз, что уже слышал ты сто раз прежде. Вы, сильные земли, вы такие же люди, как другие, и к вам так же относится притча о сеятеле Евангельском, как и ко всякому из последних подданных ваших: вышел сеятель на дело свое, сеял пшеницу, и часть зерен его упала на камень и погибла туне; часть упала близ пути и была расхищена птицами небесными. Сердца сильных подобятся тому и другому: камением становятся они среди славы и почестей, и туне гибнут на них семена добра; остальное расхищают у них птицы хищные — лесь и коварство рабов их. Если богачу, по слову Евангельскому, труднее войти в царствие Божие, нежели вельбуду пройти в уши иглиные, кольми паче тесен путь тому, кто кроме богатства пресыщен в мире властью и силою"

— Ты смотришь только на блеск и счастье

внешнее, святой пустынник; твоя мудрость, твое провидение не проникают сквозь кору величия, окружающую сильных земли. Ты угрожаешь им наказанием, лаская нищего наградою; ты видишь в них каких-то счастливых, как будто золотом и величием они уже купили себе счастье и благоденствие. Как ошибаешься ты, как не понимаешь истинной судьбы великих! Нет! не к нищему прибегнул бы ты с утешением, не в хижину бедного страдальца пошел бы ты с отрадою веры, но — к сильному властителю, в его великолепный чертог. Здесь подивился бы ты бедности человека и суете мира! Ты увидел бы отличенного среди других людей, уставшего от жизни, исполненной трудом, от славы, ничем ему не льстящей более. Одинокий среди толпы, без любви, ибо нечем оценить и испытать ему любви ближнего, без дружбы, ибо для дружбы надобно быть равным со своим другом, он живет скорбию за всех и не живет радостью за самого себя. Нищий, добывши кусок хлеба, утирает слезы и засыпает спокойно, а сон великого владыки тревожит дума тяжелая. Взвесив людскую добродетель

на золото, испытав унижение мудрости, едва только польстит ей награда — он теряет веру в мудрость и добродетель людей. Всякий отвечает только за себя — за миллионы других отвечает он...

"И счастьем миллионов может он искупить свое счастье на земле и блаженство на том свете. Неужели ты думаешь, что подвиг его не оцениется..."

— Людьми? Никогда! Неблагодарные, низкие рабы страстей, легкомысленные, они за первую скорбь свою забывают годы благоденствия; пагубное действие страстей и пороков своих приписывают страдальцу — властителю своему; наказание Божие за разврат свой — его грехам. В то время, когда все силы ада истощают свои искушения против мудрости и добродетели властителя их, тщетно вызывает он мудрость и добродетель из среды своих подвластных — ему откликаются только месть и низость, жадность корысти и безумие! И при первом голосе вражды и злобы — клики негодования потрясают всю толпу народную...

"Не о людях хотел я говорить, не об их бла-

годарности и цене подвига в глазах их. Можешь ли ты требовать от них чего-нибудь? Туне приявший, туне давай. Смеешь ли за благодеяние требовать награды? Какая же твоя добродетель, если она награды требует, какое твое благодеяние, если благодарности ищет? Какая любовь твоя, если она есть плата за любовь ближнего? Разве того требовал от тебя Спаситель, разве для того искупил Он души христиан своим страданием? Не Он ли означил долг твой, долг христианина: любите враги ваши, добро творите ненавидящим вас, и молитесь за творящих вам напасть и изгоняющих вас? Разве обещал Он нам любовь за любовь, добро за добро, благо за благо? Нет! Он велел радоваться и веселиться тем только, кого поносят и ижденут, и рекут всяк зол глагол, лжуще на них, его ради. Он обещал утешение только плачущим, насыщение только алчущим и жаждущим правды, царствие небесное только изгнанным правды ради. Тако глаголет Господь! Сильные земли не знают глада и жажды, холода и бедности вещественной; но их доля глад душевный, жажда сердечная, холод одиночества среди величия,

бедность радостей среди богатства. И велика, священна, блаженна доля их: на них тяжкий крест Господень, на них сильнейшее искушение, на них подвиг, паче подвига тысячей! Блаженны сильные, не по силе, не по богатству, не по величию, но по труду, с каким должно им достигать царствия Божия, по тяжести креста на них возложенного, по долгам, какие должно им заплатить миру! Когда подданные их несут на себе бремя малых обязанностей — владыка подымлет гору на плеча свои — и велика доля его здесь — велика будет и там!"

— О святой муж! Не это ли и должно приводить его в отчаяние, когда он, человек, как другие, должен иметь нечеловеческие силы для побеждения страстей и обольщений, нечеловеческий ум для управления делами царства своего! И Божественный Учитель наш взалкал от сорокадневного поста в пустыне: как не взалкать душе человека в бесплодной пустыне славы, томясь в одиночестве степей величия!

"Есть басня языческая — но и языческая мудрость также может служить в поучение

христианина. Был в Индии царь, которому предложили исполнить все его желания. Чего же вожделем безумный? Чтобы все, к чему прикоснется он, превращалось в золото. Совершилось — и хлеб, и плод, и яство золотело в руках его, и несчастный умер, томясь голодом среди громад злата. Не так ли поступаете вы, сильные земли? Не премудрости, не добродетели просите вы, но молитесь, да превращается все в руках ваших в славу, в победу, в злато, которого не знаете вы куда девать, в богатство временное, сокровище бедное, иже тля тлит и татие подкапывают. И горе тебе, владыка Царьграда, если ты отчаялся уже до толикой степени, что забыл молитву, забыл, что по молитве благочестивого Иезекиа солнце удалялось от своего течения и тень солнечная отступала на семь степеней! Или забыл ты, что на главе властителя людей почиет дух Божий, с того дня, когда Господь избирает его из среды других людей, да властвуют во имя Его — им бо царие царствуют и сильные пишут правду? Призывай Бога — и услышит тебя, и придет помощь Его от Сиона и сила Его от среды небес!"

— О муж благочестивый! Могу ли я, грешен будучи, помышлять о примере Иезекиа; но если кто более моего желал и желает счастья подвластным его, готов более моего жертвовать для блага своего царства — пусть станет предо мною и вержет на меня осуждение!

И пустынный восстал со своего седалища; огромный рост его отразился исполинскою тенью. Он поднял перст, и тень руки его протянулась на позолоченной стене, как некогда таинственная рука, начертавшая на стене чертогов Вальтазара судьбу сего горделивого царя вавилонского.

"Владыка Царьграда! страшись даже и тени гордости! Ты ли осмелишься стать на суд пред Господом? Что твои добрые и благие помышления, если ты не исполняешь их на деле!"

— Нет! Я истощаю все силы мои для исполнения их...

"Что же? — возразил пустынный с усмешкою. — Твое царство и благословляется славою и победами. Имени Никифора трепещут отдаленные народы Востока..."

— Так, но не вижу ли тяжких наказаний и гнева Божия в язвах, посылаемых на царство мое...

"Ничего! Спроси философов — они уверят тебя, что все это происходит естественно, от причин обыкновенных; что нет таинственных судеб Божиих в этой буре, свирепствующей теперь над Царьградом и губящей корабли и людей, когда ни единый волос не падает с головы человека без воли Божией! Спроси у математиков о причине землетрясения: они изъяснят тебе, что причиною тому некоторые пары, в недрах земли заключенные, переходящие в сильный ветер, который, не могши скоро вырваться из недр земли на воздух, по причине тесноты отверстий, крутится, волнуется, и таким сильным движением потрясает подземное пространство и колеблет все окрестные места, доколе, вырвавшись из своего заключения, не рассеется по воздуху..." [9]

— Отец святой! Я ждал от тебя отрады и утешения, как болящий от врача, — сказал Никифор, скрывая гнев свой, — а ты насмеяешься над моею скорбию.

"Что же могу я сказать, если ты думаешь

благо и поступаешь благо, по словам твоим? Я не врач, а ты не болящий. Ты владыка Царьграда — я бедный грешник, не знатного рода, грешник, не дерзающий даже, по слабости своей, облечь себя в платье инока, да не паду под тяжестью иноческого жития. Предвижу, что хочешь ты мне сказать: ты одерживаешь победы — и не видишь конца врагам внешним, и победы не приносят пользы твоему царству; ты желал бы любви подданных — они не любят тебя; ты желал бы правосудия от судей своих — и видишь одно хищение, мзду, корысть и искривленные весы правосудия; ты хотел бы видеть процветающую мудрость в царстве своем, и, едва допустишь ее предстать пред тебя, говорить тебе, — видишь одно тщетное мудрование, одну прелесть бесовскую в душах и умах лжемудрецов..."

— Ты угадал мои мысли.

"Я доскажу тебе их до самой глубины твоего сердца! среди своего величия, ты трепещешь даже за собственную жизнь твою; потрясающий пределы Востока оружием — ты боишься измены, хитрости рабов твоих; ты

опасаешься — жены своей!"

Никифор содрогнулся невольно.

"Недавно, когда торжественно и гордо вступал ты во храм Божий, бедный юродивый подал тебе записку, в которой было написано: "Трепещи, Никифор — близка смерть твоя!" И с тех пор ты трепещешь смерти своей, и записка не расстаётся с тобою..."

— Вот она! — воскликнул Никифор, вынимая записку из своего кармана.

"Еще более: сего дня, не более, как с час, подали тебе другую записку, в которой было написано: "Никифор! берегись нынешнего дня — блюдись той, которая уже погубила твоего предшественника!" — В трепете, ты послал осмотреть чертоги жены твоей, разведать: не скрывается ли там убийца; велел умножить стражу окрест дворца твоего; по всему Царьграду ходят воины твои и ища злодеев, грабят и бьют невинных подданных твоих".

— Вот эта другая записка! Не знаю, как она очутилась на этом столике.

"Вели пытаться окружающих тебя — может быть, они скажут, что хотели испугать тебя,

испытать твое мужество ложным слухом. Поди в свою оружейную — там уже давно ожидает тебя постельничий твой: он еще раз осмотрел весь дворец, все тайные чертоги жены твоей — поди к нему".

Молча встал Никифор и вошел в оружейную. Действительно, там ожидал его верный слуга, некогда бывший дядькой его, постельничий Михаил. После прихода своего от Феофании Никифор действительно увидел на столике записку, ужаснулся, велел Михаилу тщательно осмотреть весь дворец свой и особенно отделение Феофании.

"Великий повелитель Царьграда и всего Востока! — сказал постельничий, преклонив колено. — Исполняя твое высокое повеление, еще раз осмотрел я, по приказу твоему, все отделения дворца и ничего не нашел, что бы могло смутить в сию ночь сон твой. Всюду тишина; верность блюдет входы и выходы твоего жилища; заговорщики посажены в тюрьму, по твоему приказу, окованы двойными цепями. Царьград спокоен и исполнен воинами, которые не пропустят ни единого подозрительного человека без осмотра. В гавани

умножена стража".

— Кто находится на страже около Вукалеона?

"Твой любимый легион стальноносных".

— Раздана ли им новая награда?

"Они приветствовали тебя кликами радости, когда раздавали им твою новую милость".

— А пирующие в чертогах супруги моей?

"Весь чертог, где происходит пир, окружен воинами, и ни один из пирующих там не будет пропущен без осмотра при выходе, без наблюдения о том, куда идет он — я сам спешу туда".

— Нет! Ты останешься здесь. Михаил! бодрствуй, умоляю тебя во имя Бога, и — не будет меры милости моей, если завтра Никифор останется еще на царьградском престоле!

"Государь! позволь мне, ничтожному рабу твоему, сказать: тебя смущают ложными опасениями!"

— Вот где кроется главный смутитель мой! — воскликнул Никифор, ударив себя в грудь. — Иди, Михаил! И горе тебе, если сон прикоснется очам твоим в сию ночь!

Михаил удалился. Несколько минут в безмолвии стоял Никифор. "И я не усну в нынешнюю ночь — если только не усну сном вечным, — сказал он. — Завтра оставлю я Царьград — пора в битвы, пора в шум воинский — там сделался я императором Царьграда, там и безопасен я буду. Здесь изныло сердце мое. Мне кажется, что в этом постоялом доме владык Византии самые стены дышат изменою. О, солнце! взойди скорее, разгони лучами своими темноту ночи и темноту моих сомнений! Как сладостно отдохнул я, когда за два часа перед сим пришел с доверенностью к Феофании... А теперь опять тревога, опять сомнения!.. Мне надобно послать стражу к дому Цимисхия... И она показалась мне такою смущенною. Отчего? Что могло тревожить ее? Велю окружить ее стражею, призову ее к себе — отдам ее в заключение на эту гибельную ночь... Но могу ли надеяться на чью-либо верность? Как прокрался в опочивальню мою тот, кто положил эту ужасную записку? Ее положила человеческая рука. Неужели чудо совершилось для моего предостережения? Велик Господь, хранящий бытие последнего

червя!.. Впрочем, по всем вычислениям Синезия и товарищей его, судьба благоприятствует мне... Не согрешил ли я однако ж, вопрошая о судьбе моей тщетную мудрость человеческую? Боже милостивый! пойду испытать судеб твоих от сего вдохновенного старца — он грозен, как судьба; как будто мечом, обоюдоострым, поражает он словами своими...

Но точно ли вдохновенный божественною премудростью говорит Феотокий? Если и он хитрый обманщик, если и он убийца, который только обольщает меня? Если он сам писал обе записки! Почему знает он все, проникает самые сокровенные мысли мои?.. О, если..."

Никифор взял острый кинжал и спрятал его под свою одежду. Он вошел в опочивальную и увидел, что Феотокий спал крепко на своем сиденье. Свет отражался на лице его от горящих на столе светильников, и лицо Феотокія уподоблялось лицу египетской мумии, с закрытыми глазами.

Тихо подошел к нему Никифор и старался угадать: не скрыто ли какое-нибудь оружие под власяницей старика? Верхний край одеж-

ды его раскрылся немного; видна была косматая грудь Феотокия. Так! Никифор не ошибается — что-то блестящее видно из-под одежды. Кинжал?

Он тихо протянул руку к груди старца, и — ощупал тяжелые железные вериги на иссохшем теле его.

Феотокий проснулся. Никифор отшатнулся от него. "Я наслаждался, отец мой, видя, как спокойно спит праведник", — сказал он, скрывая смущение.

С усмешкою посмотрел на него старец. "Лесть для меня ненужная монета, владыка Царьграда — у меня нет на нее товара".

Никифор сел на прежнее свое место.

— Благочестивый старец! — сказал он, — позволь мне просить тебя написать мне молитву, которую слышал я некогда...

"Молись, как умеешь, властитель Царьграда, — сурово отвечал пустынный. — Бог слышит молитву, если человек не будет даже произносить устами, но только будет думать: "Господи, помилуй!" — Впрочем, я готов бы исполнить твое желание, но не могу — я не умею ни читать, ни писать".

— И знаешь, что пишут другие?

"Человек суетный и грешный, ты, который страшится смерти, ходя во тьме и сени смертной! Неужели воображаешь ты, что я не читаю тайной мысли твоей, не вижу помышлений твоих, не слышал прикосновения дерзких рук твоих к моему телу? Твоя недоверчивость коснулась этим веригам, которыми обременяю я грешное тело мое и которых доньше не видал ни один смертный! Не тщеславие мое открыло тебе существование их, но твоя недоверчивость".

— Прости меня, муж благочестивый!

"Доволен ли ты наконец безопасностью твоею, крепка ли стража твоя, владыка Царьграда? Весело ли пирует жена твоя и рабы твои, окруженные мечами твоих прислужников? Отпусти же меня — ты высказал мне все: и то, как боишься ты смертного часа, и то, как проводишь ты бессонные ночи, и то, как тревожит тебя тень ночная..."

— Остановись, муж таинственный, сядь и внемли. Так, перед тобою не владыка Царьграда, но бедный, суетный, смущенный грешник. Помнишь ли ты это отдаленное время,

когда, двадцать два года тому, в царствование блаженного императора Константина, Царьград слышал о смерти Лакапина? Блуждая по горам Фракии, после разбития наших полков венграми и булгарами, я пришел, утомленный бегством, в твою келью, и ты предложил мне хлеб и соль, успокоил меня и на другой день указал мне дорогу в стан римский?

"Помню".

— С тех пор узнал я тебя, скрывавшегося от всего мира, от всех людей. Помнишь ли, что говорил ты мне, отпуская меня?

"Помню".

— "Никифор Фока! — говорил ты мне, — будь благословен благословением великим! Не прикоснется тебе никакое зло, и велика будет судьба ожидающая тебя; багряные сандалии оденут стопы твои и золото венца будет на главе твоей!" — Ты снова затворился в келии своей, и я не видел тебя, пока не сбылось твое прорицание. Ты явился мне в другой раз, когда я поставил лагерь верных воинов моих под стенами Царьграда, призываемый ими к престолу. Ночной приход твой в ставку мою изумил меня, и снова слышал я тогда мудрые

речи твои. Теперь вижу тебя в третий раз...

"Но теперь — не я пришел к тебе, а ты сам призвал меня".

— Да, и еще раз хочу слышать речи твои, благочестивый старец; никогда не были оне мне так потребны, как теперь...

"Я все сказал тебе, когда ты видел меня в другой раз — теперь у меня нет более речей для тебя. И кому буду я говорить их? Никифору Фоке все сказал я на горах фракийских; Никифору императору все сказал под стенами Царьграда".

— Мудрость божественная неистоцима.

"Хорошо. Теперь ты сам меня вызвал, как царь Израиля вызвал некогда тень пророка в Эндоре. Говори же, что желаешь ты слышать?"

— Муж благочестивый! не сомневаюсь, что тебе, твоей прозорливости, открыто все будущее — скажи мне грядущую судьбу мою!

"Муж, суеты и гордости исполненный! для чего вопрошаешь ты? Если Божия воля сокрыла от смертных будущую их долю, для чего хочешь видеть то, чего Бог не соизволил открыть человеку? Тщетное любопытство,

мелкая забота о жизни, о том, что вы называете счастьем — вот что заставляет вашу ничтожную пытливость требовать изъяснений будущего, и, ослепленные суетно, вы готовы просить о том людей, вдохновенных Богом, людей, предавших душу свою духу тьмы. Даже те, которые боятся отдать себя демону, недостойные благодати Божией, даже те могут обольщать вас тщетным волхвованием, ложными предсказаниями, хитрыми уловками — вы всему верите... только истинной веры не имеете вы и не знаете. Так некогда все было Богом, кроме истинного Бога! — Не сегодня ли еще ты испытывал судьбу, вопрошая своего лжемудреца Синезия? Теперь прибегаешь ко мне... Никифор! суди сам себя, и познай свое ничтожество! И что хочешь ты ведать? Если завтра должно умереть тебе, если ты можешь прожить еще год, десять лет — падешь ли под кинжалом убийцы или умрешь на одре болезни — стоит ли заботы знать для этого будущее? Молись об одном, да умрешь не во грехах, но с молитвою и покаянием!"

— Но ты предсказал мне некогда будущее.

"Да, и высокую цель указал я тебе, и будущее было раскрыто перед тобою, для того, чтобы ты оценил великий подвиг, предназначенный тебе Богом. Избранным открывается будущее, хотя они сами того не постигают: так еще в колыбели избранного тревожит великая его будущность; так убеждается он в великой своей будущности, зрит там, где слепотствуют другие и управляет людьми и событиями, временем и стихиями — горы равняются перед ним, море утихает, люди покорствуют, страсти их рабствуют. Ты был бедный воин, бегствующий от врага, безвестный, когда я предрек тебе власть над Царьградом и сказал тебе твою будущность. Теперь мне нечего тебе говорить: будущего для тебя нет!"

— Нет? — с ужасом вскричал Никифор.

"Есть, бедный смертный, есть, если ты называешь будущим еще несколько часов, дней, лет бесславного существования — нет, если оно бесплодно для славы Бога, для чести и блага твоих ближних, для твоего спасения. Ты не исполнил твоей судьбы — прочь с позорища! Место другим — твоя роль отыграна — прошедшее погублено тобою..."

— Погублено!

"Да, избранник из тысячей! Тебя выбрали судьбы Божии из среды других, да возвратишь славу Богу, мир и благо людям, а ты, что сделал ты в сии шесть лет? Смеешь ли говорить о бесплодном желании добра?

Ты предался суете и гордости, и внимай, чем возблагодарил ты Бога, за его к тебе милость, гордый властитель!

Ты, сохраняя жизнь свою, удалился с полей битвы, забыв, что главу избранного хранит щит Господень, что падает ошую его тысяща и тьма одесную его, к нему же смерть не приближается.

Завидуя другим, боясь возвышения других, ты изгонял доблестных, преследовал их и предал победу в руки врагов.

Ты воевал не во славу Бога, но из тщетной гордости; тщеславился там, где должно было Ему приписать величие.

Ты соединил руку твою с рукою убийцы царя и развратную жену возвел на ложе свое, ослепленный ее красотой.

Ты собирал в сокровищницу твою кровь и слезы твоих подвластных; копил злато, а ты-

сячи гибли от голода, холода и труда, когда бесполезное сокровище лежала в казне твоей.

Ты обманул служителей церкви и, быв духовным отцом детей Феофании, клятвою утвердил, что не ты, но отец твой был их восприемником — седины отца твоего сошли во гроб посрамленные ложным свидетельством, в угоду тебе.

Ты оскорбил церковь Божию, отняв у нее права, издревле ей утвержденные, и присвоив себе суд над ее служителями, не принадлежащий мирскому.

Се! ответы твои Богу! Се, раскрытая пред тобою книга совести! Ты не хотел сам читать ее — но теперь ты слышал невольно, что написано в ней. Прощай! Зная прошедшее — угадывай сам, что готовит тебе будущее, здесь и — там, Никифор! — там, где грешник возмолится горам, да падут они и уничтожат его... и тщетно возмолится, проклиная бессмертие греха своего!"

Опустив голову, безмолвно сидел Никифор, как будто ангел-обвинитель читал перед ним раскрытую книгу судеб. Грозным привидением стоял перед ним Феотокий, подъяв

грозящую десницу свою.

— Остановись! — воскликнул Никифор, когда Феотокий приблизился к дверям комнаты, — остановись, скажи одно: буду я еще жить?

"Буду ли еще властвовать, хотел ты сказать. Что тебе жизнь без власти?"

— Нет, буду ли жить, для того, чтобы искупить прошедшее будущим, раскаяться в грехах моих и загладить их добром!

"Семя, на камне восшедшее, быстро процветает и быстро погибает. Раскаяться недолго. Но что годы? Молись, Никифор, молись, да не погибнешь во грехе!"

— Неужели судьба моя совершилась!

"Не знаю, и если бы знал, для чего скажу тебе? В эту минуту, когда ты трепещешь будущего, что заставляет тебя трепетать? Потеря временных, суетных честей, злата, тобою собранного, наслаждений, в которых ты утопаешь. О прелесть мира! твоя волна есть волна адского океана, и мчит человека в недра погибели! И почто тебе вопрошать меня? Во глубине души твоей скрывается тайное чувство, что я обманщик, что я, может быть, сообщник

злодеев и убийц".

Как будто масло, на огонь брошенное, вспыхивает огненным столпом, так вспыхнул от сих слов гнев Никифора.

— Да! — воскликнул он, — всепроникающий, я проникну тебя, я узнаю истину в тебе!

"За чем же стало? — спокойно возразил Фетокий, — призови рабов твоих, вели взять меня, обременить оковами, бросить в тюрьму. Ты еще колеблешься? Я исполню волю твою!"

Он взялся за снурок и сильно дернул его. Еще не успел опомниться Никифор, Михаил и несколько воинов вошли в комнату.

Никифор молчал. "Говори же, приказывай, владыка Царьграда! Или я должен заступить место твое и повелеть вместо тебя? Хорошо! — Внимай, раб владыки царьградского: ты видишь пред собою человека, подозреваемого твоим владыкою; возьми этого человека, осмотри, нет ли у него скрытного оружия, закуй его в цепи, отведи его в тюрьму и строго наблюдай за ним, пока могущий властитель твой решит его судьбу. Этот человек — я. Исполняй надо мною веление твоего властителя."

ля".

В изумлении смотрел Михаил; безмолвствовал Никифор. Только бледность лица, вздымавшаяся грудь, нахмуренные брови показывали страшное волнение души его.

"Или я не так приказал, как желал ты? — сказал Феотокий. — О! так говори же сам, если этого мало: вели предать меня пытке, вели изломать мои руки и ноги, вбить гвозди под ногти мои, капать на меня холодною водою, когда раскаленный стул будет в то же время сожигать меня — решай скорее участь мою — я утомился, я хочу отдохнуть, и как благодарен я тебе буду, если ты успокоишь меня от жизни суетной, отделишь меня ударом топора от царства греховного..."

— Михаил! — сказал Никифор тихо, — возьми этого старика, но не смейте оскорблять его единым словом; отведите его в железную комнату — он должен оставаться под надзором твоим. Завтра ты узнаешь мое решение.

"Завтра! — с горестию воскликнул Феотокий, — завтра..." — и слезы потекли из глаз его. Еще раз остановился он, хотел что-то ска-

зять, но удержался и поспешно оставил комнату. Воины следовали за ним. Михаил остался с Никифором. Долго стоял Никифор неподвижно, взглянул, увидел Михаила и со страхом спросил его "Зачем остался ты, Михаил? Что тебе надобно?"

"Великий владыка! прости меня — я хотел сообщить тебе неожиданную весть..."

— Какую весть? Что такое?

"Государь! церковь, воздвигнутая тобою близ Влахерских чертогов..."

— Продолжай, Михаил! Что ж ты остановился? — сказал Никифор, скрывая свое смущение. — Продолжай, я все готов выслушать, если бы ты известил меня даже о заговоре на жизнь мою моего родного брата...

"Владыка Царьграда и всего Востока! Мне принесли известие, ужаснувшее весь Царьград — церковь эта, память великих побед твоих... Впрочем, естественные причины объясняют все дело, и, вероятно, празднословие прибавило к тому странные подробности..."

— Оканчивай, раб ничтожный!

"Церковь эта упала".

— Как! Она упала? Что это значит: упала?.

"Упала, великий властитель, как будто кто потряс ее в основании".

— Я не слышал землетрясения.

"Его и не было, государь".

— Отчего же упала она? Следственно, издавна грозила она падением? следственно, худо была она построена? Вероятно, это был заговор, чтобы в то время, когда буду я в ней, она упала и задавила меня? Злодейство не удалось. Завтра же зодчим выколоть глаза... Что хочешь ты сказать? Ты думаешь видеть в этом чудо, предвещание, слабый старик, предвещание моей гибели, как будто твердые камни потряс и разрушил ангел — предвестник моей кончины? Но не сам ли ты говорил, что ты осмотрел все чертоги дворца Вукалонского и ничего не видал, никого не нашел ты — все спокойно, все мирно...

"О великий властитель! кто может повредить, что предзнаменует это страшное знамение! Да будет благословенно царство твое, да сохранит тебя Господь — вот одно, что скажет тебе раб твой!"

— Михаил! Помнишь ли ты то время, когда еще не был я властителем царьградским?

"То время, когда победа славилась тебя только как первого полководца римского, второго Велизария, второго Сципиона..."

— О, нет! Тогда уже не знал я ни радостей, ни счастья, ни спокойствия... Я говорю о том времени, когда каждую минуту считал я радостью, засыпал для счастья, просыпался для наслаждения, видел единое добро в людях, не знал разноречия между их словами и делами, между их сердцем и устами, в мече видел одну игрушку моей праздности...

"Великий властитель!"

— То время, когда ты надзирал за мною и предостерегал меня от падения, когда одно усердие окружало меня, никто не ненавидел меня, и рассказ твой об Александре Македонском, о царе Константине, об Ираклии и Велизарии представлял мне в будущем бесконечную даль величия и радостей — когда был я ребенком, а ты дядькою моим...

"Великий властитель!"

— Ты не называл меня тогда великим властителем, и я не знал, какой страшный смысл заключают в себе все эти льстивые титулы и как тяжела жизнь владык и жизнь человеке-

ская... О Михаил! кто, прожив на свете пятьдесят лет, не обратится после того с сожалением к младенческим летам своим, не назовет их единственным блаженным временем жизни, тот — кто бы он ни был — тот или безумец, или ангел в образе человека...

"Утешься, властитель Царьграда! Милосердие Божие наказует нас тяжкою думою для нашего поучения..."

— Довольно, старик, поди, исполняй свою должность; я успокоюсь немного, и вскоре сам явлюсь осмотреть дворцовую стражу.

Но Никифор не успокоился, оставшись один. Долго сидел он, погруженный в тяжкую, мрачную думу. Иногда вдруг размахивал он руками, щупал кинжал, скрытый у него под платьем; иногда с содроганием прислушивался к порывам бури. То вставал он и хотел позвать в комнату свою Михаила, то оставался и начинал опять ходить в своей оружейной, в своей молельной.

Вдруг остановился он. "Сам я написал в наставлении вождям: "Полководец! тебе должно со всем вниманием смотреть и иметь неусыпное попечение, чтобы никакое намерение и

никакой замысел врагов не были тебе неизвестны"... Исполняю ли я это для самого себя? Но кто и где теперь враги мои?.. Подозреваю даже и этого старца, пустынноика вдохновенного — тяжки речи его, и неужели устами его говорят измена и ухищрение? И моя супруга окружена стражею; и Цимисхий, открывший мне этот ужасный заговор, и он обращает на себя мое страшное подозрение... Нет! не люди, но сам я, грехи мои, злобы мои восстают против меня... Неожиданное падение храма...

Молитвы, — вдруг воскликнул Никифор, — молитвы потребны душе моей! Кто из смертных ведает, что грядущий день озарит еще раз очи его светом своим? О святая молитва, божественный бальзам неба, переданный смертным для возлияния на раны души их! О ангел Божий, сближающий полетом своим душу человека с престолом Божиим, дочь покаяния, мать помилования, сестра невинности, спутница надежды, подруга любви, любимица веры... Приди ко мне, внуши мне слова, которыми умолю Господа моего..."

Он стал на колени перед образом, горячие слезы полились из глаз его; он плакал; он ры-

дал; успокоение оживило душу его; чувствуя утомление телесное, он не пошел в свою опочивальню, но передвинул к тому месту, на котором молился, барсовую кожу с красным войлоком, и на них преклонил свою голову. Сон одолевал его — Никифор засыпал — вдруг очнулся он — еще раз ощупал кинжал свой — опять начал засыпать — опять очнулся с содроганием — и вскоре глубокий сон отягчил его, не принося облегчения ни душе, ни телу. Сквозь сон бормотал он что-то. Умысел, казнь — вырывались из уст его; он стонал во сне, как будто поражаемый кинжалами убийц. А между тем...

Бог ведает, что удержало Никифора в дворце Вукалеонском, огромном, бесконечном здании, исполненном тайных переходов, подземелий, комнат, где могли скрыться, куда легко могли прокрасться измена и убийство, никем не замеченные. Мы видели, что еще за несколько дней неизвестно кем написанное остережение вручено было Никифору во время шествия его в Софийский храм; но может быть, открытие Цимисхием заговора "синих" и "зеленых" успокоило Никифора. Он не оста-

вил Вукалеона, сомневался, трепетал, подзревал всех, умножил стражу, сам надзирал за неусыпностью ее, но не оставлял Вукалеона. Когда, неизвестно как, очутилось новое извещение в опочивальне его, в то самое время, когда он призвал к себе Феотокия, услышав, что сей пустынный явился в одной из царьградских обителей, когда это извещение встревожило его, почему не хотел он обезопасить себя взятием под стражу Феофании и Цимисхия? Но он любил Феофанию; увлеченный ее красотой, он в самом деле нарушил уставы церковные, уверив патриарха и святителей, что не он, а отец его был восприемником детей Романа. Подозрение на Феофанию в насильственной смерти Романа было так темно и неопределенно; говорили все, истины не знал никто; многие думали, что Роман умер от неумеренности в забавах и излишнего движения на охоте. И должна же быть мера опасений и подозрительности? Феофания, которую за час до того видел Никифор, слабую, прелестную женщину; Цимисхия, который за день перед тем открыл ему тайну заговора и теперь отправился на азийский берег проли-

ва забирать заговорщиков — их взять под стражу, им определить темницу уделом! А если, после того, она и он окажутся невинными? Ее обвиняло какое-то неопределенное предвещание опасности, а Цимисхия ничто, даже и это не обвиняло, а все оправдывало? И наконец, есть нечто в душе человеческой, неизъяснимое, боязнь, трепет, недоумение в минуты роковых решений судьбы, есть что-то похожее на предчувствие бедствий, которое сочувствует и не может разрешить человек, уныние, недоумение, тоска предсмертная — то чувство, которое высказал поэт, говоря, что в такие мгновения исходят человеку —

*...на дух боязнь, на мысль недо-
уменье,
Предзнаменующи великого па-
денье,
И он, как лютый зверь, стра-
шилище лесов,
Гонимый ловчими, преследо-
ван от псов,
В расставленную сеть стре-
мится торопливый.*

Да, Цимисхия ничто не обвиняло и все

оправдывало. Удаленный завистью Никифора с поприща воинских подвигов, два года жил он вне Царьграда, в уединении своем, и самый зоркий глаз соглядатая не мог ничего открыть, ни в делах, ни в словах его. Призванный в Царьград, он явился кроткий, покорный, беспечный, обрадованный милостью. Проникнув умысел "синих" и "зеленых", он показал свой ум, и как некогда отдал он Никифору венец императорский, так теперь еще раз обезопасил жизнь его открытием страшного заговора. По его указанию, нашли в домах Афанаса и Порфирия заготовленное оружие, захватили галеры, на которых готовились плыть в Царьград заговорщики, переловили главных зачинщиков, рассеяли остальных, взяли приготовленные ими сокровища, нашли их переписку. Так ли поступает изменник, как поступил Цимисхий? Но тем более глубочайшею тайною покрылось собственное злоумышление Цимисхия, его заговор на жизнь Никифора. У Цимисхия не было собственно заговора, не было сообщников, не было заготовленных сокровищ, орудий, галер. Один был у него заговорщик — он сам; один

сообщник — Феофания, утомленная суровым нравом, ревностью, подозрениями своего супруга, жадная забав, наслаждений, любви — женщина, переступившая одиножды предел добродетели, кипящая страстями. Несколько убийц, изгнанников, ненавидящих Никифора, составляли всю партию Цимисхия, сами не зная друг друга, и только с удивлением сошлись они к тайной двери Вукалеона, в час, назначенный Цимисхием, когда буря прикрыла их от всех взоров, и Цимисхий, находившийся на азийской стороне Босфора для захвачения "синих" и "зеленых", тайно, подвергая жизнь свою опасности, переплыл через пролив, прямо к Вукалеону. "Чего страшишься? Цезаря везешь!" — говорил он, когда испытанный в битвах и опасностях Лев Валант указывал ему на бурное море и утверждал, что безумно пускаться на явную гибель. Ключ от тайного подземного перехода вырвал Цимисхий из рук Феофании и ввел убийц в чертоги Вукалеонские. Кроме Льва Валанта, преданного Цимисхию с самой юности, товарища битв и буйных бесед его, расточившего имение на развратных женщин и

пиры веселые, кроме Валанта, который всего надеялся от возвышения Цимисхия, и кроме самого Цимисхия, их было шестеро — только шестеро; но это были Михаил Вурз, Лее Песиодид, Антипофеодор, убийца Романа — люди, о которых Цимисхий говорил Феофании; Феофил Кирик, фанатик, беглый монах, расстрига, осужденный Никифором на вечное заключение в отдаленный монастырь; аравитянин Сулейман, детей которого казнил Никифор, когда они, приняв христианскую веру, отреклись потом от нее; наконец, сотник Феодор, поруганный Никифором во время похода его к Тарсу. Строгий наблюдатель воинского порядка, Никифор увидел на дороге тяжелый щит, брошенный одним из воинов. Приучая войско к трудам, Никифор приказывал совершать походы в тяжелой воинской броне и всем оружию. Щит был поднят и принесен в лагерь. Созвали легион, к которому принадлежал воин, бросивший щит, его уличили в вине его, и тщетно умолял он Никифора простить ему вину. "Возьми этого подлого, слабого труса, — говорил Никифор, обращаясь к сотнику Феодору, — высеки его розгами, от-

режь ему нос и води его по всему лагерю, в страх другим!" — Феодор сжалился над бедным воином, думал, что Никифор отдал приказ в минуту гнева, медлил исполнением и через два дня с ужасом услышал повеление Никифора: его, сотника, патриция, высекли перед легионами, отрезали ему нос и водили по всему лагерю как пример наказания, которое постигнет каждого нарушителя императорских повелений и воинского порядка! — Удивлялись потом многие, что постельничий Михаил, дважды осматривая по повелению Никифора весь дворец Вукалеонский, посетив даже тайные чертоги Феофании в ее отсутствие, ничего не видал, ничего не заметил. "Неизвестно, — говорит один из современников, — от страха ли к государыне или от медлительности своей, или от некоего помешательства в уме, он оставил без всякого обыска ту комнату, в которой скрывался отряд злодеев" [10]. Напротив, Михаил совсем не знал тайного прохода через подземелья, от спальни императорской к самому тому месту, где на взморье подле дворца поставлен был огромный лев, терзающий вола, от чего Вука-

леон получил свое название [11]. Этим проходом тайно выходил некогда Роман на ночные гулянья по Царьграду, переодетый, скрывая свое величие и скучая обыкновенными забавами по уставу. Цимисхий разделял с ним эти буйные прогулки, и из всех прежних товарищей, знавших тайный проход, оставался он один — прочие уже не существовали в это время, жертвы смут, бывших после Романа, и неумеренности наслаждений. Ключ подделан был тайно Феофанией к скрытной, заржавелой двери прохода, и через него проходил Цимисхий на преступные свидания с Феофанией.

Когда Цимисхий ввел семерых товарищей своих в тайный проход, и при свете фонаря они разглядели друг друга.

— Что ты хочешь делать с нами, Цимисхий? — спросил его безносый Феодор.

"Твое дело исполнять, что я велю!" — сурово отвечал Цимисхий.

— Но неужели нас только?

"Да".

— Но, конечно, Вукалеон стережет не одна сотня ратников, и по первому знаку Никифо-

ра не достанет по волоску нашему на человека.

"Ты робеешь, безносый трус?"

— Нет! но надобно подумать о своей жизни.

"Тебе думать о своей жизни, когда я жертвую моею жизнью? Иди вперед, трус презренный, или мы пойдем через труп твой! Не правда ли, товарищи?"

— Да здравствует Цимисхий! — глухо раздались голоса других под низкими сводами подземного прохода.

"Обнажите мечи и следуйте за мною!"

Сквозь душное подземелье, где от спертго воздуха свеча тускло горела в фонаре, Цимисхий пробрался наконец до лестницы, ведущей к опочивальне Никифора. Он остановился у дверей. Стоило повернуть скрытую пружину, и он и товарищи его вступили бы в опочивальню.

Но здесь, в ту минуту, когда от одного движения руки зависело решение судьбы Никифора и Цимисхия, когда случай должен был кончить все, что годами обдумала и приготовила ненависть и злоба Цимисхия — остано-

вился Цимисхий.

Да, все могла подарить ему и все разрушить одна минута! Цимисхий был уверен, что Никифор находится в опочивальне; тысяча против одного, что он спит в такое позднее время; пройдена стража, скрыты все следы — стоит отворить дверь...

Но если что-нибудь смутило сон Никифора? Если он не спит, если его нет в опочивальне?.. Какое безрассудство, как неверно, легкомысленно обдуман весь план, как можно было на удаче основать его, когда кинжал, яд, стрела изменника могли скрытно и наверно погубить врага тысячу раз, когда в первой битве он мог быть поражен предателем... Если Никифор успеет подать знак страже своей...

Голова Цимисхия закружилась; в глазах его было темно; руки задрожали и фонарь выпал из рук его и погас. Он едва не лишился чувств...

— Что с тобою, Цимисхий? — спросил его Валант.

"Тише! Мы отделены одною дверью от опочивальни!"

— Отворяй же ее, — шептал Валант.

"Я не найду пружины..."

— Мы задыхаемся в этом смрадном подземелье.

"Мы погибли, если не отворим дверь, — прошептал ему Цимисхий. — Я не сыщу обратного выхода в темноте..."

— Идти надобно вперед. Ломай дверь!

"Она железная, и стук услышит Никифор!"

— Боже! — И сам Валант содрогнулся от своего невольного восклицания.

"Что ж мы остановились, Цимисхий?" — спросил Антипофеодор.

Дрожащая рука Цимисхия нашла наконец пружину! но он напрасно вертел ее. Если она испортилась?.. Крупными каплями выступал на лбу его холодный пот...

Но дверь колеблется — она повернулась...

— Тише! Здесь еще другая дверь...

И вот — они в опочивальне. Тусклый свет лампы освещал комнату.

— Валант! поспеши и затвори дверь в оружейную! — Феодор, стань в том углу, где висит звонок...

И с ужасом увидел Цимисхий, что Никифо-

ра не было на ложе — комната была пуста!..

— Он узнал наше предприятие и успел скрыться! — прошептал Цимисхий. И не в силах держаться на ногах, прислонился он к ложу Никифора. Мгновенно пролетела в голове его мысль обо всем, что ожидало его в будущем: ему казалось уже, что окровавленная, отрубленная голова его выставлена на позор и посмешище перед вратами Вукалеона; что он, который мог быть вторым после Никифора, но посрамивший себя злодейством, преступлением, для того только, чтоб быть первым, должен погибнуть, подобно родителю греха, падшему ангелу, который также хотел быть первым...

Ему не пришли в это время на мысль ни упреки совести, ни то, что ожидает его за гробом... Но — минута была ужасна!

Дикие вопли и болезненные стоны поразили слух Цимисхия, когда он стоял в нерешительности. Цимисхий узнает голоса своих товарищей и голос Никифора. Как тигры кровожадные, испуганные опасностью, они бросились искать Никифора в оружейной, в модельной: здесь увидели они его, и — соверши-

лось злодейство!

Пусть хладнокровный историк описывает подробности ужасного события. Повторим только слова его, и не прибавим ни одного слова к его рассказу:

"Как скоро злодеи увидели Никифора, почивающего на барсовой коже и красном войлоке, перед святыми иконами Иисуса Христа, Богоматери и Иоанна Предтечи, где успокоился властитель Царьграда после молитвы, они тотчас обступили его и начали толкать ногами. Едва проснулся он, приподнялся и оперся головою на руку, Лев Валант сильно поразил его мечом. Чувствуя чрезвычайную боль от раны — меч попал в самую бровь, пробил кость, но не коснулся мозга — плавая весь в крови, Никифор воскликнул громким голосом: Спаси, Богородица! Иоанн Цимисхий сел на царское ложе и приказал притащить его к себе. Тогда, привлеченного к нему и на полу распростертого, ибо Никифор не мог при- встать, потеряв геройскую свою силу от удара меча, Цимисхий начал грозно спрашивать: "Скажи мне, безумный и жестокий тиран! не через меня ли восшел ты на римский престол

и получил верховную власть? Как же осмелился ты, увлеченный завистью и безумием, забыть благодеяние и лишить меня, своего благодетеля, начальства над войсками и выслать в деревню, жить в бездействии с поселянами, меня, человека знаменитого рода, храброго, более тебя самого, страшного для войск неприятельских, как будто какого-нибудь преступника? Никто не освободит теперь тебя из рук моих. Говори, если можешь что сказать в твое оправдание?"

Едва дышащий, не имея никакого защитника, Никифор только призывал к себе на помощь Богородицу. Схватив его за бороду, без всякого милосердия, Иоанн исторгал из нее волосы, а другие злодеи с такою жестокостью и бесчеловечием били его по ланитам рукоятками мечей своих, что зубы выпадали у него из челюстей. Пресыщенный мучениями неприятеля, Цимисхий толкнул его наконец ногою в грудь и, обнажив меч, рубил ему голову и другим приказывал поражать несчастного. Они терзали Никифора без пощады, один из них ударил его в спину акуфом и насквозь пронзил до самой груди. Сие железное

длинное орудие совершенно почти подобно носу цапли и отличается от него только тем, что имеет некоторую кривизну и тонкое на конце острие, а цапле природа даровала нос прямой.

Таким образом, живши на свете пятьдесят семь лет, а царствовав только шесть лет и четыре месяца, император Нккифор кончил жизнь свою — человек, без сомнения превосходный пред всеми людьми того времени своим мужеством и телесною силою, деятельный и опытный в подвигах воинских, способный ко всяким трудам, не склонный к телесным удовольствиям, великодушный и благородный в делах гражданских, справедливый в судебных, непоколебимый в издании законов, никем из занимавшихся сими делами непревосходимый, неутомимый в молитвах и всеобщих бдениях, сохранявший твердость духа в священных песнопениях и к суетности совершенно неспособный.

Я имел случай сам видеть его, когда однажды, в праздник Вознесения Спасителя нашего, совершал он по обычаю торжественный ход к так называемой Пеге, где построен был

прекрасный храм Богородице. В это время произошла между народом драка, в которой многие граждане были ранены. На возвратном пути Никифора во дворец некоторые оказывали против него явную дерзость, и одна какая-то женщина с дочерью своею дошли до такого безумия, что кинули в него из окон своего дома камнями (за что на другой день, схваченная, и с дочерью своею, сия несчастная была сожжена за городом, на месте, называемом Анаратас). В то время и я, писатель сей истории, бывши еще юношею и проживая в Царьграде для приобретения просвещения и познаний, видел императора Никифора, едущего верхом на лошади, шагом, нисколько не уstraшенного дерзкими поступками народа и сохранившего твердость духа с таким видом, как будто ничего особенного не случилось; и чрезвычайно удивлялся я непоколебимости императора и душевному мужеству его в опасных обстоятельствах. Силою и телесною крепостью казался он подобен Алкиду, а умом, благоразумием и способностью узнавать, что должно делать, превосходил всех людей своего времени. Но счастье челове-

ское часто зависит от одной минуты и нередко висит, так сказать, на тонкой нити, и удаляется в противную сторону, Справедливо думают некоторые, что судьба и зависть человеческая противятся сильным и знаменитым людям, колеблют, низлагают их и в ничто обращают. Так сбылось и с Никифором, хотя все, казалось, текло по его желанию, чего ни с одним из его предшественников не случилось. Сим не угодно ли было Богу показать суету человеческой гордости, коей меры не бывает? Были такие случаи, что люди, восшедшие на степень блаженства и достигшие славы, не страшились даже называть себя богами и тем оскорблять великое провидение. Примером сему служат сыны Алоевы, От и Эфиальт, хотевшие, как говорят, взойти на небеса; Навуходоносор Вавилонский, воздвигший себе истукан, и Александр, сын Филиппа, желавший именоваться сыном Зевесовым. Дела человеческие непостоянны и переменчивы, что испытали и римляне, потерявшие в императоре Никифоре правителя, какого прежде никогда не имели. Если бы сего не случилось, то при жизни его, без сомнения,

положили бы они пределы своего владычества на востоке в Индии, а на западе — на самом крае Вселенной. Нельзя было не поставить в порок Никифору, что был он неумолим в наказаниях, непреклонен и жесток к преступникам и ненавистник людей, ведущих жизнь беспечную. Римское государство, конечно, достигло бы величайшей славы, какой никогда не имело, если бы при успехах Никифора не восстали на него и не погубили его так скоро непостоянная судьба или, лучше сказать, Провидение, которое, наказуя грубый и высокомерный дух людей, останавливает их, уничтожает и в ничто обращает, непостижимыми судьбами направляя ладью жизни человеческой, куда Ему угодно.

Совершив богопротивное и незаконное дело свое, Иоанн Цимисхий вошел в блистательный чертог, называемый Золотою палатою, надел на ноги красные сандалии, воссел на царский трон и размышлял: каким образом принять верховную власть так, чтобы никто из родственников Никифора против него не вооружился? Телохранители Никифора уже поздно узнали о его убиении, устреми-

лись к нему на помощь, полагая, что он еще остается жив, и всеми силами старались разломать двери, ведущие в отделение императорских чертогов. Услышав о том, Цимисхий велел вынести голову императора и показать им. Один из убийц, Антипофеодор, подошел к трупу Никифора, отрубил у него голову и показал ее мятежникам. Увидя сие неожиданное и ужасное зрелище, телохранители бросили из рук мечи и единогласно провозгласили Иоанна Цимисхия римским императором, а тело Никифора выброшено было на отдаленный двор и целый день лежало там под открытым небом. Только к вечеру Цимисхий, занятый многими делами, вспомнил о нем и приказал предать его приличному погребению. Положили обезображенный труп Никифора в деревянный ящик, сделанный на скорую руку, вынесли в храм Св. Апостолов и сокрыли в одном из царских гробов, в том же тереме, где лежит тело святого и славного Константина.

Но довольно уже, кажется, говорил я о деяниях, жизни и смерти императора Никифора, и более о сем распространяться значило

бы впадать в недостаток людей слишком любопытных, преступающих пределы надлежащего повествования и не оставляющих без внимания и ничтожной малости" [12].

Мы прибавим однако ж еще, что услышав о смерти Никифора, один из тогдашних поэтов сочинил эпитафию ему ямбическими стихами, где говорил:

*Се, неусыпный муж, что не
смыкал очей,
Уже покоится во гробе веч-
ным сном —
Печальный вид! Восстань, вос-
стань, о государь!*

и прочее, и прочее. Эпитафия эта считалась от современников мастерским произведением. У всякого века свое мнение, свои нравы, свой вкус, хоть основание всегда одно — непостоянство мнений, нравов и вкуса, и мы убедимся в этом далее в нашем рассказе.

КНИГА VI

Всякое животное скрывает орудие, которым оно причиняет зло: змея пресмыкается, укрывая себя в траве, пчела носит во рту своем мед и воск, и

прячет жало свое под сими дарами природы; тигр скрывает свою ужасную пасть и показывает только свою драгоценную, пеструю кожу, а ты — ты являешь нам вид, исполненный благочестия, и в груди своей таишь свое жестокое сердце.

Макиавель, "Stanza"

Род приходит и род преходит, восходит солнце и заходит солнце, влечется в место свое, воссиявает, идет к югу, склоняется к северу, обходит окрест; идет дух и на круги свои обращается дух; мчатся потоки в море и не насыщают его, и на месте их являются новые; не наполняется ухо слушания, не насыщается око зрения; что было, то есть, или опять будет, и что было сотворено, то вновь сотворено будет! И ничто не ново под солнцем; никогда не скажет человек: "Вот новое!" — Нет! Все это уже совершалось прежде, в веках минувших прежде нас. Нет о том памяти; но ведаешь ли, что останется и о нас память до конца, с тем, что будет после нас?" — Так говорил царь-мудрец и прибавил: "Хочешь ли премудр быти? Познай минувшее!"

Один из греческих мудрецов хотел назвать бытописания Зерцалом Царей. Священная книга истории, грозная книга судеб, написанная родом человеческим, закапанная слезами и кровью миллионов! Какая из страниц твоих не поучительна...

Как ночная буря, утром, когда умолкла буря вещественная, солнце явилось в полном блеске своем, природа отдохнула, Босфор снова являлся светлым зеркалом, и только обломки кораблей, носимые волнами, показывали минувшее свирепство стихии, — утром, подобно буре, зашумела над Царьградом весть: "Нет Никифора! Иоанн Цимисхий властвует Царьградом". — Отряды воинов, при звуках труб и кимвалов, ездил по улицам царьградским. Словно испуганные овцы, собирався народ, бежал на площади и слушал возвещения глашатаев:

"Внимайте, люди царьградские! Волею Бога и вспомоществованием пречистые девы Марии, силою честного и животворящего креста Господня, представительством небесных сил и всех святых, опекуном малолетних им-

ператоров Василия и Константина и владыкой вашим отныне Иоанн Цимисхий. Он обещает суд правый, милость верным и послушным, казнь и гибель непокорным и возмутителям. Люди царьградские! Император Иоанн поздравляет вас и молит вам милости от Бога!"

Отряды проезжали. Народ безмолвствовал. "Но, что же сделалось с тем, кто еще вчера владычествовал над нами? — спрашивали одни. — Неужели он исчез в ночной буре, как страшное привидение?" — "Он и похож был на привидение! — прибавляли другие. — Такой ли он был, чтобы ему долго оставаться владыкою Царьграда!"

Тихо и спокойно было между тем в Царьграде. Народ собирался на площадях; купцы заперли свои лавки а ряды, боясь смятений. Царьград уподоблялся человеку, внезапно пробужденному, который ничего еще не понимает, не умеет отдать сам себе отчета.

Новые глашатаи ехали вслед за первыми и возглашали:

"Внимайте, люди царьградские! Император Иоанн объявляет вам милость и суд пра-

вый. Известно ему, что многие из вас недостаточествуют и бедствуют от недостатка хлеба и средств пропитания. Он отдает вам все свои сокровища; идите в чертоги, где обитал он прежде, и каждый, кто придет, получит в дар серебряную монету. Кто из вас хочет хлеба, пусть идет в житницы Влахернские и безденежно берет хлеб, сколько взять может!"

Радостные клики начали раздаваться по площадям и улицам: "Многие лета Иоанну!" — восклицали голоса.

Третьи глашатаи ехали по Царьграду и возвещали:

"Внимайте, люди царьградские! Император Иоанн объявляет вам милость и суд правый!"

Известно ему, что судьи неправедные управляли вами. Он сменяет всех судей и управителей Царьграда и поставляет вам новых, избранных им. Каждый из вас имеет отныне право и свободу приходить в чертоги Влахернские и приносить жалобы свои на судей мужам, избранным от Иоанна для рассмотрения ваших жалоб".

И когда четвертые глашатаи объявили,

что Иоанн обещает через неделю игры Цирка на Ипподроме, где двести колесниц будут скакать; что завтрашний день он грядет принять венец кесарей во храме Св. Софии, с благословения патриарха Полиевкта, и что во время шествия его будут бросать в народ золотые и серебряные монеты — восторг жителей царьградских явился в полном разгуле.

— Беги скорее к дому Цимисхия — там дают деньги. — Беги скорее к Влахерну — там раздают хлеб. — Я был — вот, три серебряные монеты. — Разве дают по три? — Нет! Я три раза обошел кругом я все подходил к раздавателям; один из них заметил мою хитрость. — И тебе, верно, досталось? — Как бы не так. Разве это в старое время? Смеет ли кто теперь обидеть нас! "Ты плут, — сказал мне раздаватель, — но Иоанновы сокровища неистощимы: как благость его и мудрость; возьми и приходи еще". — Ну, друзья! кто знал, что в Царьграде такие огромные запасы хлеба. — Что ты говоришь? — Конца нет: с раннего утра народу толпа, тащат во все стороны, и беспрестанно подвозят вновь и вновь, точно как из египетских житниц при Иосифе Пре-

красном. — Что же? Наш Иоанн и похож на Иосифа Прекрасного. — У него есть и жена Пентефриева, которая обольщает его теперь. — А где-то теперь наш Пентефрий? — Тише! не поминай, что прошло. — И стоит ли вспоминать. Да здравствует Иоанн Цимисхий! Да здравствует наш кормилец, наш отец!

И в то же время разговаривавшие бросились в одну, улицу, где теснилась большая толпа народа. Длинный обоз печеного хлеба, мяса, рыбы, овощей тянулся по улице, и глашатаи, сопровождавшие его, громко кричали, что император Иоанн, зная, что в Царьграде есть дряхлые старцы, больные, увечные, вдовы и сироты, которые не могут сами идти во влахернские житницы и получать хлеб, посылает по всему городу обозы и повелевает раздавать щедрою рукою всем нуждающимся хлеб и припасы.

В самом деле, это было трогательное зрелище: из бедных домиков, из мрачных подземельев и погребов влеклись старцы, тащились хилые вдовы и вольные старухи, с чашками, с корзинками, прибегали дети, одетые в лоскутья, и всем им давали щедрою рукою.

Они становились на колени, подымали руки и глаза к небу и молились за Иоанна. Какой-то старец, держа в руках хлеб, обратился к толпе народной и громко проговорил: "Братья! знаете ли, что я и бедная жена моя уже целые сутки не ели? Я понесу этот хлеб к одру, на котором страдает жена моя, а потом, собрав последние силы, пойду во храм Божий благодарить Бога и молить его, да продлит навеки жизнь Иоанна Великого!"

Будто искра электрическая, пролетели эти слова в народ, и громко раздалось: "Да будет он отныне Иоанн Великий!"

"Народ православный! Кто хочет видеть Иоанна Великого, тот беги на Константиновскую площадь — он едет во Влахернский дворец!"

— Иоанн Великий! Иоанн Великий!

Такие клики встретили Цимисхия, когда он подъезжал к Константиновской площади, на белом коне, покрытом багряными попонами. Весел, радостен, ласков казался Цимисхий; голова его была, обнажена; он держал в руке шапку свою и беспрестанно и ласково кланялся народу. Совершенная противополо-

ложность Никифору: он был предшествуем небольшим отрядом златоносных ратников; множество вельмож следовало за ним, но не было войска, не было грозных фарганов с обнаженными мечами, не тянулись длинные ряды воинов по сторонам улиц, и не гнали никого с дороги, как бывало это при Никифоре. Народ теснился к Цимисхию, окружал его, шумел, кричал.

— Дети! — говорил Цимисхий, — дайте мне проехать. — Дети! берегитесь — лошадь моя может ушибить кого-нибудь! — Здравствуйте, дети мои, здравствуйте!

Смятение сделалось впереди. Какая-то женщина хотела перебежать дорогу, упала и лошадь одного из воинов наступила ей на ногу. Отряд воинов остановился. Едва узнал об этом Цимисхий, он быстро соскочил с лошади и кинулся в толпу народа, собравшуюся около ушибленной женщины. Всё расступились. Он наклонился к страдальце, взял ее за руку, говорил с нею ласково, утешал ее... оглянулся и как будто изумился, видя, что народ окрест его стоит на коленях и плачет.

— Отец, отец наш! Иоанн Великий! За тебя

головы, за тебя души наши! — восклицали тысячи голосов.

"Дети! сколь приятно мне название вашего отца, столь тягостно название великого. Един Бог велик!"

Восторг народный вышел из пределов. "Понесем, повезем его! Давайте колесницу! Колесницу Иоанну Великому!"

Колесница явилась каким-то нечаянным образом в это время: она ехала сзади шествия. Народ выпряг лошадей; сотни ухватились за колесницу, сзади, спереди, и при громких кликах, Цимисхий катился в этой колеснице, везомый руками народа. Бесчисленные толпы народные бежали вперед, шли сзади; открылось не приготовленное торжество: в окнах домов, мимо которых проезжал Цимисхий, вывешивались ковры и парчи, по требованию народа. Отряд воинов, сопровождавший Цимисхия, и вельможи и царедворцы должны были отстать от него и ехать во Влахернский дворец другою дорогою. "Не хочу, чтобы кто-нибудь отделял меня от моих добрых и верных подданных — между нами и мною да не смеет никто стать и разлучить"

меня от народа моего!" — говорил Цимисхий.

— Ты мой теперь, народ царьградский! — думал Цимисхий. Подле Влахернского дворца собрано было множество войска. Тут стояли отдельными рядами фарганы, отряды варваров, стальноносные, золотоносные легионы.

Цимисхий сошел с колесницы у главного входа и пошел прямо к отрядам фарганов. Войско представляло, однако ж угрюмую противоположность народу. С криком и шумом двигались пестрые толпы народа. Войско стояло блестящими, стройными рядами и безмолвствовало.

Немного смутился Цимисхий, вступая в ряды воинов, "Друзья мои, храбрые фарганы! — сказал он, — вас приветствует старый товарищ ваш! Гензерих! или не узнаешь Цимисхия?" — продолжал он, обращаясь к старому седому воину, угрюмо облокотившемуся на копьё.

— Узнаю, — отвечал Гензерих, — если дружбу свою к нам докажешь делами. Нам за полгода не выдано жалованье; наш аколупф притесняет нас...

"Не думаю", — возразил Цимисхий с улыб-

кою.

— Я никогда еще в жизни моей не лгал.

"Кого называешь ты своим аколужом?"

— Известно кого: патриция Никифора, сына Куропалатова.

"Разве ты не знаешь, что уже с самого утра Никифор сменен и на место его поставлен заслуженный воин Гензерих?"

— Как, государь?

"Да, и что Гензериху поручено выдать сполна жалованье фарганам, и что отныне место аколужа будет всегда занимать старейший и храбрейший из фарганов?"

— Μουλτους αννοος βικτορεμ τε φακιατ Δεους,- воскликнул Гензерих, первый ударил бердышем в щит, и как гром раздались сии звуки по рядам фарганов. На варварском своем языке объяснил Гензерих милости Цимисхия своим товарищам, и ряды их огласились громкою песнью: Βικτωρ σεμλερ ερισ!

"Обнимаю аколужа всех иноземных, но верных дружин моих!" — возгласил Цимисхий, обнимая Гензериха.

Торжественные клики слышны уже были в это время и от всех других воинских дру-

жин: златоносным ратникам объявили, что отныне они именуются легионом бессмертных и составляют дружину императора; стальноносные наименованы были непобедимыми; другим обещаны были новые золотые знамена; всем начальствующим объявлено было повышение чинами; всем воинам велено было выдать жалование за полгода вперед.

Цимисхий переходил от одного отряда к другому, и когда он вступал во дворец, гром труб и кимвалов соединялся с воплями воинов: "Многие лета Иоанну Великому! Многие лета победителю и властителю!"

Он вступил в отдаленную залу Влахернского дворца, где ожидали его немногие верные его приверженцы: Василий, побочный сын Романа императора, объявленный постельничим, Варда Склир, брат бывшей супруги его Марии, возведенный в достоинство Великого доместика, и еще две, или три особы.

— Много ли раздано народу денег? — спросил Цимисхий.

"Миллион серебряных монет назначен в раздачу".

— На великую ли сумму находилось хлеба в здешних житницах?

"На миллион серебряных монет".

— Велите же немедленно начать раздачу войску; прикажите выдать по этой росписи в церкви, больницы, дома сирот и вдов; к раздаче народу прибавить еще миллион, и хлеб раздавать до последней пылинки.

"Но, государь... подумай о следствиях..."

— Разве ты не знаешь скифской пословицы: дружиною найду я золото, а золотом найду дружину? Чего не покупаешь, того и не продают, а чего не продадут, если только есть кому купить! Поспешите новыми объявлениями, что я избираю из всех дружин особый — новый легион, которого начальником буду я сам, и называю его благодатным. Объявлено ли, что я даю полную свободу всем философам и ученым открывать училища, Академии, Портики и свободно проповедовать изъяснения Платона, Пифагора, Аристотеля и кого им угодно?

— Мы хотели представить тебе...

Цимисхий засмеялся. "Знаете ли вы рассказ об афинском полководце Алкивиаде?"

"Помним, государь, рассказ этот; но какое отношение?"

— Алкивиад отрубил хвост собаке своей и пустил ее бегать по городу. Афиняне бегали за бесхвостой собакою, толковали о хвосте, о том, для чего отрублен хвост, на что отрублен, как отрублен, и забыли об Алкивиаде, который отрубил в это время хвост Афинам. Друзья мои! пусть царьградцы наши слушают бредни Пифагора, которые не стоят даже и собачьего хвоста; а между тем напомните, чтобы эти премудрые не заговаривались слишком много, напомните им, что кто отворил философские их Академии, тот и затворить их может. Да, кстати, задайте философам вопрос о том, что значит падение храма, воздвигнутого Никифором...

"Этот вопрос, кажется, решен. Люди, рассматривавшие упавший храм, говорят, что все произошло от ужасного воровства зодчих, которые клали своды из глины и украли половину основания. Еще недоведенное до сводов, здание треснуло в трех местах и угрожало падением. Но трещины поспешили замазать..."

— Велите немедленно оправдать зодчих, выдать им награду, и пошлите расславить сколько можно громче, что здание развалилось от грехов основателя, хотя было сложено из камней крепче гранита. Философы должны подтвердить это мнение выводами философии, математики, физики и всего, что только они знают или о чем говорят не зная. Собрались ли царедворцы и вельможи в здешнем дворце, по моему приказу?

"Они ждут твоего появления".

— Много ли их тут?

"Все, государь, кроме тех, кому не приказывал ты явиться".

— Не заметили ль посланные для призвания их какого-нибудь неудовольствия от кого-нибудь из них?

"Нет, государь, — все изъявили радость и восторг; многие плакали от восхищения; другие становились на колени и благодарили Бога, что он избавил их от ненавистного тирана..."

— Право? Подите же и объявите им, что император Иоанн, занятый важнейшими делами, не может их видеть, приказывает им

мирно возвратиться в дома свои и явиться в другой раз, завтра утром. Усердие того будет оценено мною, кто явится ранее других. — Варда Склир! ты останешься со мною.

Цимисхий сел подле стола и облокотился на стол, Склир стоял в безмолвии.

— Иоанн! — осмелился сказать он, — ты утомлен...

"Уже двое суток не спал я и сутки ничего не ел..."

— О государь! береги свое здоровье...

"Здоровье! когда я не берег... не берег ничего, мой добрый Склир. Оставим мое здоровье, и скажи мне скорее, что отвечал тебе патриарх на мое последнее предложение? Отдает ли он мне Льва Куропалата?"

— Государь! Первосвященитель едва допустил меня к себе, сурово и мрачно глядел на меня, и вот слова его: "Скажи мое последнее слово пославшему тебя Иоанну, которого ты называешь императором царьградским, что дотеле не назову я его сим великим названием, доколе главу его не освятит благословение церкви. Как Великому domestiку и магистру, я не воспрещаю ему явиться в храм соборный

для моления, ибо храм Божий отверзт для молитвы каждому; но если бы его сопровождали тысячи народа, возглашая императором, и тысячи угрожающих мечей были устремлены в то же время на грудь мою — я не позволю ни на одной колокольне звонить в честь его торжества, и анафеме предам каждого из подчиненных мне служителей церкви, который до моего благословения благословит Иоанна, как императора".

"И неужели в толпе сановников, которая теснится теперь во Влахерне, нет ни единого епископа, ни единого митрополита?"

— Никого нет, государь.

"Продолжай", — хладнокровно сказал Цимисхий, подумавши несколько мгновений.

— "Иоанн требует от меня, — так говорил мне первосвященитель, — выдачи в руки его Льва Куропалата, брата покойному императору, и аколуфа Никифора, племянника его, укрывшихся в алтаре Соборной церкви — скажи ему, что церковь не выдает прибегающих под ее святую защиту. Пусть пришлет Иоанн своих палачей и исторгнет из алтаря жертвы или повелит зарезать их там и обагрить кро-

вью их помост святого храма. Скажи ему, что он может сорвать с меня знаки моего первосвятительства, но — горе ему..." Я не смею повторить слова, какие прибавил первосвященитель...

"Я их понимаю, и... для чего не могу я изгладить их из моей памяти! Мой друг, мой добрый Склир! Все суета сует!"

— Государь! Позволишь ли сказать мне одно слово?

"Говори".

— Обезображенный труп Никифора брошен в одном из дворов вукалеонских, и уже хищные птицы вьются над ним... Государь! Он был христианин, и благо тому, по словам закона, кто прикроет землю кости человеческие...

"И он ничего более не требует, этот человек, который вчера еще мыслил потрясти Багдад и распространить ужас в отдаленных странах Скифии — ничего более не требует, кроме горсти земли для своего бедного праха... Хорошо, Склир, я прикажу... Но где присланный от Феофании? Введите его ко мне".

Склир удалился, а Цимисхий ходил в глу-

боком размышлении и по временам брался руками за свою голову, как будто желая утишить в ней жестокую боль. Присланный от Феофании был введен и низко преклонился пред ним. Это был старик, преданный Феофании, дальний ее родственник.

— Государь! — сказал он, — владычица Царьграда приветствует тебя и изъявляет тебе печаль свою, что не видит тебя в чертогах своих. Она желает знать, когда посетишь ты ее и утетишь приветливым взором очей своих и ласковыми словами речи твоей благодатной?

"Извести владычицу Царьграда, что никогда не изменится к ней мое благоговейное почитание, и вскоре предстанут пред нее посланные мною узнать ее волю. Но сам я не могу явиться к ней, озабоченный множеством дел важнейших".

— Государь!

"Я не люблю возражений! — гордо воскликнул Цимисхий. — Ты можешь идти!"

Старик преклонился и вышел. Постельничий Василий вступил поспешно.

— Государь! я объявил волю твою вельмо-

жам и царедворцам, собравшимся принести тебе дань своего благоговения. Но едва услышали они, что усердие их будет оценено тем, кто из них ранее других явится в чертоги Влахернекие, громко возопили они, что никто из них не оставит чертогов Влахернских, и все готовы провести в них ночь, ожидая, что ты осчастливишь их взором своим, и что ни сон, ни пища не будут для них потребны, пока не удостоятся твоего милостивого привета.

"Я хотел им дать время приготовить по-лучше личины и приучиться приговаривать к моему имени те названия, коими вчера осыпали они Никифора, но, видно, они уже готовы. В самом деле, многие могут забыть те искренние изъявления радости, какие приготовили мне. Пойдем к ним, Склир, пойдем Василий! Нет! Я один явлюсь. Василий! Иди прежде меня и скажи, что, по воле моей, все они должны преклонить колени, только вступлю я в залу их собрания. А ты, Склир! иди в Вукалеон, возьми обоих детей Романа, перевези их во Влахерну и отведи им для жительства Золотое отделение. Если они перепугались каких-нибудь слухов — вели занять их

сказками об Александре Македонском и о взятии Трои; если забыли их накормить — все быть может — вели немедленно предложить им богатую трапезу. Потом приготовься к ночной страже, вместе со мною — никто не должен знать, где проведу я нынешнюю ночь".

— Государь! Можешь ли опасаться чего-нибудь, когда всё, от чертогов императорских до последней хижины, славит твою мудрость, твои благодеяния, когда тысячи утешенных, омилосердствованных тобою, воссылают за тебя моления к Богу, и восклицания воинов сливаются с голосом народа!

"Мой добрый Вард! Это прекрасно сказано, и я, право, не думал, что ты мастер выражаться красноречиво. Пусть меня славят, но — тем не менее — мы с тобою проведем нынешнюю ночь в разъезде по Царьграду. Полки фарганов должны быть готовы по первому знаку. Но стражи вокруг Влахернского дворца отнюдь не надобно — объявить торжественно, что я полагаюсь на любовь народа моего и спокойно буду спать, удалив от себя мечи и копья воинов. Вукалеон, напротив, окружит

крепкая стража — для почета великой Феофании..."

Едва явился Цимисхий в залу, где ожидали его собранные вельможи и царедворцы, как все собрание поверглось на колени, в глубоком молчании. Им было уже сообщено повеление Цимисхия.

С минуту стоял Цимисхий и смотрел на это собрание знатнейших сановников воинских и гражданских, логофетов, спафариев, доместиков, дуксов, никтепархов, друнгариев, страторов, стратигов, проэдров, патрициев, в их золотых, серебряных, бархатных одеждах.

— Приветствую вас, избранные мужи великого римского государства, твердые, неколебимые опоры престола, и, милостию Бога возведенный на престол Царьграда и всего Востока, обещаю вам суд и милость! — Горделиво наклонил свою голову Цимисхий.

Все безмолвствовали. Постельничий Василий возгласил громко: "Многие лета великому властителю Иоанну!" Громко загревели голоса всех: "Многие лета, многие лета!"

— Благодарю вас, твердыни Царьграда, отцы отечества, и тот, кто искренне разделяет

слова свои сердцем, да подымет руку свою!

Все руки поднялись кверху. Обводя глазами многочисленное собрание, Цимисхий казался доволен, сказал, что завтрашний день он повелевает всем явиться снова, для шествия в соборный храм Св. Софии, где узнают волю его, которую освятит благословение церкви. И он удалился после ласкового привета рукою.

В безмолвии стояли еще несколько времени опоры Царьграда, отцы отечества, избранные мужи, потомки римлян. Великий логофет прервал общее молчание следующими словами:

"Знаменитое собрание сановников, столько же славное мудростью и мужеством, сколько верностью к своим повелителям! Чем можем мы изъявить глубокую, рабскую благодарность нашу за неизреченные милости великого повелителя нашего?"

Мы видели восторг народа и воинства, но для чего нам примеры других? Каждый из нас, положа руку на сердце свое, может чувствовать, как бьется оно только для того, чтобы дышать единственно любовью и благого-

вением к Иоанну.

Уже глас народа нарек его Великим. Мы ли, избранные от всех, душа совета и опора чести государственной, уступим в ревности простонародию, подлым простолюдинам, не отличенным ни родом, ни саном?

Известно нам, что римляне, славные предки наши, воздвигали некогда алтари и храмы своим великим властителям. Нам неприлично такое обожание, и на что созидать храмы, если сердце каждого из нас есть храм, где невидимым божеством обитает наш властитель?

Я предлагаю вам, доблестные мужи: отныне навсегда, в знак великих милостей, какие видели мы от богоподобного властителя нашего, установить, чтобы при торжественных выходах императора все присутствующие стояли на коленях, пока он не повелит востать. Предлагаю еще поднести ему название Величайшего и умолять его о том и о другом избранною депутациею. Согласны ли вы мужи, мудрости и доблести исполненные?"

— Ты угадал обеты сердец наших! Да будет так! Да будет так! — раздались голоса, и вос-

торгам конца не было. Вечером избранная депутация предстала к Цимисхию и от лица всех сановников государства поднесла ему лист, подписанный знатнейшими вельможами, на котором изображено было униженное моление — да примет он титул Иоанна Величайшего и позволит стоять на коленях при каждом торжественном выходе своем. Цимисхий приказал объявить, что он всегда ожидал подобных доказательств доблести и любви от избранных мужей римской державы, но отлагает согласие впредь до решения.

Настала ночь. Смолк Царьград. Улеглись люди. Как хорошо уподобил поэт великий обширный город спящему дракону! Свернув свои бесконечные ошпы, он лежит и дышит — не будите его, не троньте Вавилона страстей и пороков... Месячным сиянием озаренные, белелись чертоги Вукалеона и Влахерна. Море тихо плескалось в берега, и, вечный сторож ночи, месяц катился по небесам, переливая серебряные лучи свои по зелени берегов, по золоту церковных куполов, по зеркалу вод, по лицам спящих людей, у которых жизнь и страсти, превратясь в сновидения,

высказывались сквозь сон и тяжкую дремоту... Но были и такие, которые не спали...

Не спал тот, кому подкупленная воля народа, низкая услужливость знатных, корыстолюбивое своеволие воинов и ум, превышавшие другие, готовили трон царьградский. Едва успокоившись малое время, Цимисхий пробудился при наступлении ночи, оставил чертоги Влахернские и с отрядом воинов скитался по улицам и стогнам царьградским, подстерегая любовь и ненависть, измену и верность народа и войска, готовясь завтра назвать их своими. Являя днем милость и кротость, ночью, когда видели его только недремлющие очи Провидения, Цимисхий перевел из мирных жилищ в темницы и из одной тюрьмы в другую множество подозрительных людей, изрек казнь одним, заточение и изгнание другим. Так с азийского берега перевезли всех заговорщиков, синих и зеленых, захваченных там по повелению Никифора; им и теперь не возвращали свободы, при Цимисхий. Так из дворца Вукалеонского провели под стражею, в тяжких кандалах, семь человек, и бросили их в подземные тем-

ницы. Кто были эти семеро? Лев Валант, Михаил Вурд, Лев Песиодид, Антипофеодор, Феофил Кирик, Сулейман и Феодор безносый — гнусные оружия, которыми действовал Цимисхий и которые с омерзением отталкивал он от себя, едва только злодейство было не нужно ему более. Злодеи ждали наград, и — скрежеща зубами, услышал Антипофеодор повеление Цимисхия; Лев Валант изрек проклятие на предателя Иоанна и упорно замолчал; другие оказали низкое малодушие, но за тюремными заклепами не слышны были ни проклятия, ни вопли, ни ругательства их.

Всю ночь тихое, скрытное движение было в Царьграде: много закрытых колесниц, окруженных всадниками, выехало из города и отправилось в отдаленные места Фракии и Беотии — никто не ведал, кого вмещали; сии колесницы; лодки, наполненные воинами, переезжали в Царьград; другие везли из Царьграда узников в азийские города. Если бы, изумленные нечаянною кончиною Никифора, родственники и друзья его опомнились на другой день и захотели взволновать Царьград — они лишены уже были всех средств:

Одни из них томились в темницах; других мчали уже в заточение. Только главные враги Цимисхия, Лев Куропалат и Никифор, скрытые в Софийском храме, не были в руках его. Два раза, ночью, подъезжал он ко храму, долго размышлял — надобно ли ему, для безопасности своей, силою вторгнуться в храм, нарушить святыню алтарей, убежище несчастных? И после долгого размышления, Цимисхий ехал прочь, медленно и задумчиво. Только многочисленная стража окружила храм, но и она была невидима при наступлении дня.

Еще не смыкала очей своих в эту ночь та, которую почтительно и благоговейно называли владычицей Царьграда — несчастная женщина, палимая совестью преступница, жертва необузданных страстей своих. Вручив Цимисхию ключ от гибельного пути к жизни своего супруга, она принуждена была в тот же вечер облечься в великолепные одеяния и в последний раз явиться царицею среди своих раболепных придворных. Она старалась уверить себя, что Цимисхий пощадит жизнь Никифора, умела убедить себя в этом и каза-

лась веселою, радостною. Но радость и веселье Феофании походили на судорожный смех спящего преступника. Она не смеялась — она хохотала, приказывая громче петь веселые песни, и в конце пира, как будто в насмешку, составляла хоры из самых почетных придворных, заставляя петь Великого логофета и друнгария, заставляла их унижаться и кланяться, как будто надеясь, что после такого торжественного унижения им нельзя уже будет отказаться от той, перед которою они, столь низко и рабски, преклоняли свои колени, которой так раболепно изъясляли свою преданность. Несчастливая! Она хотела заглушить совесть свою, и многие говорили, что тогда, в первый раз в жизни, решилась она пить крепкое вино, хотела забыться и потеряла рассудок. Предметы двоились в глазах ее: подле каждого человека еще кто-то являлся ей угрожающею тенью...

Пир кончился; гости спешили разъезжаться и со страхом проходили между двумя рядами стражей, которыми окружен был чертог веселого пира.

"Что сделалось во дворце?" — спрашивали

тихонько друг у друга испуганные царедворцы. — "Феофания была как сумасшедшая, и к чему эта многочисленная стража, эти мечи, которыми окружены мы были?"

Невольницы встретили Феофанию в ее чертогах и испугались ее диких взоров, ее странных движений.

В великолепном одеянии своем, она бросилась на свое богатое седалище, сбросила с головы своей алмазную повязку и оттолкнула ее ногою.

"Прочь — ты жжешь, ты давишь мою голову! — вскричала она. — Кому из вас надобно это украшение — говорите, подлые рабыни, Зюлейка, Ипатия, Феона? — Возьмите его — сегодня я царица ваша; почему завтра не быть кому-нибудь из вас моею царицею, а мне вашей рабою? Надобно только красивое личико, надобно только понравиться тому, кто на то время называет себя властителем Вукалеона, этого постоянного двора царей, называемого Вукалеоном... Да, так, и знаете ли почему? Видели ль вы ужасный символ этого жилища, где люди терзают друг друга так, как там на возморье лев терзает бедного вола?"

Но я еще владычица ваша — я никому не дам властвовать надо мною, и если не будут мне повиноваться войско и народ — еще найдется к услугам моим хоть палач, хоть наемный убийца, которому велю я зарезать мою соперницу — я еще царица римской державы..."

Со страхом преклонились все перед нею, не смея ответствовать.

"Зюлейка! подойди ко мне, поди поближе — чего ты боишься, глупая девчонка? Я не убью тебя, я только хочу научить тебя, что тебе делать надобно, когда ты будешь властительницею Царьграда, этого проклятого гнезда злодейств: тогда откажись от сердца, от души, от любви, от дружбы... Я была такая же добрая, невинная, как ты, когда вступала в эти чертоги, когда меня ввел в них мой царь, мой Роман... Он, казалось, так любил меня, он был так хорош — я его очень любила; но он был развратный, неверный злодей... Зачем он изменял мне..."

Феофания заплакала, зарыдала. Феона осмелилась подойти к ней и промолвить тихо: "Великая повелительница! не прикажешь

ли удалиться твоим рабыням..."

— Как? Вы хотите оставить меня?

"Немногие верные останутся с тобою, тебе нужно спокойствие..."

— Верные? Разве из вас есть еще верные мне или мужьям своим?

"Владычица! за тебя мы все готовы жертвовать жизнью".

— Вы, жизнью?.. Ха, ха, ха! Хорошо, Феона: поди же, спрыгни с кровли Вукалеонской — я тебе приказываю — что ж ты нейдешь?

"Великая владычица! Я не вижу пользы, какую может принести тебе смерть моя..."

— Пользы? А! я поймала тебя, льстивая, лживая рабыня! Пользу, да, какую пользу принесет тебе — вот из чего ты унижаешься передо мною, вот для чего ты продашь меня первому... Прочь все с глаз моих!

Она вскочила, затопала ногами, как разъяренная фурия. Со страхом побежали от нее все прислужницы.

— Не бойтесь, не бойтесь, — говорила Феофания, смеясь. — Слушайте, если хотите меня уверить: поклянитесь мне будущим блаженством, что вы никогда не измените Фео-

фании; что вы никогда не оставите ее, никогда, никогда — если даже дерзкая рука хищника сорвет венец с ее головы, если будут влачить ее по торжищу, как бедную рабыню!

"Государыня!"

— Клянитесь мне!

"Мы клянемся тебе!" — воскликнули все невольницы и приближенные Феофании.

— Помните, что клятва ужасное дело, и горе нарушающему клятву, горе ему! Женщина, погубившая душу клятвопреступлением — погибнет в здешнем мире и в будущем свете. Ничто не утешит, не оправдает ее, и клятвопреступление, как адская цепь повлечет ее от порока к преступлению, от преступления к пороку. Видали ль вы изображение Страшного суда? Помните ли эту цепь, концы которой князь тьмы держит в руках своих, увлекая в ней и владык земли, и вельмож, и стариков, и красавиц, и все, все, что только заклеячено печатью греха? Нет спасения! Нет возврата! Горе клятвопреступнице! От первого проступка до адского огня... один шаг!

Она склонилась на подушку и горько заплакала.

По знаку, данному старшими приближенными, вышли все невольницы, кроме Зюлейки, любимицы Феофании. С ней остались еще Пульхерия, Феона, Гликерия — главные матроны гинекея. Но и другим не велено было спать; они со страхом ожидали в передних комнатах приказаний, не зная, что все это значит и чем кончится. Еще никогда не видали они Феофанию в таком странном положении. И прежде иногда заглушала она совесть чашею вина, но теперь вино не упоило ее — она только обезумела от него.

Несколько минут пролежала Феофания в забытьи, и вдруг поднялась.

"Пульхерия! ради Бога, беги, беги к моему супругу — узнай, спроси, что там делается... Это ужасно, это страшно..."

— Успокойся, великая владычица!

"Беги, говорю я тебе".

— Но стража никого не допустит теперь к чертогам царя.

"Ты думаешь, что она никого не допустит? Ах! ты не знаешь, что измена проползет змеей по подземелью и смертельно ужалит его среди щитов и мечей стражи... Я сама иду к

нему..."

— Великая повелительница! возможно ли... Позволь нам... в это время...

Одна Зюлейка осталась с Феофаниею. "О мой друг, моя добрая Зюлейка! — тихо и ласково начала говорить ей Феофания. — Сделай мне милость, если только ты меня любишь... Ты говорила мне, что у вас на Востоке есть какое-то очаровательное яство, какая-то снедь, от которой человек забывается сном — дай мне его — у тебя есть эта снедь... Как ты называешь ее?"

— Ее называют опиум.

"Дай мне своего опиума!"

— Но кто не привык к нему, тот может сделаться болен; ему могут пригрезиться такие страшные сны...

"Пусть они грезятся — они не превзойдут ужасной действительности... Хоть на час он усыпит меня — за один час сна я готова отдать полжизни моей. Только один час покоя, и — пусть это будет яд... Зюлейка! тем лучше — ради Бога, дай его мне, дай мне его, Зюлейка!"

Зюлейка вынула маленькую золотую коро-

бочку, скрытую на груди ее, и отломил маленький кусочек от какого-то темного вещества, хранившегося в коробочке. Феофания с жадностью проглотила этот кусочек, и расстроенное воображение так сильно действовало на нее, что ей казалось, будто действие опиума немедленно началось; она закрыла глаза, вздрагивала засыпая, дремала, и скоро тяжкий, но глубокий сон овладел ею.

Более часа прошло, как Зюлейка сидела подле спящей Феофании и смотрела на ее лицо, прекрасное, но обезображенное терзаниями душевными и страданиями телесными. Пульхерия, Феона и Гликерия не возвращались. Зюлейка задремала, склонила голову, и, хоть ей казалось, что в ближних комнатах слышны движения, беготня, шум какой-то, но утомленная невольница не могла пробудиться. Лампада, горевшая на столе, почти погасла; вдруг яркий свет блеснул в комнате. Зюлейка опомнилась. Она увидела вбежавших в смятении невольниц и приближенных, с зажженными светильниками. Постельничий Иосиф, бледный, еле дышущий, едва держащийся на ногах, окровавленный, вшатнулся в

комнату.

"Что вам надобно? Что такое?" — спрашивала Зюлейка.

— Где владычица наша, где Феофания?

"Вот она, спит — не будите ее".

— Боже великий! — возопил Иосиф, — теперь-то спать! Восстань, пробудись, несчастная супруга великого властителя царьградского!

В испуге пробудилась Феофания. Казалось, она сама изумилась, что на ней было еще то самое платье, в котором была она на пире, данном для болгарских царевен. Она протирала руками глаза, смотрела на всех, старалась вспомнить, что с ней было, и от действия опиума действительность смешивалась в ее голове с мечтами воображения.

— Великая владычица! — воскликнул Иосиф, повергаясь к ногам ее, — измена, убийство! Твой супруг умерщвлен злодеями!

"Уж умерщвлен! Как, старик: он уж убит, зарезан? Когда же, кто же убил его?"

— Цимисхий, владычица! Не знаю, какими путями проник он в опочивальню супруга твоего, и — мой повелитель, мой владыка пал

под его ударами, а я, я пережил его, я, вскормивший его на руках моих, я, которому поручил он стражу за своею безопасностью...

Тяжко зарыдал старик. Ужас изображался на всех лицах.

— Что же, старик, о чем, же ты плачешь? Полно плакать — вели взять Цимисхия под стражу, разрезать, казнить его...

"Увы! повелительница — все погибло: стража изменила; она провозглашает убийцу повелителем царьградским — и вот награда, когда я хотел удержать изменников... — Он указал на кровь, бегущую из раны его. — Едва мог я пробиться сюда среди всеобщего волнения. Еще есть средство, одно средство: поспеши явиться к ним, властительница; поспеши отмстить смерть и гибель супруга своего! Изменники устыдятся, устрашатся тебя..."

— Мне устрашить их? Мне отмстить? Ты с ума сошел, старик! Да, да — ты сумасшедший — знаешь ли, кто провел убийцу к Никифору?.. Я!

Как громом пораженный, воспрянул Иосиф; от сильного движения кровь ручьем хлынула из его раны, и он упал, изнеможден-

ный, близ дверей.

— Да, да! я провела их — ха, ха, ха! — воскликнула Феофания с неистовым смехом. — Я отдала Цимисхию ключ от тайного подземелья, которого не знал Никифор. С моего согласия Цимисхий провел по этому подземелью убийц. Как же требуешь ты, старик, чтобы я отмщала за Никифора? Цимисхий будет теперь властителем Царьграда, а я буду его супругою. Ты думаешь, он не согласится взять руки моей, обогрелой кровью Романа и Никифора? Неправда: у него самого руки замараны кровью! Славная будет свадьба! Дьяволы будут плясать! Демоны играть и хохотать...

"Уведите меня, помогите мне уйти! Дайте мне умереть подле моего властителя! — вопил Иосиф, тщетно силясь подняться. — О Никифор! Жертва коварства неслыханного!"

— Беги, беги, старик! Грех заразителен — он и к тебе пристанет! А вы, дайте мне скорее мою багряную одежду — это цвет крови! Нужды нет! Скорее алмазный венец мой — скорее драгоценную, вавилонскую порфиру мою — я должна встретить Цимисхия, как жениха моего...

Она упала на седалище свое и вдруг вся затрепетала: ей померещилось, что Никифор пришел к ней, что он указывает ей на свою рану...

— Зачем ты брызгаешь кровью на мое платье! — возопила Феофания, торопливо отирая руками свое платье. — Прочь от меня — ты страшен, ты бледен, ты мертвец — твое жилище гроб — от тебя пахнет могилою!.. Идти с тобою? Нет, Никифор! я не пойду с тобою — ты уведешь меня в ад — я еще жива, я хочу жить, радоваться жизнью — я хочу быть счастлива, богата, знаменита — счастлива хочу я быть — прочь от меня!.. Ах! спасите, спасите меня — он тащит, влечет меня с собою... Он, и Роман, Роман также... Вот они оба...

Волосы поднялись у всех от ужаса, когда страшная исповедь совести высказалась устами безумия. Дикий вопль Феофании наполнил все комнаты, и ее приближенные и невольницы убежали от нее, все, кроме Зюлейки.

Добрая аравитянка подошла к Феофании, обняла ее, старалась утешить, успокоить ее. "Я не верю тебе, царица — ты обезумела от го-

рести, ты клеветешь на себя... Но если и в самом деле такой тяжкий грех тяготит душу твою — вспомни о милосердии Божиим. Многочисленнее песка морского грехи людей, но как пучина водная, покрывает их милосердие Божие. Так говорят наши премудрые аравийские старцы. Опомнись — тени тебе мерещатся — здесь никого нет..."

— Никого нет? А куда же скрылись Бог вездесущий, совесть неотразимая и грех неуспающий? — Милосердие! Неужели Бог примет еще мое раскаяние? Кому же ад, если не мне и не Цимисхию? Но, нет, Зюлейка! мне не мерещится. Посмотри — ужели не видишь ты? Вот он, вот он лежит, весь окровавленный!

И Зюлейка ужаснулась, видя бесчувственный труп товарищем их страшного уединения.

Феофания указала на Иосифа, который был забыт всеми на том месте, где свалился он от изнеможения.

Чрезмерность испуга спасла Феофанию. Она лишилась чувств. Долго думали, что она уже умерла.

Но Феофания проснулась, когда светлый день сиял уже над Царьградом. Как смутный сон, представлялось ей все случившееся прошедшею ночью. Долго лежала она на одре своем, куда перенесли ее бесчувственную, и едва могла сообразить все, что сбылось. Действительность и картины воображения смешались в голове ее, и она не могла разуввериться в том, что Никифор действительно не являлся к ней после смерти своей.

Она спрашивала, что делается в Царьграде. Ей сказали, что Царьград с восторгом приветствует Цимисхия, что Цимисхий отправился во Влахернский дворец, и вельможи и войско встретили его титулом властителя царьградского.

Между тем Вукалеон опустел. Эти огромные здания, еще вчера оживленные роскошью и деятельностью, теперь казались безмолвною пустынею. Только в отделении Феофании являлись еще немногие царедворцы, и те спешили во Влахерну, когда узнавали, что Цимисхий не являлся к Феофании. Даже приближенные женщины и рабыни скрывались от нее. Только оклики многочисленной стра-

жи и иногда звук трубы воинской, при сме-
нах, напоминали Феофании, что она еще
окружена величием внешним в глазах наро-
да.

Безмолвно сидела Феофания в отдаленном
чертоге своего гинекея и только спрашивала
по временам: нет ли кого присланного от Ци-
мисхия? Ничего не отвечала она, когда ей до-
носили, что никто не является.

Она решилась наконец сама послать к Ци-
мисхию и получила его неудовлетворитель-
ный и своевластный ответ. Тогда потребовала
она к себе детей своих. Ей сказали, что по ве-
лению Цимисхия их перевели во дворец Вла-
хернский. Феофания заплакала и безмолв-
ствовала. Она позвала к себе духовника свое-
го и долго беседовала с ним. Потом облеклась
она в глубокий труар. — Вечером, после веко-
вого, томительного дня, явился к ней при-
сланный от Цимисхия.

— Великая владычица Царьграда! — начал
присланный.

"Не ошибаешься ли ты, — сказала ему Фе-
офания, — не видишь ли перед собою не вла-
дычицу Царьграда, но бедную вдову, лишен-

ную супруга и детей, которой твой повелитель приказал объявить свое самовластное решение?"

— Великий властитель Царьграда повелел мне возвестить тебе, что дети твои безопасны, и всегда будет он чтить в них потомков Василия Македонского. Но в то же время, призванный согласиём подвластных и волею Божиею на царство, он должен разделить с ними престол царьградский и повелел просить тебя — не предпринимать ничего для удержания твоего прежнего сана опекуниши и покровительницы, если...

"Продолжай".

— Если ты дорожишь своим спокойствием.

"Возвестите Цимисхию, — отвечала Феофания, — что доколе не снял бы он головы моей с плеч, дотоле не сорвать бы ему венца с головы моей: я уступаю ему все — пусть он властвует. Но горе ему, если он коснется венца детей моих! Вопли мои, вопли матери услышит народ, и ничто не поможет Цимисхию, если только помыслит он отнять родительский престол у детей моих!"

— Он не мыслит об этом, великая влады-

чица, и приглашает тебя в Соборный храм, где, согласно воле провидения, ты увидишь его восседающего на троне с потомками Константина, детьми твоими. Честь и все дворские почести останутся навсегда при особе твоей.

"Я буду в Соборном храме", — отвечала Феофания, после некоторого размышления.

Тихо и уединенно провлачилс остаток дня. Ничто не напоминало Феофании деятельного движения, оживлявшего в то время весь Царьград. Окруженная немногими прислужницами, в дальней, уединенной комнате гинекея, молчаливо просидела она все время на своем ложе.

Ей доложили о трапезе — она велела подать себе кусок хлеба и ничего более. — Наступила ночь. — Сон бежал глаз ее, и чем далее, тем более усиливалось ее беспокойство. Она не могла наконец сидеть на одном месте; поспешно вскакивала, садилась опять, ходила, останавливалась, велела зажечь множество свеч, и вдруг ужасно закричала, в отчаянии озираясь на все стороны: "Он опять идет! Это не видение! Я слышу его походку — вот

он, вот Никифор... и кровь опять льется из ран его..."

Диким, раздирающим душу голосом она снова высказывала свое участие в преступлении, в смерти Романа и Никифора. Оба они мерещились ей — грозные, неуловимые...

"Я не жилища здешнего мира, не владычица, но грешница, которой Бог послал наказание неслыханное: мертвые разрушают гробовые заклепы и являются напоминать мне о гневе небесном..."

Глубокий обморок следозал за этим непостижимым явлением.

"О Спаситель!" — говорила Феофания, когда опять получила чувство. — Она стала на колени перед образом, и уже давно петух пропел наступление часа предрассветного, а она все еще молилась и плакала.

Утром, на другой день, казалось, весь Царьград подвигся на своем основании. Толпами народа заперлись все улицы и площади от Влахернского дворца до Софийского храма. Но на сей раз Цимисхий почел за нужное не слишком близко подпускать к себе любовь народную: длинными рядами стали повсюду

на улицах воины и отгородили его от народа. Народ изумлялся, что заутреня совершена была не праздничная, полиелеем; в церквах не возглашали имени Цимисхия, не молились за него, поминали только Василия и Константина; ни на одной колокольне царьградской не звонили в колокола, когда великолепный поезд двинулся от Влахерны к собору. Патриарх Полиевкт, знатнейшие сановники духовные, митрополиты, архиепископы, епископы, архимандриты, строители, игумены, священники собирались в Софийский храм. Но главные двери храма были затворены. Уже весь Царьград узнал тогда, чего ни знал еще вчера, что Никифор погиб насильственной смертью. Ужас обнимал сердца многих при увеличенных слухах о жестокости, с какою погублен был Никифор. Одни говорили об участии Цимисхия, другие опровергали это; третьи... не говорили ничего... Недоверчивость, опасение рассказывали, что в эту ночь много совершенно было такого, что не доказывало кротости и милосердия Цимисхия — и все бежали смотреть на великолепный поезд влахернский...

И когда двинулся этот поезд, и привычно

шли и ехали отряды войск, предшествующие Цимисхию; когда чиновники поехали в то же время между народом, с большими мешками, и начали бросать в народ горстями деньги; когда привычным строем выступили чиновники и царедворцы и ехали, как всегда, благочинно и покорно, будто век царствовал над ними Цимисхий; когда наконец увидели колесницу, и в ней, по-прежнему, двух юных сыновей Романа, одного с угрюмым, другого с веселым лицом, и за ними ехал Цимисхий, в великолепной, золотой броне, с багряным чепраком на лошади, и кланялся на все стороны, так ласково, обнажив голову и непрерывно приветствуя жителей Царьграда — все это и вместе благородный, прекрасный вид Цимисхия одушевили народ. Громкие восклицания загремели, и при сих восклицаниях и звуках труб и кимвалов, Цимисхий торжественно и величественно приблизился к площади, находившейся перед Софийским храмом. Обширное место было здесь очищено. Цимисхий остановился. Открылось зрелище, достойное веков древнего, патриархального Востока.

Двумя стройными рядами стояли воины до самого нарфекса храмового, оставя широкий путь Цимисхию, который, с двумя сыновьями Романа, одним по правую, другим по левую руку, шел к храму.

За ним следовала Феофания, в белом, ничем не украшенном платье, и длинное покрывало закрывало лицо ее, спускаясь ниже колен. Она приехала из Вукалеона на великолепной колеснице в сопровождении придворных.

Двери Софийского собора были заперты, но все обширное крыльцо его, переходы, ступеньки были покрыты духовенством, и все духовные особы облечены были в темные одежды, без всякого торжественного облачения. Среди их, на патриаршем своем седалище, восседал маститый седовласый первосвященитель Полиевкт.

Множество вельмож, царедворцев, чиновников воинских и гражданских шло за Цимисхием.

Властитель церкви, властитель государства — один со всем, что только было знаменитого, отличенного саном и почестью в Ца-

рьграде и в воинских дружинах; другой со всем, что только ознаменовывалось духовною властью и святостью в православной церкви — стали друг перед другом. Один был седовласый, дряхлый, но крепкий благочестием, душевною силою и святостью сана; другой знаменитый воинскими подвигами, отличенный великими званиями, призываемый к разделению трона с двумя юными царями, которых хотел он быть опорой и защитой, вторым отцом.

Но этот доблестный муж — зачем потупляет он взоры перед строгим взором первосвященника? Зачем и первосвященник встречает его грозно, как судья преступника, не встает со своего места, не приветствует его? Кто эти два печальные мужа, в черной одежде, которые находятся подле патриарха? Отчего, увидев их, смутился, дотоле самонадеянный, Цимисхий? Это были Лев Куропалат и сын его Никифор, которых столь усиленно требовал Цимисхий у патриарха. Цимисхий не ожидал того величественного позорища, какое приготовил первосвященник ему и Царьграду: перед затворенным, безмолвным, величественным

храмом ожидал его владыка церкви, как неумолимый судия — перед ним стояли и обвинители его. Цимисхий, не трепетавший перед своею совестью, перед своим преступлением, как змий лютый бросившийся в борьбу с повелителем миллионов и ценою страшного преступления низвергнувший его, среди войска, царедворцев и народа, заставивший после того покориться все — и войско, и народ, и Двор властителя царьградского — почувствовал свое ничтожество перед властью церкви, саном служителей Божиих. Пусть все приветствует его — церковь безмолвна и грозна является ему мстителем и судиею. Что, если анафема, произнесенная первосвященником, поразит его — кто поручится за любовь этого народа, за рабство этих цареласкательей?

Цимисхий подошел к патриарху, преклонил пред ним голову и просил благословения.

"Во имя Отца, и Сына, и Святого духа! — проговорил патриарх, благословляя Цимисхия. — Благословляю тебя, как пастырь, долженствующий благословить каждого, просящего благословения, будет ли он тать, разбой-

ник и убийца. Но долг, возлагаемый на меня саном моим, велит мне спросить у тебя, притекшего ко храму с воинством и народом, приведшего с собою властителей Царьграда — кто ты?"

— Владыко святой! тебе должно быть ведомо, что я христианин, сын церкви православной — имя мое Иоанн.

"Я знаю тебя, магистр Востока и Великий доместик Иоанн Цимисхий, но не постигаю: для чего облек ты себя в драгоценные царские ризы и красные сандалии, принадлежащие единому императору царьградскому?"

— Для того, владыко святой, что голос народа, голос вельмож и войска призывают меня на престол царьградский. Я притек просить твоего благословения и быть венчанным тобою от венца честна на престол Царьграда.

"Иоанн Цимисхий! разве забыл ты, что престол царьградский занимает император Никифор Фока и с ним соцарствуют два внука Константина Порфирородного?"

— Позволь мне, владыко святой, сказать тебе, что волею Бога пресеклись дни императора Никифора, и что двое сирот, внуки импе-

ратора Константина, юные, малолетние, требуют опоры и помощи, требуют, чтобы человек, опытный в делах трудного правления государственного и отличенного подвигами воинскими, соцарствовал им. Осмеливаюсь думать, что чести подвигов никто у меня не оспорит. Надеюсь, при помощи Господа Бога, что рука моя оградит престол царьградский от врагов; что истина воссядет в судах по моему слову; что благо и обилие посетят страны, которые будут подвластны моему скипетру. Клянусь не щадить живота моего за счастье римской державы, за православную церковь, за последнего нищего в государстве моем. Не буду обвинять пред тобою, владыко святой, памяти моего предшественника, но ведаешь ты сам, что он не исполнил своих обетов: он отнял у тебя власть судебную, по церковным уставам единственно тебе принадлежащую, распорядился самовольно доходами церкви, обратил в свою собственную корысть имения духовные, отягчил народ налогами, собирал кровь и слезы подданных в свою казнохранильницу, ослабел духом на воинские подвиги, окружил трон свой страхом и неверчи-

востью, предал народ свой хищению своих родных, давал и награждал не по заслугам, гнал доблесть и достоинства. Сам Бог показал нам, бедствиями на нас ниспосланными, гнев свой на царя и царство. Скорбь о благе государства руководила меня в принятии скипетра; единое благо его имел я в помышлении, возлагая на себя порфиру. И — се первое дело моего царствования: признаю тебя независимым судиею во всех церковных делах и судах, возвращаю церкви все отнятые у нее Никифором имения и права, и — вот судные и правые грамоты, которые исторг у тебя Никифор — возьми и уничтожь их!

Цимисхий бросил к ногам патриарха грамоты. Ободренный смягченным милостию взором его, он продолжал:

— Так возвращу я славу оружию Царьграда, перенесу хоругвь Константина за Дунай и Евфрат, так возвращаю я жизнь и свободу тем, кого повергли в темницы несправедливость и ложное опасение Никифора...

По знаку его раздвинулись ряды воинов, и толпа "синих" и "зеленых", захваченных в заговоре, предстала взорам патриарха, вместе с

множеством других людей, которые находились в тюрьмах царьградских. — Всех их велел освободить Цимисхий.

"Народ православный! Воинство христоролюбивое! Вельможи царьградские! отвечайте: добровольно ли желаете вы видеть меня на престоле царьградском? Хищением ли, насилием ли исторгаю я у вас престол Константина?"

— Да здравствует Иоанн! — закричали все царедворцы. Восклицание повторилось в воинских рядах и огласило потом площадь в кликах народа.

"Внуки Константина, наследники и потомки Василия: приемлете ли вы меня попечителем и опекуном вашим?"

— Приемлем, — отвечали Василий и Константин.

"Мать царей! ответствуй: согласна ли ты передать мне над ними твою родительскую власть и попечение?"

— Согласна, — отвечала Феофания тихим голосом.

"А я клянусь именем Бога, перед сим священным храмом его, — воскликнул тогда Ци-

мисхий, — что при совершеннолетию передам им скипетр и державу царствия славными, победоносными, благословляемыми народом, если только не оставит меня помощь Божия!

Благослови же меня, владыко святой, да пребудет со мною помощь Божия во веки! На колени, на колени перед отцом нашим и владыкою!"

И по данному знаку все, и сам Цимисхий, юные цари, Феофания поверглись на колени пред патриархом. Торжественно воззрел пастырь церкви на преклоненную пред ним силу и славу мира. Несколько минут колебался он — лицо его было важно, сурово — он хотел что-то говорить и не мог — встал со своего седалища и, благословляя Иоанна, произнес:

"Всемогущий Господь Бог, слышавший обеты твои, да судит и помилует тебя, а я, недостойный служитель алтарей его, моею грешною рукою, во имя Отца, и Сына, и Святого Духа, благословляю тебя Иоанн, император Царьграда и всего Востока! Молись о грехах своих, искупи их благом, да будешь велик и славен здесь и там удостоишься участия блажен-

ства со всеми православными царями. Прияв-
ший мытаря и разбойника, примет и тебя, и
несть грех иже не смыет слеза покаяния..."

Гул большого соборного колокола потряс
воздух; повсюду загремели колокола, и вскоре
по всему Царьграду зашумел звон торже-
ственный. Хор певчих возгласил торжествен-
ную песнь и патриарх обнял Цимисхия.

— Остановись, владыко святой, — вос-
кликнули тогда Куропалат и Никифор, доселе
соблюдавшие глубокое молчание, — остано-
вись и внимай: мы обвиняем перед тобою Ци-
мисхия в убиении императора Никифора, об-
виняем в том и преступную невестку нашу
Феофанию. Кровью праведного дымятся руки
их — она вопиет об отмщении. Твоими свя-
щенными сединами прикасаешься ты челове-
ку, обогренному неповинною пролитую кро-
вью!

Патриарх остановился в недоумении.

"Владыко святой! — сказал тогда Цимис-
хий, смело подымая голову, — если ты нарек
уже меня властителем Царьграда — суд чело-
веческий не властен более надо мною. Пусть
буду я Исав, похитивший тайно благослове-

ние Исаака, но отселе единому Богу отдаю я отчет в делах моих. Лев и Никифор! вы обвиняли Цимисхия — его уже нет более, и скверна греха, в которой утопал он, уже очищена прикосновением благословляющей десницы первосвятителя к главе властителя царьградского. Сей властитель предает суду и казни злодеев, обagrивших руки свои кровью твоего брата, Лев, твоего дяди, Никифор! Вот семь проклятых имен их на сей хартии, и прежде нежели зайдет солнце, секира палача изгладит следы их из здешнего мира. Да не зайдет это солнце во гневе вашем. Здесь прилично сказать: "Кто ты есть, судяй чуждему рабу?" Совесть Феофании, матери царей наших, супруги императоров, также не принадлежит ни вашему и ни чьему суду, кроме Божиего, и если и ее обвиняете вы в преступлении — да будет судия ей-Бог!"

— Нет! — воскликнула Феофания, отбрасывая свое покрывало, — нет, Цимисхий! Если ты поклялся в счастья детей моих, в счастья римской державы, Бог отпустит тебе прегрешения, а я — да буду я очистительного жертвою за тебя и за все царство. Пусть во мне су-

дит он виновницу греха — се жертва мести Его перед вами... — Лицо ее было бледно, губы сини, глаза проливали источники слез. — Не тайно, но явно, перед сим святым храмом, я обвиняю себя... в грехах, преступлениях и пороках, после коих недостойна я не только быть владычицей Царьграда, но даже обитать среди людей. Велик грех мой — велико будет мое наказание. О святой владыко! избери мне дбрь дикую, избери обитель уединенную, где могла бы я окончить век мой в слезах раскаяния — не проклинай меня, не налагай на меня никакой эпитимии: ты не можешь наказать меня так, как наказывают меня совесть, стыд и грех мой. Позволь мне в последний раз войти в сей святой храм, и — навеки потом оставлю я Царьград.

Слезы оросили лицо святителя, как перлы драгоценные. Сам Цимисхий растрогался, и его красноречие иссякло. Василий и Константин бросились к матери, обняли ее и заплакали.

"О Судия человеков! — возгласил патриарх, — в высших живый и на смиренные призираяй! призри на смирение грешницы, и

прости ей согрешения ея, несть бо кто, иже похвалится пред Тобою, прости, как я прощаю, благословляя провести остаток жизни ея в слезах раскаяния — да, не будет милосердие человеческое паче твоего милосердия божественного... Феофания! отныне ты инокиня, схимница с сего часа — закрой лицо твое от человеков..."

— Да будет же совершено здесь и примирение враждующих, — возгласил Цимисхий, — да погибнет память прошедшего и соединят нас отныне польза и честь отечества! — Он протянул руки к Льву и Никифору: "Сим торжественно обещаю вам, Лев и Никифор! свободу, имение и дружбу мою — если вы захотите моей дружбы. Не Цимисхий, но император Царьграда говорит вам это и сдержит слово свое!"

Двери храма растворились; начался благовест. В скрытном, дальнем углу храма, на коленях стала Феофания, закрытая черным покрывалом, невидимая никем. О ней забыли легкомысленные, устремля внимание на величественное зрелище коронавания Иоанна Цимисхия. Никто не оценил величие ее подвига,

когда отверженною, презренною, опозоренною грешницею молилась она. Благоейно молился и Цимисхий. Казалось, он забывает все, вознося помышления к небесам. Богу единому ведомо, что тогда чувствовал он в душе своей.

Но когда обряд совершился по древним уставам церкви, Иоанн сидел на золотокованном троне, в середине, между юными царями Василием и Константином, святитель изрек ему последнее поучение, и на глиняном блюде поднесли куски различного мрамора, говоря Иоанну: "Помни, властитель Царьграда! что ты человек смертный и бренный. Се мраморы различные. Скажи, из которого мрамора повелишь ты соорудить себе гробницу, когда дух твой воззовет к себе на суд царь царей," а земля потребует себе прах твой?" Цимисхий зарыдал и долго не мог приговорить ни одного слова... "Черного, черного мрамора надгробие поставьте тогда над грехами моими, и да поможет мне Господь Бог и Спаситель уничтожить хотя единую крупицу их тем благом, которое желаю и надеюсь совершить во славу церкви православной и держа-

вы римской... Молись за меня, владыко свя-
тый! Молитесь, мои братья, мои друзья, сыны
римской державы!" Так говорил Цимисхий.

Опершись на жезл свой, тихим, дрожащим
голосом воспел патриарх: "Тебе, Бога хвалим!
Громкий хор духовенства и певчих пристал к
его голосу. Цимисхий упал на колени и в цар-
ской багрянице своей повергся челом во прах,
подъял руки, голосом, прерываемым рыдани-
ями, повторяя слова священной песни: "Тебе
убо просим — помози рабом твоим, их же
честною кровию твоею искупил еси!.." Лицо
его было вдохновенно; в нем забыли Цимис-
хия, забыли преступления, сторевшие в огне
его величия и смирения. Он казался избран-
ником Божиим, Великим человеком... Торже-
ственно было это мгновение... Явившийся на-
роду, осыпаемый золотом в дверях храма, в
сиянии венца и порфиры, Иоанн преклонил-
ся перед бесчисленным собранием жителей
царьградских, и каждый читал на лице его, в
его блестящих от слез глазах, что он истинно
дал клятву — быть отцом народа, вверенного
ему судьбами непостижимыми, и отвергнуть
все, что доньше затемняло в нем великого му-

жа, истинного потомка римлян.

1841

КОММЕНТАРИИ

В настоящий сборник вошли избранные исторические произведения Н. А. Полевого. С некоторыми из них советский читатель уже знаком. "Повесть о Симеоне, Суздальском князе" в последние годы переиздавалась трижды (См. кн.: Полевой Н. Избр. произв. и письма. Л., 1986. С. 28–88; Полевой Н. Мечты и звуки. М., 1988. С. 135–196; "Русская историческая повесть первой половины XIX века". М., 1989. С. 84–144. Четырежды, не считая журнального варианта 1828 г. и авторской прижизненной публикации в 1843 г., она издавалась в до-революционные годы — 1885, 1890, 1899, 1900 гг.); "Пир Святослава Игоревича, князя Киевского" — один раз (Полевой Н. Мечты и звуки. С. 260–284). Другие произведения переиздаются в советское время впервые: "Иоанн Цимисхий" — по единственному, прижизненному изданию (2 части. М., 1841); роман "Клятва при гробе Господнем" — по первому

изданию (4 части. М., 1832; в дореволюционные годы роман переиздавался четыре раза — 1886, 1899, 1900, 1903 гг.).

В настоящем издании тексты произведений даются с сохранением орфографии и пунктуации, характерными для того времени и отражающими индивидуальный стиль автора.

Произведения расположены в исторической последовательности событий, изображенных Н. А. Полевым.

ИОАНН ЦИМИСХИЙ

Впервые — частично: Книги IV и V (до слов "Государь! церковь, воздвигнутая тобою близ Влахернских чертогов...") под заглавием "Византийская легенда (отрывок из "Цареградской были X века")" — Сын Отечества. 1838. Т. 3. Отд. I. С. 27–84; Книга I под заглавием "Царьград и двор греческих императоров в X веке (Византийская легенда)". — Там же. 1839. Т. 12. Отд. I, С. 11–52; полностью — Отдельное издание: В 2-х ч. М., 1841. Предисловие автора. С. 5–8. Цензурное разрешение — 22 января 1841 г. Публикуется по этому изданию. Пре-

С. 25. Иоанн I (925–976) по прозванию Цимисхий ("туфелька" — он был маленького роста: *stusk* — по армянски "туфля") — видный военачальник, в 963–968 гг. — domestik схол Востока (верховный главнокомандующий всеми войсками Византии в Малой Азии — восточной части империи), в 969–976 гг. — император.

С. 27. Прокопий Кессарийский (ок. 500 — после 565) — истории и политический деятель Византии, родился в г. Кессария (отсюда прозвание — Кессарийский), расположенном в Палестине на берегу Средиземного моря; написал "Историю войн Юстиниана" (545–550. О Юстиниане см. комм. к с. 29), "Тайную историю" (550) и др. Полевой приводит в эпиграфе строки из "Истории войн Юстиниана", которая тогда была известна и как "История моего времени" в как просто "История".

Царь Константин — Константин I, прозванный Великим, полное имя — Гай Флавий Валерий Константин (ок. 272–337), римский император (306–337). Константинополь (Царь-

град) был основан Константином в 326 г., с 330 г. столица Римской империи; после разделения империи в 395 г. на Восточную и Западную, — столица Восточной Римской империи (Византии).

Баррампутер — р. Брахмапутра.

Здесь прошел в Европу пелазг... — Имеется в виду мифическое племя пеласгов, считавшееся древнейшим на территории Греции, появившееся там при переселении народов еще в доисторическое время.

...маг останавливался здесь, с огненным владыкою своим... — Имеются в виду маги — жрецы бога Солнца у мидян, племени, относившегося к индоевропейской народности; мидийцы (мидяне) к 9 в. до н. э. завоевали ряд областей Иранского плоскогорья, а в 6 в. до н. э. овладели северной и северо-восточной частью Малой Азии, почти вплотную подойдя к Босфору; дальнейшее их продвижение было остановлено лидийцами, жившими в западной части полуострова, которые в 585 г. до н. э. нанесли поражение индийцам.

Голос истинной веры — христианство.

...день Страшного суда... голос трубы ар-

хангела... — Имеется в виду Откровение св. Иоанна Богослова ("Апокалипсис"), последняя книга Нового Завета, содержащая в себе пророчество о конце света и неизбежном наказании людей, в соответствии с грехами каждого.

Кирпич Вавилона... — Вавилон, столица рабовладельческого государства Вавилонии (19-6 вв. до н. э.); находился недалеко от нынешнего Багдада; разрушен в 539 г. до н. э. персидским царем Киром II (ум. 529).

...черта писания персеполийского... — Имеются в виду глиняные таблички с эламским линейным и клинописным письмом (III-I тысячелетия до н. э.), обнаруженные при раскопках древнеиранского г. Персеполя (основан в 6 в. до н. э., находился в 50 км на северо-восток от нынешнего г. Шираз), разрушенного и сожженного в 330 г. до н. э... Александром Македонским.

...черепок сосуда на берегах Скамандра... — Скамандр — древнее название реки Мендерес, протекающей на северо-западе Малой Азии и впадающей в Дарданеллы. В ее низовьях находилась легендарная Троя (III-I тыся-

челетия до н. э.).

С. 28. Пальмира (букв. — Пальмовый город) — древний город, находился на территории Сирии (недалеко от нынешнего г. Тadmор); в I—III вв. — крупный торговый центр, был известен своими ремеслами и архитектурой; разрушен арабами в VII в.

Ида — гористая местность на северо-западном побережье Малой Азии.

Гемус, Гем — фракийское и древнегреческое название Старой Шанины (Балканских гор).

...волны... эвксинские — Эвксин, Понт Эвксинский — Черное море.

...страшный переворот... — Имеется в виду одна из катастроф, которая повлекла за собою гибель легендарной страны-острова — Атлантиды. Споры о характере этой катастрофы и месте, где находилась эта страна, продолжаются до сих пор. Миф об Атлантиде и ее гибели дошел до нас в диалогах "Тимей" и "Критий" древнегреческого философа Платона (427—347 до н. э.).

Геркулесовы Столпы — Гибралтарский пролив.

Фракия — историческая область, название земли фракийцев, занимавших восточную часть Балканского полуострова, Омываемую Черным, Мраморным и Эгейским морями; на юго-западе граничила с древней Македонией.

...миф переплывал мимо них на среброрунном воле... — Имеется в виду миф о похищении верховным греческим богом Зевсом красавицы Европы, дочери финикийского царя. Превратившись в быка, Зевс лег у ног играющей на берегу моря Европы; царевна, увлеченная игрою, села на спину быка, который уплыл с нею на остров Крит.

...и в корабле аргонавтов... — Имеется в виду миф о походе греков на корабле, носившем имя "Арго" (отсюда — аргонавты) в Колхиду (Черноморское побережье Кавказа) за золотым руном волшебного барана.

...умирал в Орфее... — Орфей, легендарный фракийский певец, своею игрою зачаровывал даже животных и растения; безуспешно пытался вывести из царства мертвых свою жену Евридику: он не выдержал, оглянулся, и она навсегда осталась там; был однолюбом, чем вызвал ненависть к себе других женщин и

был ими растерзан.

...сражался за похищенную супругу Менелая... — Имеется в виду миф о похищении Парисом Елены, который лег в основу "Илиады" Гомера.

...умолкал в пещерах Самофракии, храмах Элевзина и лесах Додона... — Самофракия — остров в северной части Эгейского моря, Элевзин — Элевсин — город в 22 км от Афин, известный своим культовым святилищем (6–5 в. до н. э.); Додона — знаменитый религиозный (культовый) центр (7–1 в. до н. э.), находился в западной части Греции в лесистых отрогах юго-западного склона Пинда.

...острова Архипелага — Архипелаг — название морской византийской провинции, располагавшейся на о. Лесбос и прилегающие к нему мелких островах; Полевой переносит это понятие на все острова Эгейского моря, принадлежавшие Византии.

...властитель, утомленный жизнью дряхлого Рима — император Константин I Великий, перенесший столицу из Рима в Константинополь (см. комм. к с. 27).

С. 29. Святая София — Софийский собор,

воздвигнутый в 532–537 гг. при Юстиниане I (482–565), римском императоре (527–565); главный собор царьградский.

...шли удивляться столице Греции. — Здесь и далее Грецией называется Византия, государственным языком которой был греческий, греки составляли значительную часть ее населения, и территории традиционного их проживания являлись важнейшей составной частью Византии.

Латинский первосвященник обладал Римом... — Имеется в виду папа римский, глава светской власти в Риме с 476 г., церковная власть которого распространялась на государства Западной Европы.

...потомок дикого германца назывался римским императором... — Имеется в виду Оттон I (912–973), германский король (с 936 г.), основатель империи (962), которая до 1034 г. называлась Германской, со второй половины XII в. — Священной, а с середины XIII в. — Священной римской империей; титул "римский император" применительно к правителям этой империи впервые встречается в 1034 г.

...обитая в болотах Лютеции. — Полевой

оговорился: имеется в виду Ломбардия (область на севере Италии), входившая в состав империи Оттона. Лютеция — историческое название местности, где находилось кельтское поселение, а затем был основан Париж.

...как Лаокоона змеи... — Имеется в виду сюжет из "Илиады" Гомера — миф о гибели троянского жреца Лаокоона, задушенного вместе с сыновьями двумя огромными змеями. Он был наказан богами, покровительствовавшими грекам, за то, что предсказал горожанам несчастье от коня, оставленного у стен Трои, и пытался остановить их, не дать втянуть коня в город. Боги, заранее предопределив судьбу Трои (внутри коня были скрыты греческие воины — "троянский конь"), не простили жрецу этого вмешательства в намеченный ими ход событий и обрекли его и его сыновей на мучительную смерть.

Царство Константина. — Имеется в виду Византия.

...хоругви сынов Аравии и потомков турка веяли над гробом богочеловека... — Иерусалим, где, по преданию, находится гроб Христа (гроб Господень, гроб богочеловека) — был за-

воеван арабами в 638 г.

С. 30. Гордый болгар заставлял... выкупать спасение золотом... — Византия платила ежегодную дань Болгарии с 927 по 968 г... злодейства Неронов... — Нерон Клавдий Друз Германик Цезарь (настоящее имя — Луций Домиций Агенобарб; 37–68 гг.) — римский император (54–68), отличался жестокостью по отношению к своим противникам; вошел в историю как первый гонитель христиан: обвинив их в поджоге Рима (64 г.), положил начало их преследованию.

...безумие Гелиогабалов... — Гелиогабал, Элагабал — прозвище Марка Аврелия Антонина (204–222), римского императора (218–222), верховного жреца (с 217 г.) бога солнца Элагабала (сирийск. — Гелиогабал); происходил из рода жрецов; "безумной" представлялась современникам и историкам его затея сделать сирийского бога солнца государственным богом на всей территории Римской империи.

...Царьград видел на троне... сумасшедших изуверов... — Имеются в виду императоры, жестоко преследовавшие религиозных про-

тивников — Лев III (717–741), Лев IV (775–780), Лев V (813–820) и особенно Константин V Копроним (741–775) и Михаил III (842–867).

...трон царьградский... с него беспрестанно падали... — Подавляющее большинство из 50 византийских императоров, занимавших царьградский трон до описываемых Н. Полевым событий, умерли не своей смертью, став жертвой заговоров и дворцовых переворотов.

Убийством чудовища очистив дорогу к престолу... Василий Македонянин твердо сел на нем... — Имеется в виду дворцовый переворот 21 апреля 865 г., в ходе которого фаворит императора Михаила III (842–867) македонский крестьянин Василий (он приглянулся императору своей необычной физической силой и искусством укрощать лошадей) убил соправителя Михаила III — надменного кесаря Варду. Спустя два года, после очередного дворцового переворота, но уже против Михаила III — гуляки и пьяницы, убитого 24 сентября 867 г., Василий (ум. 886) стал императором, получив прозвище Македонянин.

Лев Премудрый. — Лев VI Мудрый (866–912) — император с 886 г.

...фигуры риторики, силлогизмы и энтимемы логики... — Риторика — теория ораторского искусства, красноречия. Фигуры риторические — стилистические приемы и обороты, направленные на усиление выразительности речи — повторы, преувеличение (гипербола), нарушение привычного порядка слов в предложении (инверсия) и т. п. Силлогизмы — умозаключения, основанные на двух суждениях (посылках), ведущих к третьему суждению (выводу). Например: пресмыкающиеся — ползают; змея — ползает; следовательно, змея — пресмыкающееся. Энтимена — сокращенный силлогизм, в котором опущена одна из посылок. Логика — наука о формах рассуждений, ведущих к умозаключениям (выводам), о способах доказательств и опровержений.

Константин Порфирородный. — Константин VII (905–959) по прозванию Багрянородный (т. е. родившийся в багрянице, порфире — императором; багряница, порфира — пурпурная мантия, знак отличия императоров и царей), император-соправитель отца (908–912), император (913–920, 945–959); импе-

ратор-соправитель Романа I (921–944).

Роман II (938–963) — император с 959 г.

Василий — Василий II Болгаробойца (958–1025) — император с 976; свое прозвище получил за неслыханную даже по тем временам жестокость при завоевании им Болгарии в 1001–1019 гг.; по его приказу ослепляли павших в плен болгар, оставляя один глаз каждому сотому пленному, который должен был служить другим поводом.

Константин VIII (960–1028) — император с 1025 г.

С. 31...роды Копронимов, Ринотметов, Исавров, Юстинидов, Ираклидов... — Династии византийских императоров, названных так по имени первого в роду самодержца. Копронимы, Исавры (Сирийская династия) — годы правления 717–802; родоначальник Лев III Исавр (Сириец; ум. 741); другое название — по прозвищу сына Льва III — Константина V Копронима. Юстиниды — годы правления 518–582; родоначальник — Юстин I (ум. 527). Ираклиды, Ринотметы — годы правления 610–711; родоначальник — Ираклий (ум. 641); другое название по прозвищу Юстиниана II

Ринотмета, императора в 685–695, 705–711 гг.

...Рим великий!...на троне империи, носившей твое имя... — Византия — другое название Восточной Римской империи, которое она получила по исторической области на побережье Босфора и г. Византию, на месте которого был основан Константинополь (Царьград).

Дядя, его Александр. — Брат Льва VI, император в 912–913 гг.

Роман I (880–948) по прозвищу Лакапин (он родился в местечке Лакапа, расположенном в восточной части Малой Азии), император-соправитель (921–944) — см. комм. к с. 30.

...три сына Романовы — сыновья Романа I — Христофор (ум. 931), Стефан (ум. 945), Константин (ум. 945).

...пустынная обитель, на одном из отдаленных островов Архипелага. — Неточно. Роман I Лакапин был сослан на о. Прот — один из Принцевых островов Мраморного моря, находившихся напротив Константинополя.

...Роман, юный сын его... — император Роман II (см. комм. к с. 30).

С. 32. Феофания — Феофано (девичье имя

Анастасия), дочь трактирщика, жена Романа II с 956 г.

Антиной — юноша, считавшийся идеально красивым, любимец римского императора Адриана II (76-138), в 130 г. утонул в Ниле; в честь него был создан город Антинополь, сооружен храм, отчеканены монеты, изваяны статуи.

Аполлон Бельведерский. — Мраморная скульптура юного красивого греческого бога солнечного света Аполлона, созданная во второй половине 4 в. до н. э. с греческого бронзового оригинала; мраморная копия хранится в Ватикане. Бельведерский (итал.) — прекрасный вид.

Василий и Константин — сыновья Романа II (см. комм. к с, 30).

Никифор II Фока (912–969) — император с 963 г.

...969 от воплощения Бога слова — т. е. от рождества Христова; наше современное летоисчисление.

Индикт — летосчисление, в основу которого положен 15-летний цикл.

Звездозаконники — астрологи.

Фима, фема — единица административно-го деления; провинция, область.

...шатров сарацинских. — Сарацинами в то время называли арабов.

...с колодками на шее... — Колодки — деревянные кандалы, состоявшие из двух соединившихся досок (колод — отсюда название) с одним (для шеи) или двумя (для ног) отверстиями, которые надевались на пленников или арестантов, чтобы те не смогли убежать.

...дев Пелопонеза — т. е. гречанок.

С. 33. Греческий огонь — зажигательная смесь из нефти, смолы и серы, которую выбрасывали (выстреливали) на вражеские корабли из специального устройства — расширяющейся трубки (сифона); впервые был применен в 673–674 гг. при осаде Константинополя арабами; секрет приготовления держался в строжайшей тайне; изобретатель — сирийский архитектор Каллиник (Калликон).

...басни о стенах Вавилона и стовратных Фивах... — Согласно легендам стены Вавилона были настолько мощны, что по ним свободно передвигалась колесница, запряженная четверкой лошадей. Фивы — древнееги-

петский город, находился в верховьях Нила, неподалеку от совр. г. Карнак и Луксор; названы "стовратными" в "Илиаде" Гомера в отличие от "семивратных" Фив, расположенных на территории Греции.

Золотые ворота — парадный въезд в Константинополь, находившийся в юго-западной части городских стен.

...дикий готф... — готы, восточногерманские племена.

Мурманское море — Норвежское море.

...на берегах Венедских — побережье Балтийского моря, Прибалтийские земли.

Боруссия — новолатинское название Пруссии.

С. 34. Порфирные столпы — колонны из порфира, горной породы, образовавшейся в результате застывания лавы, в которой сочетаются вулканическое стекло, кристаллы и другие включения; аналог гранита.

С. 35. Яхонтовое небо — голубое.

...Христом — как называли императоров... — Христос (греч.) — помазанник; императоров и царей по традиции почитали "помазанниками Божьими".

Вечный город — Рим.

Завоеватель Крита. — Столица критских арабов г. Хандэк была взята в марте 961 г. после семимесячной осады.

С. 35–36. "Золота, серебра, золотых монет..." — Цитата из второй книги, гл. 8, "Истории" Льва Диакона (ок. 950 — после 996) — известного византийского историографа. Здесь и далее Полевой цитирует по изданию: "История Льва Диакона и другие сочинения византийских писателей" Спб., 1820. Новейший перевод см. в кн.: Лев Диакон. История. М., 1988.

С, 36. Каппадокия — историческая область, находилась в центральной и юго-восточной части Малой Азии.

...в течение пятилетнего своего царствования... — Никифор царствовал 6 лет и 4 месяца.

Мопсуестия и Тарс Киликийский — города на юго-востоке Малой Азии. Мопсуестия (совр. Мисис, Турция) — была взята 13 июля, а Тарс (совр. Тарсус, Турция) — 16 августа 965 г.

Сорус (Сар) — древнее название реки Сейхан (Турция); впадает в Мерсийский залив Средиземного моря.

Антиохия (совр. Антахья на р. Оронт, Турция) — была взята 28 октября 969 г.

Алепп (Алеппо, Халеб) — город на северо-западе Сирии; был взят в 962 г.; по договору 969 г. эмир Алеппы обязался выплачивать Византии дань.

Гамаданские властители. — Имеется в виду арабская династия Хамданидов.

...одним взглядом своим укротил он бунт... — Весною 969 г. было два "бунта": один, на Пасху, вылился в вооруженное столкновение армянского отряда и константинопольских моряков; другой — сорок дней спустя, в Праздник Вознесения, когда толпе людей, недовольных тяжелым положением, сложившимся после засухи 968 г., и спекуляцией хлебом родственниками и приближенными императора, забросала на рынке Никифора камнями и комьями грязи.

Куропалат — один из высших светских титулов; четвертое по значению лицо в империи, не считая императора.

Эммануил — Мануил Фока, патрикий, двоюродный брат Никифора.

...вырвал... древние Сиракузы... — Полевой

не точен: поход начался в октябре 964 г., византийские войска с ходу овладели Сиракузами и другими городами на о. Сицилия, но после, во время преследования противника, отошедшего в горы, Мануил был убит, а его войска разгромлены, спастись и вернуться на родину удалось немногим.

Велизарий (505–565) — византийский полководец, германец по происхождению, проводил в жизнь политику Юстиниана I, направленную на восстановление Римской империи; в 533–534 гг. разгромил королевство вандалов, известных своими грабежами (отсюда "вандализм"); вел войну с остготами (535–540, 544–548) за освобождение Италии; в 542 г. сдерживал наступление персов, а в 559 — гуннов.

С. 37. Эдесса (ныне Урфа, Турция) — город в Месопотамии; Гиерополь (Гиераполь) — город на р. Евфрат (Сирия) — были взяты византийцами в 966 г.

...багряницу Августа... — Август (лат. — возвеличенный) титул римских императоров; багряница — см. комм. к с. 30.

...св. Михаил Малеин (ум. 961) — дядя Ни-

кифора II Фоки по материнской линии; став в конце жизни монахом, Прославился своим аскетизмом.

...слухи о поражении греков в Сицилии... — см. комм. к с. 36.

...и движениях варваров на Дунае. — Имеется в виду появление на Дунае русских войск в 968 и 969 гг. под водительством Киевского князя Святослава (см. комм. к с. 191).

С. 40. "Синтагмы" — Имеется в виду книга "О церемониях", приписываемая Константину VII Багрянородному.

...о правлении государством, о состоянии Греции... — Имеются в виду книги Константина VII "Об управлении империей" (948–952) и "О фемах" (фема — см. комм. к с. 32).

Ужас Булгаров — Василий II Болгаробойца (см. комм. к с. 30).

С. 41...казался Геркулесом, пойманным Деянирой... — Согласно греч. мифологии Геркулес (Геракл), находясь в загробном мире, куда был послан за стражем подземного царства — трехглавым Псом Кербером (Цербером), в царстве теней встретил тень Мелагра — одного из героев греч. мифов, которому обещал стать

защитником его сестры Деяниры и жениться на ней; вернувшись на землю и встретив Деяниру, Геракл был пленен ее красотой, принял участие в состязании женихов, победил всех претендентов и получил ее в жены.

С. 43. Акуфий — см. наст. издание с. 159.

С. 44. Эллада — название собственно Греции (см. комм. к с. 29).

Геллеспонт — пролив Дарданеллы.

С. 45. Царство Мизийское — Византийское наименование Болгарского царства, формирование которого происходило на земле мизинцев — фракийского племени, вследствие чего в Византии болгар традиционно называли мизийцами (мисянами).

...император Юстиниан уничтожал сию опасную секту... — В 529 г. Юстиниан I изгнал из Афин всех нехристианских философов.

...ниспровергал ее кафедры, разрушал ее проклятые академии... — Имеется в виду Академия, созданная в Афинах в 385 г. до н. э. Платоном как религиозно философский союз, члены которого занимались разработкой широкого круга вопросов в области философии, математики, астрономии, естествознания и

т. п.; в 176 г. до н. э. римский император Марк Аврелий (121–180) учредил в Афинах четыре философские кафедры; Академия и кафедры просуществовали в виде разных философских школ до 529 г., когда были закрыты Юстинианом I.

С. 46...великий святитель Василий... — Василий Великий (ок. 330–379), архиепископ и богослов, основоположник монашеских орденов, создатель устава монашеской жизни.

С. 47. Стефан Византийский (конец VI — перв. пол. VII) — философ, грамматик, составил географический словарь, в котором были и сведения по литературе, истории и жизнеописания знаменитых людей.

Плутарх (ок. 49 — после 119) — древнегреческий историограф и философ.

Симплиций (Симпликий; 1 пол. VI в.) — последний философ-неоплатоник (последователь Платона) был среди изгнанных из Афин в 529 г. Юстинианом.

Козьма Индикоплест (Индикоплов; VI в.) — купец, мореплаватель, автор "Христианской топографии", в которой пытался опровергнуть античную космогонию (учение о воз-

никновении небесных тел) и заменить ее библейской концепцией вселенной.

Чермное море — Красное море.

С. 48. Софисты (греч.) — учителя мудрости.

Арий (ум. 336) — священник из г. Александрии; выступал против христианской идеи богочеловека, утверждал, что существовал только Бог-отец, а сын Божий (т. е. Христос) сотворен им как и человек, но отличается от других людей более высокими достоинствами и в своем стремлении к благу сам становится богом.

Павликий — лицо вымышленное, — предполагаемый основатель павликианства — учения, согласно которому мир разделен на два враждебных царства: одно — духовное, царство бога (добра), другое — материальное, царство сатаны (зла); павликианство отвергло ряд христианских обрядов (крещение, причащение, пост и др.) и церковь, видя в ней защитницу порядков, созданных сатаной (социальное неравенство, эксплуатация и т. п.).

С. 49. Труссы — землетрясения; глады — голод.

...помрачения солнца и месяца... — солнеч-

ные и лунные затмения.

...огненные змеи, огненные столпы на небесах... — кометы и северное сияние.

Оттон I — См. комм. к с. 29.

С. 50. Константин Равноапостольный — имеется в виду Константин I (см. комм. к с. 27). Равноапостольный — т. е. в иерархии святых признан равным 12 апостолам — ученикам и первым проповедникам учения Христа.

...принцесса... выдана за варвара болгарского... — внучка Романа I Мария-Ирина была замужем за болгарским царем Петром (см. комм. к с. 52).

...повелитель... женился на дочери хазарского хана... — Имеется в виду Константин V Копроним.

...женил сына на дочери бедного итальянского князя... — Имеется в виду сын Константина VII Роман II (см. комм. к с. 30); он был обручен с Бертою-Евдокиею (она умерла до свадьбы) — дочерью графа Арльского Гугона, правителя галльского г. Арль (низовья р. Роны на юге Франции), который не был итальянским князем.

С. 51...будто ты... приходишь от Цеза-

рей... — т. е. ведешь свою родословную по прямой линии от римских императоров.

С. 52. Литр, либр — весовая (327,45 гр.) и денежная единица; соответствовала 72 солидам — римская золотая монета весом 4,55 гр., или номисмам — византийская золотая монета аналогичного достоинства.

Сфендослав — греческое написание имени Киевского князя Святослава (см. комм. к с. 191).

Агаряне — собирательное наименование восточных народов, прежде всего арабов; буквально — потомки Агари, служанки библейского Авраама, который имел от нее сына Измаила; другое название агарян — измаилтяне.

Петр Болгарский (ум. 969) — Болгарский царь с 927 г. был женат на внучке Романа I (см. комм. к с. 50) Марии-Ирине, дочери Христофора (см. комм. к с. 31).

С. 53. Киовия — Киев, Киевская Русь.

Истр или Дануб — Дунай.

...юный царь... Борис... — Борис II (ум. 971), сын Петра Болгарского, царь с 969 г.

...град Адриана — г. Адрианополь (ныне —

Эдирне, Турция); назван в честь римского императора Адриана II (76-138).

...внук Симеона, правнук Богориса... — Богорис — Борис I Михайл (ум. 889), Болгарский царь с 852 г.; Симеон (ум. 927) — его сын, Болгарский царь с 893 г.

...просвещенного светом истинной веры отщедрот Великого Василия... — т. е. принявшие христианство в годы правления Василия I Македонянина (см. комм. к с. 30).

С. 54. Ингор — Игорь (ум. 945), князь Киевский с 912 г.

С. 55. Эпиграф. — Библия. Ветхий завет. Книга Премудрости Иисуса, сына Сирахова, гл. 10, ст. 8-10, 12, 25,

Юстиниан — см. комм. к с. 29.

...достопамятная Ника — Имеется в виду восстание в Константинополе 532 г., когда народные массы, недовольные тяжелой налоговой политикой Юстиниана I и руководимые цирковыми партиями "синих" ("голубых") и "зеленых", вышли на улицу с цирковым кличем — "Ника!" (греч. Nika! — "побеждай!").

С. 56. Прокл (412-485) — знаменитый греческий философ-неоплатоник в строительстве

Святой Софии (532–537) участия принять не мог; кого и что имел в виду Полевой — неизвестно; храм построили Анфимий (у Полевого — Актемиий) Траллеский и Исидор Милетский — византийские зодчие.

Нарфекс или портик оглашенных. — Имеется в виду нартекс — притвор, помещение с западной стороны храма, где происходило "оглашение" желающих принять веру — знакомство их с христианским учением перед обрядом крещения; некрещеных дальше нартекса в храм не пускали.

С. 57. Аврелиан Луций Домиций (214–275) — римский император с 270 г.; в 274 г. ввел культ бога Солнца, провозгласив его высшим государственным божеством.

...из храма Эфесского... — Имеется в виду одно из семи чудес света — знаменитый храм Артемиды (богини плодородия и целомудрия, покровительницы супружества и деторождения), находившийся у г. Эфеса (западная часть Малой Азии при впадении р. Каист — ныне Малый Мендерес — в Эгейское море). Этот храм в 356 г. до н. э. был сожжен, желавшим хоть как-то прославиться Геростратом

("геростратова слава"), но затем восстановлен
С. 58. Оттоманское юношество — турецкие
юноши.

Платейская битва. — Имеется в виду разгром греками персов в 479 г. до н. э. у г. Платеи (северо-западное побережье Коринфского залива, Греция).

Бог Дельфийского храма — Аполлон; Дельфы — святилище (храм) Аполлона у подножия горы Парнас в Фокиде (историческая обл. в центральной Греции между Коринфским и Малийским заливами), местонахождение одного из знаменитых прорицателей (оракулов) Греции.

Победоносный Мугаммед IV. — Победителем в Царьград (Константинополь) после полуторамесячной осады и штурма города вошел 29 мая 1453 г. турецкий султан Мехмет (Мухаммед) II (1432–1481).

С. 59. Лизимах — Полевой оговорился. Имеется в виду Лисипп (2-я пол. 4 в. до н. э.) — знаменитый древнегреческий скульптор, создавший несколько статуй Геракла (Геркулеса, Алкида). Лизимах (Лисимах; ок. 360–281) — военачальник Александра Македонского.

Акциум (Акций) — мыс и одноименный город на берегу Амброкского залива (ныне — Артрийский залив на северо-западе Греции), напротив которых флот римского императора Августа (63 до н. э. — 14 н. э.) 2 сентября 31 г. до н. э. разбил флот Марка Антония (82–30 г. до н. э.) — римского политического деятеля и полководца; в 43–36 гг. одного из соправителей Августа (члена триумvirата), затем его противника в борьбе за власть.

Римская волчица — Согласно преданию, младенцы Ромул и Рем — будущие основатели Рима, брошенные Амулием — легендарным царем г. Альба Лонга — в р. Тибр и прибитые волнами к берегу, были вскормлены волчицей и затем воспитаны пастухом.

Сцилла — мифическое морское чудовище, имевшее двенадцать ног и шесть голов с огромными пастьями, обитало по одну сторону пролива между Италией и Сицилией и пожирало все живое; с другой стороны этого пролива находилось другое чудовище — Харибда, которая трижды в день всасывала в себя воду и с ревом выпускала обратно. Храбрый и мудрый Одиссей — герой троянского цикла грече-

ских мифов, сумел провести свой корабль через пролив, охраняемый этими чудовищами (см. гомеровский эпос — "Одиссея"). В переносном смысле: оказаться между Сциллой и Харибдой — значит попасть в ситуацию, когда с одной и с другой стороны вам угрожает зло, разное по характеру, но одинаково неотвратимое и страшное.

С. 59–60. Взоры зрителей... отдыхали на статуе Елены. — Елена Прекрасная — одна из героинь греческой мифологии ("гомеровского эпоса"), дочь Леды и Зевса, падчерица мифического спартанского царя Тиндара.

С. 60...диких обитателей Лаконии. — Имеются в виду спартанцы, жители г. Спарты — центра Лаконии (обл. на юго-востоке Пелопоннеса). Елена была не только падчерицей Тиндара, но и женой Спартанского царя Менелая (см. комм. к с. 28).

"О, что скажу я о совершенстве ее стана..." и далее: "О дочь Тиндара..." — Цитаты из "Хроники" Никиты Хониата (Хониатского; ок. 1150–1213) — византийского оратора и историка.

Афродита — греческая богиня любви и кра-

соты.

Эней — персонаж греческо-римской мифологии; родился в Трое; упоминается в "Илиаде" Гомера, главный герой "Энеиды" Вергилия Публия Марона (70–19 до н. э.) — римского поэта.

Илион — второе название г. Трои, отсюда "Илиада".

Треножник Дельфийский — своеобразный круглый стул с тремя ножками, на котором восседала во время своих пророчеств и предсказаний пифия — жрица-прорицательница Дельфийского храма (см. комм. к с. 58).

Прорицалище Аполлоново — храм в Дельфах (см. комм. к с. 58). С. 61. Аполлоний Тианский — Полевой оговорился. Имеется в виду так называемая статуя Аполлона Тенейского в Коринфе (6 в. до н. э.). Аполлоний Тианский (I в. н. э.) — проповедник-моралист, философ, последователь греческого философа Пифагора (ок. 540–500 до н. э.).

...подобно голове Медузы. — Медуза (греч. — повелительница) — мифическое чудовище, тело ее покрывала медная чешуя, в волосах вились и шипели змеи, а встретив-

ший ее взгляд превращался в камень; погибла от руки Персея, который отрубил Медузе голову, глядя на ее отражение в медном щите; изображалась в виде женской головы, с волосами из змей.

С. 62...в Олимпии, Немее, на Истме Коринфском. — Имеются в виду игры: Олимпийские, проводимые в честь Зевса раз в четыре года в священной Олимпийской долине; Немейские, также в честь Зевса, которые проводились в Немейской долине каждые два года на второй и четвертый года Олимпиады, и Истмийские, проводившиеся на Коринфском перешейке раз в два года в честь греческого бога морей и вод Посейдона.

С. 63...полчища парфян... — Парфяне, иранское племя, кочевников в I–III вв. Рим и Парфянское царство вели борьбу за обладание Месопотамией и Арменией.

Калигула ("солдатский ботинок") — прозвище Гая Цезаря Германия (12–41), римского императора с 37 г.; Нерон — см. комм. к с. 30; Вителлий Авл (12–69), римский император с 69 г. Коммод — Марк Аврелий Коммод Антоний (161–192), римский император с 180 г.; Ка-

ракалла ("одетый по-галльски") — прозвище Марка Аврелия Севера Антония (186–217), римского императора с 211 г., Гелиогабал — см. комм. к с. 30.

С. 64...сражение разных званий... — т. е. людей разных сословий.

Ересь Ария — см. комм. к с. 48.

Антиохия — см. комм. к с. 36.

Равенна — город в северной Италии; основан в 5 в. до н. э, этрусками (древнейшая народность, населявшая Апеннинский полуостров); в 3 в. до н. э. завоеван римлянами; в 5 в. н. э. — резиденция западноримских императоров; в 493–555 гг. — столица государства остготов, затем — византийского наместника.

Никея — город на берегу Мраморного моря, столица Вифинии — исторической обл. на северо-западе Малой Азии; со 2 в. до н. э. в вассальной зависимости от Рима; с 74 г. до н. э. — в составе Римской империи.

С 66. Царствование Маркаана; Пулькерии и Льве утвердило православие... — Имеется в виду борьба с религиозными распрями, вызванными различным пониманием двуединности естества в Христе, которая завершилась

поражением еретиков, ориентировавшихся на толкование, свойственное египетской церкви (сущность Христа едина), и укреплением в Константинополе позиций сторонников двуединости (Христос имел два естества — божеское и человеческое); наиболее острый характер эта борьба приняла в годы правления императора Маркиана и императрицы Пульхерии (450–457) и императора Льва I (457–474).

Евтихий — архимандрит одной из Константинопольских церквей в 40-50-е годы IX в.; сторонник подчинения Константинопольской церкви (православной) египетской ("еретической").

...варвары сарацинские жгли... — Знаменитая Александрийская библиотека (Александрия — см. прим. к с. 87) была почти полностью уничтожена в 273 г. войсками императора Аврелиана (см. прим. к с. 57), ее остатки были переправлены в храм Серапиум (отсюда — Серапионская библиотека).

...знаменитая библиотека Серапионская... — Серапиум был разрушен в 391 г. христианами-фанатиками; в 642 г. его уничтоже-

ние завершили мусульмане-фанатики.

...школы Веритская и Эдесская были уничтожены... — Эдесская теологическая школа (г. Эдесса в Сирии), где ведущее место занимали последователи Нестория (см. комм. к с. 69), была закрыта византийским императором Зионом в 489 г.

Арианин — последователь Ария (см. комм. к с. 48).

Лев, возведенный на престол силою... Аспара... — Аспар — готский вождь, командир отряда наемников-варваров, где офицерами были византийцы; в 450 г. его офицер Маркиан стал мужем Пульхерии и императором, после смерти которого в 457 г. императором стал другой офицер отряда — фракиец Лев (см. выше комм. к этой стр.). Аспар, его семья и отряд готов были перебиты солдатами корпуса исавров, которыми командовал Зион, вскоре женившийся на дочери Льва I и после его смерти ставший императором (474, 476–491).

Лев младший — Лев II, император Византии в 474 г.

Зенон... заключенный заживо в гробни-

цу... — Имеется в виду версия, согласно которой во время дворцового переворота 9 апреля 491 г. мертвецки пьяного Зинона (Зенона) выдали за покойника и заживо похоронили.

...самозванца Василиска. — Василиск — военачальник, брат жены Льва I, захватил в январе 475 г. власть в Константинополе, провозгласил себя императором; в августе 476 г. войска Зинона заняли Константинополь и императором снова стал Зинон.

...любимец супруги его... Анастасием назывался... — Вдова Зинона Ариадна своим мужем избрала своего любовника, выходца из незнатной семьи, дворцового служащего — силентария (см, кн. с. 40) Анастасия Дикора, которого затем сенат, духовенство и цирковые партии Константинополя, в свою очередь, избрали императором; правил до 518 г.

Грубый славянин, пахарь фракийский, сел на престол... Юстином назывался... — Юстин I (ум. 527) — македонский крестьянин благодаря силе и красивой внешности стал гвардейцем, дослужился до высокой должности командира дворцовой гвардии; после смерти Анастасия 10 июля 518 г. гвардия, сенат и цир-

ковые партии избрали его императором.

С. 67. Юстиниан... основатель... учения римского права... — Имеется в виду систематизация по инициативе Юстиниана I действующего римского законодательства и составление единого "Свода гражданского права" (529 г.).

Нарсес (ок. 478–568) — византийский полководец, армянин по происхождению; в 552–555 гг. разбил в Италии остготовов; первый византийский наместник Италии (555–567).

Велизарий — см. комм. к с. 36.

...Феодоры, публичной плясуньи, дел которой постыдились бы Мессалины и Фаустины... — Феодора (500–548), императрица, жена Юстиниана I, до замужества была дочерью смотрителя за дикими зверями в Константинопольском цирке; невысокого роста, изящная, отличалась редкой красотой к уму; рано начала развратную жизнь, была танцовщицей, куртизанкой; проявила себя великой мастерицей тайных интриг, беспощадно расправлялась со своими врагами. Мессалина (ок. 25–48) — третья жена болезненного и слабохарактерного римского императора Клав-

дия (10–54; император с 41 г.), одна из наиболее известных развратниц эпохи Римской империи; властная, коварная, жестокая, женщина, фактически управляла страной вместе со своими любовниками; участвовала в заговоре против мужа, после чего была им казнена. Фаустина — Было две Фаустины — мать и дочь: Старшая (100–141), римская императрица с 138 г., и Младшая (130–176), римская императрица с 161 г. Имя Фаустины — во множественном числе — Полевой приводит, следуя традиции, идущей еще из античности. Однако в конце XIX в. историки обратили внимание на ряд фактов из супружеской жизни этих женщин, которые дали основание для серьезных сомнений относительно справедливости и объективности той характеристики, какую дали им античные писатели.

...заставил несчастных мудрецов... укрываться при дворе Хозроя... — Имеется в виду бегство афинских философов во главе с Иоанном Дамаскием (Дамаскином; ок. 460 — после 538) ко двору шаха Ирана, персидского царя с 531 г., Хосрова I Ануширвана (ум. 579), после закрытия в 529 г. Юстинианом I афинских фи-

лософских школ.

Феодорик, повелитель Рима... — Имеется в виду Теодорих I Великий (454–526), король остготов с 471 г.; в 493 г. убил правителя Италии (с 476) Одоакра (433–493) и основал на ее территории государство остготов.

С. 69. "Синие" и "зеленые" ударили на бат... — Далее описывается восстание "Ника" (см. комм. к с. 55).

Несторий (ум. ок. 450) — антиохийский священник, потом константинопольский патриарх в 428–431 гг.; осужден как еретик в 431 г. и сослан в Египет; основатель учения (несторианство), согласно которому Христос родился простым человеком, сумевшим преодолеть свойственные людям слабости и стать мессией — божьим избранником (посланцем), призванным установить на Земле угодный Богу порядок; божественное начало, считали несториане, никогда не сливалось в Христе с человеческим, пребывая в относительном соединении, и дева Мария была не Богородицей, а "человекородицей".

Пелагий (ум. 418) — кельтский священник, основатель пелагианства (ок. 400 г.) — уче-

ния, согласно которому человек не подавлен первородным грехом, рождается свободным и сам выбирает свой путь; на него, как и на других потомков Адама и Евы, не переходит первородный грех, ибо грех свойство души, а не тела, а потому человек своими собственными действиями, разумом и озарением, посылаемым Господом, способен достичь праведности и спасения. Пелагианство было осуждено византийской церковью.

...хитрый Трибониан... — Видный византийский юрист, правовед, главный деятель законодательной реформы Юстиниана I, руководил составлением "Свода гражданского права", разработкой других законодательных и судебных актов.

Иоанн Каппадокийский — министр финансов и видный администратор при Юстиниане I, провел финансовую и налоговую реформы, в частности ввел "налог на воздух", — за нарушение нормы (менее 10–15 шагов), какой определялось расстояние между домами; ввел постоянные рыночные цены на рабов и т. д.; его реформы тяжело сказались на материальном положении горожан, но обогатили

императорскую казну; они явились одной из причин восстания "Ника" (см. комм. к с. 55).

С. 70. Герулы — племя восточных германцев; сначала проживало в Скандинавии; в 3–4 вв. — перебралось в низовья Рейна, затем — в 5–6 вв. на берега Дуная; их многочисленные отряды находились на службе у римлян и византийцев.

С. 73. Аммиан Марцеллин — Аммиан Марциал (ок. 330–400) — выдающийся византийский историк, автор многотомного труда "Деяния"; грек по происхождению; умер задолго до описываемых Полевым событий; цитируемые слова относятся к римскому Цирку.

...чудо зодчества на месте сгоревшей Софийской церкви... — Об этом говорится на с. 55–57 настоящего издания.

С. 74. Юстин II (ум. 578) — византийский император в 565–678 гг.

Иконоборцы — противники иконопочитания; считали иконы своеобразными идолами и культ икон — формой идолопоклонства; такой взгляд на иконы разделяли павликианцы (см. прим. к с. 48). Лев III Исавр в 730 г. ввел запрет на почитание икон, этот запрет сохра-

нялся и в годы правления Константина V Копронима (см. комм: к с. 30), культ икон восстанавливается в 787 г. и окончательно утверждается в 843 г.

Канкрыйские, или раковые стихи — стихотворения, каждая строка которых читается слева направо и справа налево.

С. 75...тогда знамениты были... — Полевой перечисляет известных византийских историков и писателей, в том числе родившихся уже после описываемых им событий.

...патриарх Фотий составил... Мириовивлон... — Имеется в виду объемное собрание выписок из 280 произведений греческих авторов, названное "Мириобиблон", ("Многочитие", дословно — "Много книг"), осуществленное видным ученым, книжником и дипломатом Фотием (ок. 820 — ок. 893), константинопольским патриархом в 858–867 и 877–886 гг.

С. 75. Феофилакт (917–956) — константинопольский патриарх в 933–956 гг.

С. 76. Роман младший — Роман II (см. комм. к с. 30).

...в походах азийских и сицилийских... —

см. комм. к с. 36, 37.

...приблизжался не с тем поездом — т. е. не с той свитой.

С. 77...половина седьмой тысячи лет близка к окончанию... — Согласно летосчислению от сотворения мира тогда шел 6477 г. эта цифра — результат сложения библейского времени от начале сотворения мира до рождества Христова (5508 лет) и после рождества (969 лет).

С. 80. "Провидение Всевышнего..." — Лев Диакон "История" кн. 5, гл. 3.

Менандр (342 — ок. 290 до н. э.) — древнегреческий комедиограф.

Стобей Иоанн (VI в.) — византийский писатель, составил книгу "Цветник, или Сборник изречений", в составе которой до нас дошли и отрывки из утраченных комедий Менандра.

С. 82. Изида, Исида — египетская богиня материнства; управляла человеческими судьбами.

С. 85. Атлантида великого Платона — см. комм. к с. 28.

...с куском металла будет он плавать на морях... — т. е. с компасом.

Офир — библейское название сказочно богатой страны.

...в мифах Элевзина и Мемфиса, Дельф и Самофракии... — см. комм. к С. 28, 60.

Сократ испивает цикуту... — Сократ (470–399 до н. э.) — древнегреческий мыслитель, мастер философского спора и мудрой, беседы; свои высказывания и рассуждения никогда не записывал, его суждения дошли до нас в изложении других греческих философов (диалогах Платона, сочинениях Аристотеля и т. д.); был постоянно окружен слушателями-учениками, вел с ними беседы о благе, справедливости, власти, которую должны осуществлять люди "лучшие", высоконравственные, честные, овладевшие искусством управления; критиковал недостатки современной ему афинской демократии, на основании чего был обвинен в "введении новых божеств и развращении юношества" и приговорен к смерти; отказался от спасения бегством, принял в тюрьме яд.

Цикута (лат.) — веж ядовитый, растение семейства зонтичных.

Архимед гибнет под мечом варвара... —

Знаменитый античный математик и физик погиб в 212 г. в Сиракузах при взятии города войсками карфагенского (финикийского) полководца Ганнибала (247–183 до н. э.).

Софокл влечется на суд... — Софокл (ок. 496–406 до н. э.) — великий древнегреческий драматург, трагик. Его сын Иофонт, желая получить в свои руки все имущество, принадлежавшее их семье, подал на престарелого отца в суд, объявив его сумасшедшим, неспособным вести хозяйство. Однако суд отверг это обвинение, в свою очередь, указав на умопомешательство самого Иофонта.

С. 86...в отчизне Авариса, Замолксиса и Анахарсиса, искали света... — Имеются в виду государства Северного Причерноморья, Скифия — северные по отношению к Византии страны. Замолкис — скиф-гет, жил в рабстве у Пифагора (6 в. до н. э.), позднее распространял его учение в Скифии. Анахарсис (2-я пол. 6 в. до н. э.) — скиф-философ, долгое время жил в Греции; его прямота, честность, непосредственность, отсутствие коварства почитались греками, как идеал утраченной ими добродетели; выступал для греков образцом морали

"варваров"-росов, духовным наставником скифов (тавро-скифов).

Великий Епифаний — Имеется в виду Епифаний Кипрский (315–403), епископ (с 376 г.) Саламина (Констанция) на о. Кипр; в своих сочинениях собрал и систематизировал источниковедческие и критические материалы по 80 ересям, включая философские школы и различные религиозные секты, что в сжатой форме изложено Полевым.

С. 87...златая цепь мудрых, из Александрии перенесенная в Пергам, из Пергама в Афины... — Александрия — город, основанный Александром Македонским в 332–331 гг. до н. э. в Египте в дельте Нила, был культурным, научным и торговым центром Востока по III в. н. э., прославился своей библиотекой — одним из семи чудес света; в IV–V вв. начинается культурный и экономический упадок города; в 391 г. в результате религиозных распрей, сопровождавшихся разрушением литературных и культурных центров, научная жизнь в нем фактически прекратилась. Пергам (совр. г. Бергама в западной части Малой Азии) — основан в 4 в. до н. э., столица Пер-

гамского царства (293–133 до н. э.), научный и культурный центр; наивысший расцвет — 241–159 г. до н. э., его библиотека соперничала с Александрийской; затем начинается упадок; разрушен арабами в 713 г. Афины — один из центров античной науки и культуры 5 в. до н. э. — 6 в. н. э. Полевой в предложенной им хронологии "золотой цепи мудрых" неточен. Эта "цепь" берет свое начало в Афинах с момента создания Академии Платоном в 385 г. до н. э., проходит через Александрию и Пергам и в Афинах замыкается вместе с ликвидацией философских школ Юстинианом I в 529 г.

Порфирий (234 — ок. 305) — греческий философ-неоплатоник (последователь Платона); умер в Риме. Ямвлихий (Ямвлих; ок. 280 — ок. 300) — греческий философ, последователь Порфирия, основатель сирийской школы неоплатоников. Плутарх Афинский (ум. 432) — греческий философ, возглавлял Академию Платона. Сириан — греческий философ-неоплатоник, возглавлял Академию Платона в 432–437 г. Прокл Диадох (412–485) — философ-неоплатоник, возглавлял Академию Пла-

тона после смерти Сириана. Мария, Исидор Газский, Зенодот — философы, последовательно возглавлявшие Академию после смерти Прокла. Дамаский (Дамаскин) Иоанн — ее последний глава (о нем см. комм. к с. 67).

Лицей перипатетиков — философская школа, созданная Аристотелем; получила свое название по месту — "Перипат(ос)" (греч. — крытая галерея, часть здания гимназия или Лицея), где проводил свои занятия с учениками Аристотель.

Портики стоиков — философская школа, основанная в Афинах ок. 300 г. Зеноном (ок. 333–262 до н. э.); получила название По портику Стоя ("Stoa poikile" — "Пестрый портик"), где проводил занятия Зенон.

С. 88. Кипосы эпикурейцев — философская школа ("кипос"), основанная в 310 г. в г. Митилена древнегреческим философом Эпикуром (341–270 до н. э.) и переведенная в 306 г. в Афины.

С. 89...при... Василии Македонском славянам суждено было восхвалить Бога истинного на своем языке... — Имеется в виду начало богослужения на славянском языке, которое на-

чал вести в Моравии выдающийся просветитель епископ Мефодий, куда он направился из Рима в 696 г., после смерти своего брата Константина (Кирилла).

Александр хотел уничтожить род свой... — см. об этом в книге на с. 31.

Кедрин Георгий (XII в.) — византийский писатель, составил "Обозрение истории", охватывающей события 284-1057 гг.

Зонара Иоанн (ум. после 1118) — византийский писатель-историк, автор "Сокращенной истории", повествующей о событиях мировой истории, начиная от сотворения мира по 1118 г.

Скифская царица... — Имеется в виду княгиня Ольга, которая в 957 г. посетила Константинополь и тогда же, по преданию, приняла крещение; существует, однако, мнение, что она крестилась раньше, еще в Киене, и приехала в Царьград уже крещеной.

С. 90. Аль-Мамун — халиф (верховный правитель) Арабского Халифата в 813–833 гг.

Феофил (ум. 842) — византийский император в 829–842 гг.

С. 92. Платон... написал обо всем этом... —

Имеется в виду книга Платона "Апология".

С. 93...как Дарий, идти в Скифию... и погубить там юношество царьградское... — т. е. погубить византийское войско подобно персидскому царю Дарию I (ум. 485 до н. э.), предпринявшему против скифов поход в 514–513 гг. до н. э., закончившийся неудачно.

С. 94...приводил в пример Ирода и Юлиана Отступника... — Имеется в виду библейская легенда о неудавшемся плане царя Иудеи (с 40 г.) Ирода I Великого (ок. 73-4 до н. э.) погубить родившегося Христа. Не зная, где и в какой семье родился Христос, Ирод приказал "избить всех младенцев в Вифлееме и во всех пределах его, от двух лет и ниже". Однако накануне, ночью, разбуженные ангелом, родители Христа — Иосиф и Мария, вместе с младенцем покинули Иудею и ушли в Египет, Христос был спасен. Юлиан Отступник — Флавий Клавдий Юлиан (332–362) — византийский император с 361 г., вошел в историю церкви как гонитель христиан; придя к власти, он отказался от христианства, перешел в язычество, возродил почитание старых (языческих) богов, вернул из ссылки всех против-

ников христианства, удалил из школ учителей-христиан и т. д., заслужив тем самым прозвище "Отступник".

Псамметих (664–610 до н. э.) — египетский фараон 26 й династии.

Антоний — см. комм. к с. 59.

С. 95...бунтовщика Виталия — Имеется в виду Виталиан, византийский военачальник, руководитель восстания Балканских провинций в 513–515 гг.

...начал Прокл... кончил мудрый Каллиник... — см. комм. к с. 33.

С. 96. Мирмикион (Мирмикий) — город, расположенный в Крыму в районе нынешней Керчи.

Меотийские болота — Меотида — древнее название Азовского моря.

Атрид — Агамемнон, персонаж "Илиады" Гомера.

...от берегов ледяной Фуле (Туле) — так греческий географ и исследователь северо-запада Европы Пифей (4 в. до н. э.) назвал остров — крайнюю точку, до какой ему удалось добраться. Византийские историки отождествляли ее со Скандинавией, однако уста-

новить, какой остров имел в виду Пифей, пока не удалось.

С. 99. Симпликий — см. комм. к с. 47.

...по примеру Эпикура... — Имеется в виду развиваемая Эпикуром (см. комм. к с. 88) мысль, что наслаждаться жизнью можно, лишь обретя независимость от внешних условий, "живя незаметно", отрешившись от действительности, удалившись от людей, убежав от общества.

Эпиктет бежал из Рима... — Эпиктет (букв. "прикупленный" — кличка раба; подлинное имя — неизвестно; ок. 50-ок. 140) — греческий философ-стоик, в юности был рабом, затем отпущен на волю; изгнан вместе с другими философами из Рима, в 89 г. императором (81–96) Домицианом Титом Флавием (51–96), недовольным их позицией по отношению к его власти: они выступали за личную свободу; подобно Сократу, Эпиктет излагал свои мысли в беседах, ничего не записывая.

...во времена Диоклитиановы... — Полевой оговорился, Диоклетиан Гай Аврелий Валерий (245–316) был римским императором в 284–305 гг., т. е. много лет спустя после смерти

Эпиктета.

С. 100...развернул огромную книгу... — "О природе человека" Немесия (Немезия) Эмесского (вторая половина V — начало VI вв.) — ранневизантийского мыслителя, епископа сирийского г. Эмессы. Далее идет изложение взглядов Немесия, получивших отражение в названной книге.

С. 102...подобно Плавтову Скупому — Имеется в виду Эвклион — персонаж комедии "Клад" ("Золотой горшок") выдающегося римского комедиографа Плавта (ок. 250–184 до н. э.).

С. 103...спишь крепче Эндимиона — Эндимион — в греческой мифологии прекрасный юноша, возлюбленный богини Луны Селены, которому — по одной версии Зевс, по другой сама Селена — даровали бессмертие, погрузив в вечный, непробудный сон.

С. 111. Эпиграф — Симпликий "Эпиктета-философа памятные заметки" (см. комм. к с. 47, 99).

Киприда — другое имя греческой богини любви и красоты Афродиты по одному из мест ее культа — о. Кипру.

Психея — супруга греческого бога любви Эроса.

С. 112. Нинон Ланкло — Анна (Нинон) де Ланкло (1616–1706) — известная французская куртизанка; первым ее поклонником был знаменитый кардинал Ришелье; до поздней старости сохранила остроту ума и привлекательность, ее салон (дом) посещали знатнейшие люди, поэты, писатели.

Лаис, Фрин, Таис, Аспазий, Ласфений — имена греческих гетер, ставшие нарицательными для обозначения женщин легкого поведения, куртизанок.

...изобретая Аркадии — Аркадия — горная область в центральной части Пелопоннеса; картины ее природы, идиллические сцены безмятежной, райской жизни пастухов и пастушек на ее фоне, воспетые эллинскими поэтами и Вергилием, со временем стали символом безмятежною, райского уголка земли, общим местом сентиментальной поэзии; олицетворяла мечту о счастливой жизни в полном слиянии с природой.

Венера — римская богиня любви.

Диана — римская богиня женственности и

плодородия, соответствует Артемиде (см. комм. к с. 57).

Флора — римская богиня весны, цветов и юности.

Юнона — римская богиня, высшее женское божество, покровительница женщин и домашнего очага.

С. 113. Омирова Елена — героиня "Илиады" Гомера.

Виргилиева Лавиния — персонаж "Энеиды" Вергилия.

Диоген Синопский (ок. 412–323 до н. э.) — философ-моралист, отличался презрительным отношением к культуре (жил в бочке), вел нищенский образ жизни, считал себя гражданином мира (космополитом), отвергал брак, утверждал, что надо жить по законам природы, подобно первобытным людям,

Перикл (ок. 495–429 до н. э.) — один из крупнейших афинских деятелей, при котором Афины в 444–429 гг. достигли экономического, политического и культурного расцвета. Его второй женой была Аспасия (Аспазия), однако их брак не был признан законным; противники Перикла обвинили на этом основа-

нии Аспасию в безнравственности, привлекли к суду, нарекли ее гетерой.

Аристофан (ок. 445 — ок. 386 до н. э.) — выдающийся греческий драматург-комедиограф.

Исократ (436–338 до н. э.) — известный афинский оратор и публицист.

Никий (ок. 470–413 до н. э.) — афинский военачальник и политический деятель, был сторонником мирного, а не военного решения территориальных, экономических и политических проблем.

...примерах Юлий, Мессалин и Агриппин... — Было две Юлии, известные своим распутством, — мать и дочь: Юлия старшая (39 до н. э.- 14 н. э.) — дочь императора Августа, и Юлия младшая (18 до н. э.- 28 н. э.) — внучка Августа, дочь первой и императора Агриппы (63–12 до н. э.); Мессалина — см. комм. к с. 67; Агриппина Юлия Младшая (15–59) — была женой трех римских императоров, в том числе своего дяди, которого отравила, чтобы возвести на трон своего любовника.

С. 114. Лукиан (ок. 120 — ок. 190) — греческий писатель, автор сатирических диалогов.

Ювенал Децим Юний (ок. 60 — после 127) — великий римский поэт-сатирик.

Солон (ок. 640–560 до н. э.) — видный политический деятель и поэт; став в 594 г. главой афинского государства, пытался законодательным путем установить права и обязанности граждан в соответствии с их имущественным цензом по принципу: у кого выше ценз, у того больше прав, но и больше обязанностей; упразднил большинство привилегий родовой аристократии; внес существенный вклад в развитие рабовладельческой демократии.

С. 115. Туле — см. комм. к с. 96.

С. 119...вечный трон Аллы — Аллаха.

С. 124. Анакреон (Анакреонт; сер. 6 в. до н. э.) — греческий поэт, родоначальник европейской грациозной любовной лирики ("анакреонтики").

Сафо (Сапфо; 2-я пол. 7 в. до н. э.) — выдающаяся греческая поэтесса.

Феокрит (1-я пол. 3 в. до н. э.) — известный поэт, лирик, автор сборника "Идиллии", основоположник европейской буколической (пастушеской) поэзии.

Афинодор — Атенодор (1 в. до н. э.) — философ из Тарса; жил в Риме.

Досиады — фигурные стихи, в которых путем графического расположения строк создаются очертания каких-либо предметов ("Алтарь", "Яйцо" и т. д.); названы по имени римского поэта Досиада (3 — нач. 2 в. до н. э.).

Музей, Мусейон (букв. — место пребывания муз) — храм, помещение, предназначавшееся для занятий науками и искусствами.

С. 125. Немезида (Немесида) — греческая богиня возмездия.

...полет журавлей обличал преступника... — Имеется в виду легенда о журавлях, которые были свидетелями убийства разбойниками Ивика (2-я пол. 6 в. до н. э.), греческого поэта-лирика; Умиравший поэт, видя пролетающих над ним птиц, сказал: "Журавли отомстят за меня". Спустя время, разбойники были в Городе, в один из них, увидев летящих в небе журавлей, насмешливо сказал другому: "Мстители за Ивика летят". Эти слова, изобличающие преступников, услышали стоявшие рядом люди, они схватили разбойников, которые во всем признались и были казнены. На

этот сюжет немецкий поэт Ф. Шиллер написал балладу "Ивиковы журавли", которая была переведена на русский язык В. А. Жуковским.

С. 132. Сирены — в греческой мифологии злые демоны в образе птиц с женской головой; обитали на одном из островов, своим волшебным пением зачаровывали мореплавателей, которые поворачивали корабли, плыли на их голос и разбивались о скалы.

С. 133. Аттическое выражение — т. е. утонченно-насмешливо-образное, отличавшее манеру высказывания жителей Аттики и прежде всего Афин в пору наивысшего культурного расцвета города, расположенного в этой части Греции и объединившего под своей властью население области.

С. 136. Эпиграф — слова Талфибия из второго эпимодия трагедия "Гекуба" выдающегося греческого драматурга Еврипида (ок. 480–406 до н. э.).

С. 138...уоставил сочинение... — "О ведении войны".

С. 139...на горах Гемусских — Гемус см. комм. к с. 28.

Вельбуд — верблюдо.

С. 141–142...таинственная рука, начертанная на стене чертогов... — Имеется в виду библейский рассказ о том, как во время пира вавилонского царя Валтасара появилась рука и на стене, напротив лампы, написала слова, предрекавшие его гибель. В ту же ночь Валтасар был убит (Книга пророка Даниила, гл. 5).

С. 142."...некоторые пары в недрах земли..." и "Так элины..." слова из "Истории" (Книга четвертая, гл. 9) Льва Диакона.

С. 151. Сципион — Было два Сципиона, римских полководца: П. Корнелий (235–183 до н. э.) и П. Корнелий Эмилиан (185–129 до н. э.) — кого имел в виду Полевой, неясно.

С. 155. "Неизвестно, — говорит один из современников..." — Лев Диакон "История", кн. 5, гл. 6.

С. 158. "Как скоро злодеи увидели..." — Лев Диакон "История", кн. 5, гл. 3, 7–9; кн. 4, гл. 7.

С. 159. Пега, Пиги (совр. Балыкли) — пригород Константинополя за западной стеной.

Анаратас, Анарата — пригород Константинополя на азиатском берегу Босфора.

Алкид — другое имя Геракла (см. комм. к с. 59).

С. 160...сыны Алоевы, От и Эфальт, хотевшие, как говорят, взойти на небеса. — Один из сюжетов греческой мифологии, получивший отражение в гомеровском эпосе. Возгордившиеся сыновья Алоэя (Алоя) От и Эфальт, желая взойти на небо, сковали бога Ареса, взобрались на Олимп, где обитали боги, но были остановлены и сокрушены Аполлоном ("Илиада", гл. V, ст. 386; "Одиссея", гл. XI, ст. 305–320).

Навуходоносор Вавилонский воздвиг себе истукан... — Навуходоносор II (605–562 до н. э.) — царь Вавилонии. Однако Лев Диакон, которого цитирует Полевой, в своем изложении библейского сюжета, неточен. В Книге пророка Даниила не утверждается и не подчеркивается, что он возвел этот истукан себе (т. е., что это была статуя самого Навуходоносора), а говорится просто, что это был "золотой истукан", которому царь Вавилонский заставил всех поклоняться.

Александр сын Филиппа — Александр Македонский.

С. 161. Макиавелли Никколо (1469–1527) — итальянский политический деятель, писатель, историк эпохи Возрождения.

С. 163. Недостаточествуют — т. е. не получают почести, соответственно своим заслугам, положению.

С. 164. Иосиф Прекрасный... жена Пентефриава... — Имеется в виду библейский рассказ о том, как жена, Пентефрия (Потифара) "фараонского царедворца, начальника телохранителей", пыталась соблазнить служившего у них Иосифа, но, не добившись желаемого, оклеветала его перед мужем, сказав, что именно Иосиф пристает к ней со своими притязаниями. Поверив ей, Пентефрий отправил Иосифа в тюрьму (Библия. Ветхий завет. Бытие, гл. 39).

С. 166. Перевод: "Да сотворит тебя Бог победителем на многие лета"; "Ты всегда будешь победителем!"

С. 174. Фракия — см. комм. к С. 28.

Биотия — область в центральной части Греции.

С. 176. Фурии — римские богини мщения, изображались в облике, внушающем ужас, со

змеями в голове, бичами, факелами.

С. 187...приявший мытаря и разбойника... — Иисус Христос. Мытарь — сборщик податей (налогов); мыт — налог за ввоз товаров.

С. 188...Исав, похитивший тайно благословение Исаака... — Цимисхий оговорился. Благословение Исаака предназначалось как раз Исаву, а обманным путем получил его брат Иаков (Библия, Ветхий завет. Бытие, гл. 27).

СЛОВАРЬ УСТАРЕВШИХ И МАЛОУПОТРЕБИТЕЛЬНЫХ СЛОВ

А дамант — алмаз.

Аер — воздух.

Ажно — даже, между тем, так что.

Алкать — сильно желать.

Алтарь — жертвенник; в православной церкви — главная, восточная часть, отделенная от общего помещения иконостасом.

Амвон — возвышенная площадка в церкви перед иконостасом.

Анафема — церковное проклятие, означающее отлучение от церкви.

Антиподы — обращенные ногами друг к другу; жители диаметрально противополож-

ных точек земного шара; люди с противоположными чертами характера, взглядами.

Апофегма — краткое, меткое поучительное, наставительное слово, изречение.

Аргамак — верховая лошадь восточной породы.

Архистратиг — самый главный военачальник, предводитель, вождь.

Аспид — род африканской ядовитой змеи; злой, с черной душой человек.

Багряница — широкий плащ ярко красного, пурпурного цвета, подбитый горностаем; торжественное облачение царей, императоров.

Балдакин, балдахин — нарядное убранство, свисающее над кроватью, ложем, престолом.

Балясы — столбики под перила, поручни, ограду; пустые, праздные разговоры.

Бармы — оплечье, ожерелье, часть торжественной одежды с изображениями святых, предназначенная для парадных выходов князей, царей, высших чинов духовенства.

Баядерка — служительница религиозного

культы в восточных странах; танцовщица и певица.

Бдеть — бодрствовать, не смыкать глаз, неусыпно следить за чем-нибудь.

Белец — живущий в монастыре, но еще не постриженный в монашество.

Бердыш — старинное оружие, боевой топор в форме полумесяца.

Бирюч — помощник князя по судебным и дипломатическим делам, глашатай, объявлявший народу воля князя.

Благовест — колокольный звон перед началом церковной службы, производимый одним колоколом.

Блюдись — берегись, остерегайся от неблагоприятных дел и поступков.

Болван — старинное название статуи; идол, истукан.

Бортъ — улей в дупле или выдолбленная колода, пень для пчел.

Брань — вражда, война, сражение, бой, битва.

Братина — большой сосуд, чаша с крышкой или без нее, в которой разносили питье, пиво на всю братию и разливали его по чаш-

кам, кружкам.

Брение — очень жидкая глина, грязь; брennyй — глиняный, непрочной, легко разрушаемый.

Будуар — небольшая комната в женской половине для приема друзей, посетителей, расположенная рядом со спальней.

Буесть — отвага, удаль, молодечество, дерзость.

Былий, былъе — травинка, соломинка.

Василиск — сказочное чудовище с телом петуха, хвостом змеи и короной на голове, убивающее все живое одним своим взглядом.

Вежа — шатер, кибитка; башня шатрового типа.

Велелепно — великолепно, блистательно, красиво.

Велий — славный великими, знаменитыми подвигами (о людях); великий, огромный (о вещах, предметах).

Вельми — весьма.

Вепрь — дикий кабан.

Вержет — опрокидывает, бросает, кидает.

Вершник — всадник.

Верток — букв. верх пальца, фаланга; древнерусская мера длины — 4,45 см.

Весь — село, селение, деревня.

Ветшаний — ветхий, изношенный.

Взалкать — проголодаться, захотеть поесть.

Вино курить — извлекать, гнать из хлеба и др. растительных частей спирт, горячее вино.

Виссон — дорогая белая или пурпурная материя в Древней Греции и Риме.

Витамице — жильё, жилище, убежище.

Вития — оратор; красноречивый, речистый человек.

Власяница — грубая одежда, сделанная из волос; одевалась на голое тело для смирения плоти.

Впадите — войдите, вступите.

Волоковое окошко — окно с задвижкой, внутренней ставней.

Волостель — властитель, начальник над областью, назначаемый правительством.

Волошские — из Валахии, исторической области, располагавшейся между Дунаем и Карпатами.

Волховать — гадать, предсказывать.

Встола, ватола — накидка из грубой крестьянской ткани.

Вран — ворон.

Вретище — траур; траурные одежды.

Выя — шея.

Вящщие — знатные, сановитые, богатые.

Гиероглифы — иероглифы.

Гинекей — женская половина дома в Древней Греции, Риме и Византии.

Глагол — слово, речь.

Глад — голод.

Гливы — груши.

Голбчик — пристройка к печи, припечье, со ступеньками на печь и полати, с дверцами, полочками внутри и лазом в подпол,

Головщина, головщик — управляющий одним клиросом в монастырских церквах; а также (обл.) — торговец яствами; уголовник, преступник.

Гонт — дранка, клиновидные дощечки, кровельный материал,

Горка — полочки, шкафчик для посуды.

Горний — вышний, возвышенный, небесный.

Гост — купцы.

Гривенка — единица веса (фунт — см.), а также дорогая подвеска у образов, икон; позднее — название монеты достоинством 10 копеек.

Гривна — древнерусская серебряная денежная единица, слиток весом около фунта (см.); серебряное или золотое украшение (награда) в виде прямоугольника или овальной формы, с цепочкой; надевалось на шею.

Гудок — смычковый инструмент, род скрипки без боковых выемок, с тремя струнами.

Дебрь — глубокий овраг, ложбина, а также долина, густо заросшие лесом.

Дееписатель — летописец.

Держава — золотой шар с крестом наверху, символ царской, императорской, монаршей власти.

Десница — правая рука.

Десятина — древнерусская единица земельной площади, равная 1,09 гектара.

Дефтерь — ханский ярлык (грамота) о видах, характере и размерах дани, которую князь

зья должны были платить хану.

Джерид, джирит — дротик, метательное копьё; джериды — копьеметатели.

Доблий — доблестный, великодушный, добродетельный, благородный, крепкий в деле добра, сильный и твердый в добродетели.

Доезжачий — старший псарь на охоте.

Докончание — конечные условия, окончательная редакция договора, грамоты.

Долбня — колотушка, деревянный молот или просто бревно с выструганной, отесанной ручкой, рукоятью.

Домовище — гроб.

Досканец — ящичек, ларец.

Древле — в старину, в давние времена, встарь.

Дреколья — дубины, палки, колья, употребляемые в качестве оружия.

Дышло — толстая оглобля, прикрепляемая к середине передней осп повозки при парной запряжке.

Дуля — груша.

Духовник — священник, которому исповедуются в своих грехах.

Елей — оливковое масло, употребляемое в церковном обиходе.

Елень — олень.

Епанча — старинная русская одежда, длинный широкий плащ, имел парадную и дорожную формы.

Ересиарх — основатель ереси или главный авторитет среди ее сторонников.

Животишки, животы — стяжанье, движимое имущество, богатство,

Загонуть — загадать загадку, предложить что-то для разгадки.

Заклад — спор, пари; залог, обязательство при займе.

Заклепы — запоры, засовы.

Закута — часть хлева или комнаты, отведенная для мелкого скота и молодняка; чулан, кладовая в избе.

Золотые — попавшие в силки; пойманные, взятые под стражу.

Замшаный — покрытый мохом; забытый, затертый; законопаченный.

Заспа — крупа.

Зельно — обильно, очень много, весьма сильно, крепко.

Зернь — игра в кости (зерна) в чет-и-нечет.

Зипун — верхняя одежда русского крестьянина из грубого толстого сукна, обычно без ворота.

Иверни — черепки, мелкие осколки.

Изурочить — изувечить, искалечить, сглазить, навести на кого-нибудь порчу, болезнь.

Имать — брать, ловить; собирать (дань), изымать (пошлину); созывать.

Инбирни, имбирники, — калачи, хлеб, испеченные с имбирем — пряным корнем тропического травянистого растения.

Ипат — командующий отрядом, предводитель.

Ископать — вырыть, выкопать; добытое, вырытое.

Исполать! — Хвала! Слава!

Исправа — обзаведение чем-либо; одежда, сбруя, упряжь.

Испечаловать — истгоровать, иссохнуть; испросить себе утешение, заботу, защиту от печали.

Истукан — идол, статуя.

Исчадие — чадо (сын или дочь), родившееся на горе родителям, позорящее их своими действиями и поступками; порождение ада.

Калбат, колбат — грубосшитая одежда.

Каленая стрела — с закаленным, особо твердым наконечником.

Калита — кожаный мешочек, сумка для денег, которую носили на поясном ремне.

Камка — шелковая узорчатая ткань.

Капитель — верхняя часть колонны, столпа.

Келейник — послушник или монах, прислуживающий духовному лицу.

Кесарь — в Византии титул соправителя, "некоронованного" императора.

Кимвал — ударный музыкальный инструмент, похожий на современные тарелки.

Киноварь — минерал красного цвета (сернистая ртуть); использовалась для изготовления краски.

Кичение — хвастовство, спесь, показное превознесение самого себя.

Кичька, кичка — головной убор замужних

женщин в виде повязки.

Клеврет — друг, союзник, единомышленник; с середины XIX в. значение этого слова изменилось на "подручный", "приспешник", "слепо следующий за своим господином".

Клиент — первоначально: лицо, зависимое от сановника-покровителя; в новое время — постоянный посетитель, покупатель, пользующийся чьими-то услугами и т. п.

Клир — совокупность, собрание священнослужителей и церковных деятелей.

Клирос — возвышенное место в христианском храме перед алтарем, где находятся чтецы и певчие (хор).

Клобук — головной убор православных священников цилиндрической формы со спадающей на плечи тканью черного или белого (у патриархов и митрополитов) цвета.

Кобза — восьмиструнный округлый музыкальный инструмент; был распространен на Украине.

Ковы — козни, коварные умыслы.

Кожух — верхняя одежда из кожи; овчинный тулуп.

Кокошник — головной убор русских жен-

щип в виде украшенного полукруглого щитка или веера.

Кольми — особенно, тем более, коли.

Копышились — копошились; ломались, упрямылись, чванились.

Кошевня — станица, казачий лагерь.

Кравчий — боярин, ведавший царским столом.

Краеградие — край, грань чего-либо; дальние городские окраины.

Крыж — крест.

Крыжаки, крыжи — крестоносцы; прозвище рыцарей Ливонского Ордена, вообще воинов, пришедших из стран, исповедовавших латинскую (католическую) веру.

Ктитор — основатель, создатель; в православной церкви — староста, избранный прихожанами.

Купует — покупает.

Кура — вьюга, буран, метель, пурга, поднимающая снег от земли.

Курники — сдобный круглый пирог с курицей и яйцами; род калача с запеченной в нем курицей — свадебная хлеб-соль молодым от всех родных.

Кущи — землянки, шалаши, жилище в безлюдном месте в лесу; дикие, безлюдные, запустевшие леса.

Кызылбаши — "красные головы" — прозвище воинов-персов по красному головному убору.

Лазуревый — светло-синий.

Ланиты — щеки.

Ласкательство — лесть, угодничество, заискивание, униженное потворство.

Лепый — красивый, прекрасный, пригожий, бесподобный.

Ложница — спальная комната.

Локоть — старинная мера длины, равная расстоянию от конца среднего пальца до локтевого сгиба (ок. 60 см).

Ливан — ладан; пахучая смола.

Литр, либр — весовая и денежная единица (см. комм. к с. 52).

Литургия — обедня; христианское богослужение, во время которого совершается причастие.

Лихоманка — лихорадка, горячка, воспаление.

Личины — маски.

Лукоморье — морской залив, побережье.

Мальвазия — сладкое виноградное вино с о. Мадейра (Мадера).

Мамка — кормилица; старшая няня.

Матица — основной брус, балка, на которую настиляется потолок.

Матрона — в Древнем Риме — замужняя, почтенная женщина, мать семейства.

Миро — благовонное масло, употребляемое в христианских обрядах,

Мордка — мелкая монета, копейка.

Мостольга — большая кость:

Мошна — мешочек для денег, сумка, кошелек.

Мыт — пошлина на ввоз товаров, за проезд через заставу, через мост и т. д.

Мытарить — плутовать, обманывать, промышлять неправедными подборами.

Мытарь — сборщик податей, мыта.

Нагольный тулуп — кожей наружу, не покрытый тканью.

Налой — столик в церкви для богослужений.

НЫХ КНИГ.

Напасть — беда, неприятность.

Наперсник — человек, пользующийся особым доверием; любимец.

Нарекать — называть, именовать; укорять, обвинять,

Нарочитый — значительный, именитый.

Нарочито — обильно.

Начетчик — церковный чтец.

Невегласно — скрытно.

Некошный — недобрый, нечистый, дьявольский, вражеский.

Несть — не есть, нет, отсутствует.

Неумытный — неподкупный, беспристрастный, честный, правдивый.

Обдернулся — ошибся.

Обида — неправо дело по отношению к кому-либо; оскорбление, бесчестие; лишение имущества, нанесение убытков; побои и т. п.

Облелеять — обласкать, изнежить.

Оболочь — облекать, облечь во что-то, укрыть, одеть.

Обретаться — находиться, быть где-то.

Овн — овца.

Овому — кому, одному.

Оглобля — круглая жердь, служащая для запряжки лошади.

Огневица — горячка; сыпь на коже.

Огневщики — пожарники; факельщики.

Одалиска — прислужница в гареме; обитательница гарема, наложница.

Одесную — по правую сторону,

Одр — постель, ложе.

Озадки — опыт прошлого, прошлое, дурные последствия, оставшееся в памяти сожаление.

Онучи, онучки — кусок плотной ткани, накручиваемой на ноги при ношении лаптей, сапог; портянки.

Опас — охрана, опека, заступничество, покровительство.

Опрятать — привести в порядок, — обрядить; обмыть, одеть (о покойнике).

Осанна! — Помоги нам! — молитвенное восклицание при богослужении.

Отрепья — тряпье, лохмотья, рваная одежда, обноски.

Отрок — младший дружинник, использовался для выполнения разного рода поруче-

ний.

Охобень, охабень — широкий кафтан с большим откидным четырехугольным воротом, с длинными декоративными узкими рукавами и прорезами (в подмышках) для рук.

Ошую — по левую сторону.

Паволока — бумажная или шелковая восточная ткань, а также одежда из нее.

Паникадило — церковная люстра, канделябр.

Папир — бумага.

Пастырь — пастух.

Патриций, патрикий — придворный титул высшего ранга, давал право на самые высокие должности.

Паче — более, лучше.

Пеня — деньга, деньги.

Пергамент — материал для письма из телячьей кожи; документы, рукопись на таком материале.

Перепечь, перепеча — род кулича, каравай, печеные хлеба.

Перл — жемчуг.

Персть — пыль, прах, малая щепотка зем-

ля.

Перуны — стрелы, быстрые, как молнии;
Перун — см. комм. к с. 196.

Пестун — воспитатель.

Печалованье — оказание милости, забота о ком-то, покровительство.

Пешцы — пешие воины, пехотинцы.

Плаун — болотное травянистое растение, мох; в сушеном виде использовался в качестве табака, "земляного ладана".

Плевелы — сорные, вредные растения на хлебном поле.

Плеща — плечи.

Плотоядный — хищный (о зверях и птицах).

Повапленный — окрашенный в белый (известью) цвет.

Повеждь — поведай, расскажи, открой кому-то на что то глаза.

Погар, погарь — гарь, погоревший лес.

Погост — новгородское укрепленное поселение; сельский приход, кладбище при церкви.

Поддатень — приданный кому-то помощник, товарищ в деле.

Подзоры — спускающаяся кружевная оборка, кайма.

Подьячий — служащий государственного учреждения (Думы, приказа), помощник дьяка (начальника приказа, отдела, канцелярии); писец, письмоводитель.

Поезжане — званые гости на свадьбе.

Поелику — поскольку, по возможности.

Позорище — зрелище, представление.

Полиелей — средняя праздничная служба в церкви, когда зажигаются свечи на паникадилах.

Полоть — половина вдоль разрубленной мясной туши.

Полсть — половина звериной шкуры,

Помози — помощи, подсоби.

Понеже — так как, потому что.

Поприще — древнерусская путевая мера, равная 1,5 версты (1,6 км); место для игр, борьбы; жизненный путь.

Портик — крытая галерея с колоннами, прилегающая к зданию.

Порфир — см. комм. к с. 34.

Порфирный — багряный, пурпурный,

Посадник — выборный городской голова.

Посконный ряд — торговый ряд с дешевыми, простыми, грубыми льняными и конопляными тканями и изделиями из них.

Посконь — конопля.

Поставец — столик с ящичками.

Постригся — совершил обряд пострижения в монахи, сопровождаемый подрезыванием волос.

Посхимился — принял схиму, высшую монашескую степень, требующую строгого соблюдения суровых аскетических правил

Потребится — понадобится, потребуется.

Починки — закладка в лесу новой пашни и деревни; новая деревня.

Презорливый — высокомерный, гордый, надменный.

Прешедший — уходящий, проходящий, прошедший.

Привечать — кланяться, принимать ласково, радушно, приветливо здороваться.

Привременный — пребывающий временно, непостоянный, изменчивый, причудливый.

Присно — всегда.

Притоманный — истинный, настоящий

(друг).

Притон — пристань, бухта.

Просвира — белый круглый хлеб, употребляемый в церковных обрядах.

Простыня — простосердечный, прямой; прощение (церковное); просторы, пустошь.

Пря — спор.

Препри — переспорь, победи в споре.

Псальмы — духовные стихи и песни, созданные в подражание псалмам, составляющим одну из библейских книг — Псалтырь,

Пята — пятка; полпяты — полпятки, несколько сантиметров,

Рагозиться — ссориться.

Радуница — см. комм. к с. 312.

Размирье — нарушение мира, ссора, несогласие.

Разстани, розстани — прощание, проводы, последнее свидание перед разлукой.

Рака — первая выгонка вина; первач.

Рамена — плечи.

Ратовище — древко копья, бердыша или рогадины.

Ритор — оратор, учитель ораторского ис-

кустства.

Романея — сладкая настойка на фряжском (французском, заморском) вине.

Ряса — верхняя длинная приталенная одежда с широкими рукавами у православно-го священника.

Сажень косая — русская мера длины, измеряемая расстоянием от правой пятки до конца поднятой вверх левой руки, или от левой пятки — до конца поднятой вверх правой руки.

Сайдак, саадак — комплект стрелкового оружия — лук с налучником (чехлом) и колчан со стрелами.

Сарацины — одно из древнейших кочевых аравийских племен, в дальнейшем — общее название арабов.

Сатрап — наместник правителя в восточных странах; в дальнейшем — деспот, самовольный, ни с чем не считающийся правитель, самодур.

Свежина — свежее несоленое мясо,

Свещница — подсвечник.

Свитка — верхняя длинная распашная

одежда из домотканого сукна.

Сделье — сделанное, приготовленное быстро, наскоро; результат небольшой, недолгой работы.

Се — это, вот.

Секира — оружие, топор на длинной рукояти.

Сенник — матрас, тюфяк, набитый сеном или соломой сенная постель; сарай для сена, сеновал.

Сенные девки — служанки в женской половине, горничные.

Синодик — список имен умерших для поминовения в церкви,

Скимен — львенок.

Скипетр — жезл с драгоценными камнями и резьбой, знак царской, императорской власти.

Скора — меха.

Скрынка — сундук, коробка, ларец; горшок, крынка, жбан с крышкой; жестяная стопка.

Сладить — договориться,

Смесной — смешанный.

Смоква — инжир, плод смоковницы; в

Древней Руси — вяленая, сушеная вишня или слива (чернослив).

Снаряды — снаряжение, принадлежности,

Снедь — пища, еда.

Содом — беспорядок, хаос; от библейского г. Содома, разрушенного за сумбурную, греховную, непорядочную жизнь его жителей.

Сотью — в сотый раз.

Софисты — философы

Спекулятор, спекулятор — палач.

Ставка — палатка, шатер; ткацкий станок.

Стакался — сговорился.

Стенать — стонать, охать при душевной боли, плакать, кручиниться.

Степь — тень, пелена.

Стклянка, сткляночка — бутылочка, пузырек, небольшой стеклянный сосуд с горлышком.

Стогны — городские площади и улицы.

Стоп — колонна, столб.

Столечник — скатерть.

Стратиг, стратилат — предводитель, военачальник, вождь.

Стязи, стяги — военные знамена и значки на конце древка.

Сулея — плоская бутылка, посуда с горлышком.

Схима — обет, клятва; монашеский чин, налагающий на принявшего его самые строгие аскетические правила и требования поведения.

Сыта медвяная — питье, подслащенное медом, или медовый взвар на воде.

Такать — поддакивать, соглашаться.

Тамга — клеймо, отличительный знак на чем-либо; пошлина, подать за приложение клейма.

Тарабарский — бессмысленный, бестолковый; непонятный; зашифрованный.

Тарханная грамота — грамота, освобождающая от всех податей и налогов; а порою — и от судебной ответственности.

Татаур — широкий пояс у бояр и священников; ремень, на котором подвешивался язык колокола.

Тать — вор, похититель, грабитель.

Тезоименитство — наименование именин, дня ангела у высоких особ.

Тенета — нить, сети, сетка из ниток.

Теорба — шипковый, струнный музыкальный инструмент с низким тембром; басовая разновидность лютни.

Терлик — длинный приталенный кафтан с короткими рукавами.

Терн — колючий кустарник, род сливы.

Тимпан — музыкальный инструмент наподобие бубна

Тиун — должностное лицо в Древней Руси, управляющий, приказчик, судья.

Тма, тьма — десять тысяч.

Тма тем — сто тысяч.

Толичать — многократно называть, упоминать.

Толмач — переводчик.

Триклиний — столовая комната.

Триодь — богослужебные книги, содержащие песнопения и молитвы.

Триумфатор — победитель.

Тузлук — старинное украшение, которое носили на поясном ремне.

Тук — тучный, обильный.

Туне — втуне, напрасно, даром, зря.

Туск — тусклость, помутнение.

Тысяцкий — выборное лицо от каждой ты-

сячи горожан или крестьян; военачальник; старший свадебный чин.

Тюника, туника — древнеримская белая шерстяная или льняная одежда в виде длинной рубашки с короткими рукавами.

Угобзонный — удобренный, обогащенный, щедро одаренный; гобза — обилие, богатство, достаток, урожай.

Уполох — тревога, набат, сполох.

Успение — кончина.

Устав — условие, договор, уговор; грамота, определяющая какие-то правила, порядок действий, обязательства.

Фарганы — варяги, норманны.

Ферезь, ферязь — верхняя мужская прямая неприталенная одежда с длинными рукавами и без ворота; женское платье с застежками снизу доверху.

Фиал — чаша.

Фиглярка, фигляр — скоморох, шут, кривляка, фокусник, ловкий обманщик (в цирке).

Фимиам — благовонное вещество, используемое в церквях при богослужениях.

Фляга — плоский дорожный сосуд, бутылка.

Фунт — мера веса, равная 409,5 гр.

Фурия — см. комм. к с. 176.

Фут — мера длины, равная 30,48 см,

Хари — маски.

Хартия — старинная рукопись, документ, грамота.

Хитон — древнегреческая одежда в виде рубахи (до колен или ниже) с рукавами или без них, перетянутая поясом.

Хлябь — глубина, пропасть, бездна.

Хоругвь — воинское знамя, стяг, значок на древке; в церкви полотнище с изображением святого, используемое во время церковных шествий.

Хрептуг — мешочек для овса, который привязывается к оглоблям, чтобы кормить лошадей, не распрягая их.

Хронограф — летопись; запись событий по годам, хроника.

Целовальник — выборное должностное лицо в Древней Руси по финансовым или су-

дебным делам; давал клятву на честное исполнение своих обязанностей, скрепляя ее це-лованием креста.

Цырен — котел, ящик; солеваренная сковорода.

Челядь — первоначально — рабы; затем — слуги, дворовые люди, вообще феодально зависимые от князя, боярина люди.

Червень — пряжа или ткань, окрашенная в красный, багряный цвет.

Червчатый — ярко-малиновый, багряный, красный.

Чернец — монах.

Чертоги — пышные, богато убранные, великолепные, украшенные помещения во дворцах, домах или сами дома, дворцы.

Четверина, четверик — русская мера объема сыпучих тел — 26,24 л.

Четки — шнурок, нитка с узлами или бусами из дерева, кости, применяемая для отсчета молитв или поклонов.

Чиниться — соблюдать требования сословного — по чину — поведения; вести себя соответственно своему чипу.

Чли — чтили, почитали, оказывали почтение, уважали.

Шафран — южное травянистое растение, рыльца цветка которого использовались в качестве приправы, а также для окраски бульонов, теста, стряпни в желтый цвет.

Шелега, шелег — неходячая монета, бляшка для счета в играх или в память чего-либо.

Шуйца — левая рука.

Щегла — флагшток; лестница из одного бревна с вырубленными или прибитыми ступенями.

Щепетко — тщательно, аккуратно, модно, нарядно, щегольски.

Щеть — щетина.

Эпитимия, епитимия — наказание в виде продолжительного поста, длительных молитв и т. п. обрядов, налагаемое на исповедующегося священником.

Эпитрахиль, епитрахиль — часть облачения, одежды священника, длинный расширенный узорами передник, надеваемый на шею и носимый под ризой. Риза — верхняя одежда

священника при богослужении; ряса — повседневная одежда.

Яко — как.

Ярыжки — нижние полицейские чины, следили за порядком на улицах, собирали налоги (земские ярыжки) и т. д.

Яспис — яшма.

Яхонт — старинное название рубина и сапфира.

Примечания

Лев Диакон.

[^^^]

Никита Хониатский.

[^^^]

Лев Диакон.

[^^^]

Прокопий.

[^^^]

Καλος — Κυριος.

[^^^]

Кедрин и Зонара.

[^^^]

Перевод Сефа, Отд. X.

[^^^]

8

"Главизны увещаний" ("Κεφαλαια
παραινετικά") Василия Македонского.

[^^^]

Лев Диакон. "Так элины безрассудно изъясняли сие явление по своему мнению", — прибавляет он.

[^^^]

Лев Диакон.

[^^^]

ΒΟΥΣ — БЫК, ВОЛ; ΛΕΩΝ — лев.

[^^^]

Лев Диакон.

[^^^]